

история и современность

Б. И. Марушкин

**История
в современной
идеологической
борьбе**

Б. И. Марушкин

**История в современной
идеологической борьбе**

издательство 'МЫСЛЬ' МОСКВА

1972

история и современность

Б. И. Марушкин

История в современной идеологической борьбе

**(Строительство
социализма в СССР
сквозь призму
антикоммунистической
историографии США)**

9(C)2
M25

**Главная редакция
социально-экономической
литературы**

1-6-1
80-73

Оглавление

Стр.		
6		Введение
17	I	«Советоведческая индустрия»
40	II	Можно ли предотвратить революцию?
84	III	Исторический опыт строительства социализма в «советологической» интерпретации
150	IV	Решающая роль Советского Союза во второй мировой войне и буржуазная историография
192	V	Миф о «советской угрозе» — дымовая завеса империализма

Введение

Стремительное развитие мирового революционного процесса вновь и вновь подтверждает историческую правоту ленинизма, выражающего коренные потребности современности. В социальной практике сегодняшнего дня сбываются пророческие слова В. И. Ленина, сказанные им много лет назад: «За наши взгляды вступается сама история»¹.

В развернувшейся на международной арене напряженной схватке двух идеологий особенно возрастает роль исторической науки. То, что историк, рассказывая о прошлом, дает (вольно или невольно) свою интерпретацию настоящего и будущего, служит достаточным объяснением идеологического потенциала историографии. Вместе с тем все более важный смысл приобретает практическое значение истории — аккумулятора человеческого опыта — для политики.

В тотальной мобилизации всех идеологических ресурсов, которую осуществляет империа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 65.

лизм в борьбе против идей марксизма-ленинизма, проблема «актуальности истории» имеет немаловажное значение. Западные историки любят приводить высказывание Дж. Сантаяны: «Тот, кто не помнит прошлого, осужден повторять его ошибки». Правда, не менее часто упоминаются иронические слова другого корифея буржуазной философской мысли — Б. Рассела: «История лишь помогает оправдать сегодняшнюю глупость ссылкой на подобную же глупость в прошлом». Тем не менее обращение «к знанию истории» признается на Западе, как об этом писал гарвардский профессор А. Шлезингер, почти что необходимым элементом политического руководства². На тему соотношения истории и политики на Западе сейчас создаются целые исследования.

В декабре 1968 г. известный буржуазный историк, президент американской исторической ассоциации Дж. Фэрбэнк выступил перед годовым собранием ассоциации с докладом «Задачи на 70-е годы». В весьма патетических выражениях он призвал своих коллег с удвоенной энергией трудиться на поприще избранной профессии, подчеркнув, что в нынешнюю «эру мирового кризиса» на американскую историографию возлагается «особая миссия» изучения и осознания социальных последствий научно-технической революции. Отмечая развитие в современном мире процессов, подмывающих позиции империализма, Дж. Фэрбэнк с тревогой констатировал «зловещую ограниченность» способности буржуазной исторической науки найти эффективный ответ на расту-

² A. Schlesinger, Jr. The Historian and History.—“Foreign Affairs”, 1963, April, p. 496—497.

щий вызов «динамичных революционных изменений». Не следует забывать простых истин, подчеркнул американский профессор, «только хорошо познав противника, можно стать непобедимым»³. Автор одного из учебных пособий по антикоммунизму Р. Миллер выразился еще более определенно: «Американцам необходимо точное знание коммунизма, чтобы более эффективно бороться против него. Тренер футбольной команды, который уподобляется страусу перед состязанием или преуменьшает силы другой команды, имеет отличные шансы потерпеть поражение»⁴.

Буржуазная историография США весьма активно выполняет свою идеологическую функцию, стремясь охватить сферой своего воздействия максимально широкие круги населения. Прошло время, когда буржуазный историк замыкался в «башне из слоновой кости», подчеркнуто демонстрируя незаинтересованность в общественных последствиях своих трудов. Ныне он — желательная, если не необходимая, фигура в правительственных организациях, в отделах «планирования политики», в пропагандистском аппарате, даже в генеральных штабах. История принимает практический, почти прикладной характер. Она широко использует современные технические возможности для усиления своего влияния и воздействия на общество.

Резкое повышение идеологического и политического потенциала историографии в США привело к ее «институционализации» как важно-

³ *J. Fairbank*. Assignment for the 70's.— "American Historical Review", 1969, February.

⁴ *R. Miller*. Teaching about Communism. New York, 1966, p. 14.

го элемента государственной стратегии. В особенности этот процесс затронул отрасли «теоретических исследований», призванных «научно» опровергать марксизм-ленинизм и давать практические рекомендации политикам. «Изучение коммунистической части мира, — констатировал канадский профессор политических наук Ф. Майо, — сегодня одна из самых значительных наших академических индустрий»⁵. Однако огромный конгломерат научно-исследовательских организаций Америки отнюдь не представляет собой нечто однотипное, не подверженное никаким изменениям. Возникновение и развитие антикоммунистического направления в буржуазной историографии США имеет свои специфические социальные и гносеологические причины, связанные с общим развитием американского империализма, с процессом приспособления его антикоммунистических методов и приемов к реальности идеологической борьбы двух систем.

Проблема «модификации» и «адаптации» антикоммунизма к изменяющимся условиям — одна из актуальнейших на идеологическом фронте империализма. Антикоммунистическая пропаганда имела достаточно поводов и времени, чтобы убедиться в тщетности своих усилий повернуть вспять колесо истории. В докладе координационного комитета республиканской партии, подготовленном к президентским выборам 1968 г. 100 ведущими специалистами по международным отношениям, констатировалось: «Должно признать неоспоримым, что мы (т. е. США. — Б. М.) можем оказать

⁵ "The Communist States and the West". Ed. by A. Bromke. New York, 1967, p. 4.

лишь слабое воздействие на внутреннюю социально-политическую структуру столь большой, сильной и независимой в экономическом отношении страны, как Советская Россия»⁶. В октябре 1969 г. профессор университета Джорджа Вашингтона, директор созданного в начале 60-х годов Института советско-китайских отношений К. Лондон с сокрушением отметил, что «преобладающее большинство» советских людей, «по-видимому, не имеют никакого реального желания менять свою систему»⁷.

В этой связи призыв профессора Колумбийского университета Р. Хилсмэна и дипломата Р. Гуда «приспособить как старые, так и новые инструменты политики к новой обстановке»⁸ воспринимается в идеологических кругах США если не как панацея, то как приемлемый рецепт. Причем следует заметить, что антикоммунизм проявлял и проявляет значительную изворотливость, умение мгновенно реагировать на любую смену условий в «этом быстро изменяющемся мире».

Если говорить об антикоммунистическом направлении в буржуазной историографии, то следует отметить две фазы в его развитии, которые соответствуют двум альтернативным методам борьбы против коммунизма, к которым прибегал американский империализм в разные периоды истории. Антикоммунистические тенденции в исторической науке США прояви-

⁶ "Choice for America". Washington, 1968, p. 423.

⁷ K. London. The Soviet Union and the West.— "Current History", 1969, October, p. 199.

⁸ "Foreign Policy in the Sixties: the Issues and the Instruments". Ed. by R. Hillsman and R. Good. Baltimore, 1965, p. 7.

лись еще в прошлом веке в высокомерной и недалёковидной трактовке марксизма как «умозрительного», «чужого» и «чуждого» Америке феномена. С характерным для нее пренебрежением к «философским системам», эмпирически регистрируя факты, буржуазная историография США придерживалась представления об Америке как «реализованной утопии», которой-де «никакой социализм не нужен».

Самодовольно-мессионистской апологии «американской судьбы» был нанесен сокрушительный удар Великой Октябрьской социалистической революцией. Развитие мирового революционного процесса после второй мировой войны уничтожило ее окончательно. Понятно, с какой злобой антикоммунистическая историческая наука США восприняла Октябрьскую революцию и ее последствия, трактуя их как чудовищный катаклизм, как разрушение «естественного» состояния общества, высшим достижением и выражением которого, по официальной буржуазной мифологии, является американская система.

«Эмоционально-истерическая фаза» антикоммунизма в историографии перекликалась с общей стратегической линией империализма на уничтожение новой социально-экономической формации с помощью силы извне. Для нее характерны концепции «случайности», «незакономерности» Октябрьской революции, социалистических революций в других странах. Социализм изображался как «монолитно-тоталитарный», «экспортирующий революцию» и угрожающий Западу строй. В исторической литературе делались бесчисленные попытки утвердить положения о «неизменном, иррациональном начале» в истории России и СССР,

о «преемственности», будто бы имеющей место между внешней политикой царской России и Советского Союза, о «статичности» «тоталитарной структуры» социализма.

Примитивный антикоммунизм, исходя из принципа, что все методы хороши для уничтожения «коммунистического комплекса зла», использует самые вульгарные, низкопробные приемы «полемики», не останавливаясь перед подтасовкой фактов, искажением документов и материалов. С особым усердием фальсифицируются ленинские работы. Так, еще в 50-х годах, по свидетельству видного дипломата трумэновской администрации Ф. Джессепа, в государственном департаменте США распространялся специальный сборник подложных «ленинских цитат», призванных доказывать «агрессивность коммунизма»⁹. В конце 40-х — начале 50-х годов антикоммунисты, пытаясь оправдать свою собственную агрессивную политику, усиленно выдвигали миф о некоем «коммунистическом расписании захвата мира», базирующемся на «ленинской заповеди». Подобные приемы прямой подтасовки фактов вызывают критику среди самих буржуазных ученых. Так, известный американский дипломат и историк Дж. Кеннан признал в одном из выступлений в 1965 г.: «После второй мировой войны творцы американской внешней политики были в состоянии рассматривать коммунизм только как военную угрозу. Создав НАТО ... они произвольно провели черту посреди Европы — против нападения, которое никто не планировал»¹⁰.

⁹ G. Page. The Korean Decision. New York, 1968, p. 98.

¹⁰ "Times", 15.V.1965.

Девальвация примитивного антикоммунизма, совпавшая с общей переориентацией стратегии империализма в сторону перенесения центра тяжести на идеологический подрыв мировой системы социализма изнутри, привела к выработке новых методов и приемов, более гибких и изощренных и вместе с тем более коварных. В историографии США возникает направление, которое условно можно охарактеризовать как «академический» антикоммунизм.

Новое направление проявилось прежде всего в стремлении отбросить старые и найти новые стереотипы «теоретических представлений» о коммунизме. В дискуссии, развернувшейся в академических кругах США в начале 60-х годов, концепция «тоталитаризма» была подвергнута критике. Р. Такер (Принстонский университет), поставив под сомнение правомерность самого термина «тоталитаризм», призвал учитывать существующие реальности при оценке социалистической системы¹¹. Специалисты-советологи А. Айнкелес и Р. Бауэр констатировали «эрозию» понятия «тоталитаризм»¹². А. Мейер (Мичиганский университет) назвал «тоталитарную модель» абстрактной конструкцией, которой не соответствует ни одна из существующих систем¹³. Место статичной теории «тоталитаризма» заняла «динамичная» теория «конвергенции», служащая «теоретическим» обоснованием так называемой

¹¹ "Slavic Review", 1961, October, p. 379—380.

¹² A. Inkeles, R. Bauer. *The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge (Mass.), 1961, p. 383—384.

¹³ A. Mayer. *The Comparative Study of Communist Political Systems*.—"Slavic Review", 1967, March, p. 5, 12.

политики «наведения мостов», «выборочного сосуществования», «тихой контрреволюции».

Каковы же характерные черты нынешней фазы развития антикоммунистической историографии? Это прежде всего мимикрия под науку, почти что суеверная настойчивость, с которой советологи стремятся придать своим трудам иллюзию научности, скрыть искажение истории СССР, политики и целей КПСС, внешней и внутренней политики Советского государства за респектабельным фасадом «научных исследований». Знаменательно, что ныне даже известные профессиональные антикоммунисты, такие, как, например, Р. Уорс и Р. Пайпс, говорят о «чрезмерной тенденциозности» иных работ своих коллег, о неправомерности «вторжения науки в политику».

Не следует, естественно, понимать дело так, что среди антикоммунистов произошло некое просветление умов. Нынешние «защитники» науки не в меньшей степени, чем их более консервативные коллеги, обслуживают классовые интересы буржуазии или, говоря словами американского автора, представляют собой «небольшую часть американской интеллигенции», ставшей «своего рода постоянным мозговым центром политических, экономических и военных властей»¹⁴. Но нельзя и недооценивать изменений в методике антикоммунизма, обусловленных полемикой с историками-марксистами, а также появлением в буржуазной исторической науке «критического направления», поставившего под сомнение старые догмы антикоммунизма. Известную роль играют и стремления реалистически мыслящей

¹⁴ J. Kristol. American Intellectuals and Foreign Policy.—“Foreign Affairs”, 1967, July, p. 606.

части буржуазных ученых с помощью «научно-теоретического метода» все-таки попытаться найти ответы хотя бы на некоторые вопросы, которые ставит современность.

Апеллируя к «науке» и «научности», антикоммунистическая историография пытается создать и представление о динамизме своих теорий, о бурном кипении «научной жизни». Еще одна черта антикоммунистической литературы — претензия на «строгую беспристрастность» и даже «критическую направленность» исторических исследований. Современные историки-антикоммунисты часто принимают позу «объективных наблюдателей», стоящих над идеологическими распрями эпохи. Они не прочь покритиковать и капитализм, с тем только чтобы львиная доля критики досталась социализму.

В общей системе антикоммунистической историографии США «исследования по СССР» занимают центральное место. Созданное для обслуживания идеологии и политики антикоммунизма советоведение превратилось в главного поставщика идей и материала для антисоветской пропаганды.

Обосновывая принципы политической пропаганды, один из видных американских специалистов в этой области, Дж. Перри, подчеркивал: «Поскольку человеческое существо драчливо, подло, обладает скверным характером, искушение немного обмануть так же велико в политике, как и в покере. Мы не можем принять законы, предписывающие этику»¹⁵. Эта удобная философия открывает

¹⁵ "The Political Image Merchants". Ed. by R. Herbert, R. Jones, J. Lorenz and E. Lotito. Washington, 1971, p. 210.

безграничные возможности для мастеров идеологических диверсий. «Мы должны,— поучает представитель этой распространенной профессии Ф. Баргхорн, — с помощью эмигрантов из СССР предпринять систематический анализ советского общества с тем, чтобы наиболее эффективно донести обращение Америки к различным аудиториям внутри Советской России»¹⁶. «Искушение немного обмануть» теоретически и психологически оправдывает свободу обращения с фактами, позволяющую в свою очередь создавать идеологические мифы, нацеленные на обработку общественного мнения.

В то же время советоведение оказывает известное влияние на выработку внешней политики США, в его недрах порождено немало антисоветских доктрин, ставших вехами американского внешнеполитического курса в новейшее время. Американское советоведение осуществляет интенсивную идеологическую диверсию против социалистических стран, против молодых развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Отсюда понятен не только академический интерес к изучению американской историографии советского общества. В условиях обострения идеологической борьбы двух систем раскрытие антинаучности буржуазных историографических концепций приобретает особое значение, становится исторической необходимостью.

¹⁶ *F. Barghoorn. The Soviet Image of the United States. New York, 1969, p. 290.*

I „Советоведческая индустрия“

Американское советоведение возникло в послевоенный период в специфических условиях «холодной войны». Как отмечалось на национальной конференции Американской ассоциации содействия славяноведению в апреле 1964 г., рост исследований по СССР «был связан с ухудшением американо-советских отношений, интенсификацией холодной войны и советскими техническими достижениями начиная со спутника»¹.

Бурное развитие советоведения в последние десятилетия отражает усиление значения и роли нашей страны в современном мире. Как подчеркивал гарвардский историк У. Лэнгер, «важно, более того, необходимо знать как можно больше о такой великой державе, будь она другом или врагом»². Практические нужды американского правительственного аппарата в борьбе за полную информацию об СССР — государстве, оказывающем такое огромное

¹ “New York Times”, 3.IV.1964, p. 19.

² “Proceedings of the American Philosophical Society”, vol. 99, N 1. Philadelphia, 1955, p. 34.

влияние на ход мировых событий, явились одной из главных причин возникновения и развития советоведения в Соединенных Штатах. «После окончания второй мировой войны, — писал профессор Мичиганского университета А. Адамс, — первостепенной проблемой для западного мира был динамичный рост Советского Союза и постоянное распространение мирового коммунизма». Отсюда, продолжал он, «большая необходимость» изучения СССР. Задача советолога — «информировать и давать советы министрам иностранных дел, премьер-министрам и президентам»³.

Еще более важной причиной развития советоведения являются потребности идеологической борьбы против коммунизма: в числе других мероприятий — экономических, политических, военных — советоведение призвано противостоять «советскому вызову».

Успехи Советского Союза и других социалистических государств в области экономики, науки и культуры убедительно говорят о преимуществе нового социально-общественного строя над старым, усиливают влияние идей марксизма-ленинизма. В результате возрастает интерес за рубежом (в том числе и в Соединенных Штатах) к Советской стране. «Люди во всем мире жаждут знать как можно больше о России», — отмечал Р. Бирнс (Индианский университет)⁴. «Всего поколение назад, — писал один из старейших советологов, М. Флоринский, — интерес к России ограничивался сравнительно небольшой группой специалистов и интеллигентов. Сегодня су-

³ A. Adams. The Hybrid Art of Sovietology. — "Survey", 1964, January, p. 154, 156.

⁴ "Slavic Review", 1962, September, p. 491.

ществует широкая и все растущая потребность в авторитетной, надежной и ясно изложенной информации о царской России и СССР»⁵.

Но чем больше успехов одерживает социализм, тем изощреннее и интенсивнее становится борьба империалистов против коммунизма. Активно участвуя в антисоветской, антикоммунистической кампании, американское советование всемерно стремится к расширению объема своих «исследований» и усилению своего влияния на возможно более широкие круги населения.

О темпах развития «изучения СССР» в США в послевоенный период говорят следующие цифры. Если накануне второй мировой войны изучение и преподавание русской истории велись лишь в нескольких ведущих университетах страны, то уже в середине 60-х годов курсы истории СССР читались в 400 американских университетах и колледжах. С 1850 по 1950 г., т. е. за 100 лет, в американских университетах было защищено около 250 диссертаций о России и Советском Союзе. С 1950 по 1963 г., т. е. за 13 лет, было защищено приблизительно 1000 диссертаций по той же тематике. Отметим также поток публикаций, который, по словам сотрудника библиотеки конгресса, «сбивает с толку не только неподготовленного читателя и студента, но даже и специалиста».

Осуществление этого «скачка» было обеспечено финансовой поддержкой крупнейших капиталистических монополий. Специалисты

⁵ Предисловие к книге: *M. Rywkin. Russia in Central Asia. New York, 1963, p. 5.*

по советологии С. Блэк и Дж. Томпсон отмечают: фонды и университеты заняты одним и тем же делом. «Развитие изучения России было в основном объединенным предприятием, в котором ни один из партнеров не смог бы добиться успеха без руководства и помощи другой стороны»⁶. Американский советолог К. Мэннинг, специально исследовавший этот вопрос, отмечает: «Большинство мужчин и женщин, которые в настоящее время активно специализируются по истории славянских стран, получили ту или иную поддержку от крупных фондов Рокфеллера, Карнеджи, Форда»⁷.

Еще в 1946 г. в результате финансовой поддержки фонда Рокфеллера при Колумбийском университете (Нью-Йорк) был организован Русский институт. В задачи института входило развитие «исследовательской работы в области социальных и гуманитарных наук, относящихся непосредственно к России и Советскому Союзу», и подготовка «американских специалистов» по России и СССР для «научной и особой деятельности» в области торговли, финансов, журналистики, в различных правительственных учреждениях и организациях, а также для преподавательской работы.

В 1948 г. по инициативе корпорации Карнеджи при Гарвардском университете был основан Русский исследовательский центр, ныне задающий тон в американском советоведении. Выбор корпорацией Карнеджи Гарвардского университета не случаен: руководство

⁶ "American Teaching about Russia". Ed. by C. Black, J. Thompson. Bloomington, 1959, p. 21.

⁷ C. Manning. A History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee, 1957, p. 81.

Гарварда уже с 1946 г. начало систематическое «изучение» СССР в рамках «специальной исследовательской программы». Соглашение между концерном Карнеджи и Гарвардским университетом не могло не сказаться на дальнейшей деятельности нового центра⁸.

Третья крупная организация американских советологов — Институт славяноведения Калифорнийского университета (Беркли). Отметим также другие влиятельные учреждения подобного рода. Это Русский исследовательский центр Йельского университета (Нью-Хейвен, Коннектикут) с большим числом специалистов и печатной продукции и Русский и Восточно-европейский институт при Индианском университете (Блумингтон). В 1963 г. в том же Индианском университете был создан Институт советского и восточноевропейского права.

Большую роль в советологии играют католические центры: Центр по изучению СССР и стран Восточной Европы при Нотр-Деймском университете, Институт по изучению современной России при Фордхэмском университете (Нью-Йорк), Центр славяноведения при Маркетском университете (Милуоки, Висконсин). В 1961 г. при католическом университете Джона Кэррола (Кливленд, Огайо) был открыт Институт по изучению СССР и стран Восточной Европы, призванный обеспечивать подготовку специалистов по социалистическим государствам, а также собирать и

⁸ *И. М. Краснов*. Изучение истории СССР в США: некоторые цифры и факты.— «История СССР», 1964, № 6, стр. 171. Более подробно об этом центре см. *Ю. Игрицкий, Е. Плимак*. Питомник клеветников. Русский исследовательский центр в Гарварде.— «История СССР», 1961, № 5.

распространять антикоммунистическую информацию.

В той или иной степени «исследовательская» работа по советской тематике ведется почти во всех американских университетах. В Делавэрском, Уэйнском, Оклахомском, Виргинском, Вермонтском, Техасском и Флоридском университетах, а также в университетах Южной Каролины и Джорджии ряд сотрудников специализируются по русской и советской истории. Крупные силы советоведения сосредоточены в одном из старейших университетов США — Принстонском. Исследовательская работа по СССР в Массачусетском технологическом институте осуществляется в рамках Центра по изучению международных отношений. Интенсивное изучение СССР проводится корпорацией РЭНД и Гудзоновским институтом.

По мере роста популярности идей социализма, увеличения числа стран, становящихся на путь социалистических преобразований, в Соединенных Штатах все больше внимания уделяется расширению активности «исследовательских организаций», призванных «научно» опровергать марксизм-ленинизм. Так, осенью 1961 г. при Колумбийском университете был создан Исследовательский институт по вопросам коммунизма. Перед институтом была поставлена цель изучения «мировых аспектов коммунизма и важнейших моментов, характерных для внутреннего развития» социалистических стран. В нем представлены специалисты по Советскому Союзу, странам Восточной Европы и Азии и ведутся «сравнительные исследования» политики, идеологии, экономики и права «в странах, управляемых

по-коммунистически», а также изучение «притягательной силы коммунизма» для социальных и национальных групп в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Практически в задачи этого института входит идеологическая борьба против роста влияния коммунизма. Институт также призван изучать возможности раскола мирового коммунистического движения изнутри. Важность этой задачи для правящих кругов США была подчеркнута назначением на пост директора института известного специалиста «по взаимоотношениям внутри коммунистического блока» З. Бжезинского.

В том же 1961 г. при Южнокалифорнийском университете (Лос-Анжелес) был создан Институт по изучению коммунистической стратегии и пропаганды, цель которого — исследование проблем, интересующих академические и правительственные круги, и ведение антикоммунистической пропаганды. Директором института был назначен Р. Свиринген, бывший сотрудник государственного департамента и Русского исследовательского центра, специалист по международному коммунистическому движению.

В начале 60-х годов все с той же тщетной целью «уничтожения коммунизма» представители иудейской и христианской церквей в США создали при Сент-Луисском университете Институт по изучению свободы и коммунизма, сотрудники которого с помощью восхвалений «иудейско-христианской и американской традиции», «основополагающих принципов западного общества» и критики коммунизма надеются добиться «эрозии» коммунистического мировоззрения. В этот же период при университете Джорджа Вашингтона был

организован Институт советско-китайских отношений, перед которым была поставлена задача подготовки «нового типа специалистов», а также выполнения заданий для правительства и организации курсов для правительственных чиновников.

В настоящее время в США имеется почти полтора десятка «научно-исследовательских» учреждений, занимающихся изучением Советского Союза и разработкой идеологических диверсий против нашей страны. Если же говорить о каналах распространения вырабатываемого в этих центрах пропагандистского материала и информации, то это такие печатные органы, как «Славянское обозрение» — «Славик ревью». Выходящий ежеквартально журнал занимается разработкой истории СССР и восточноевропейских стран, а также проблемами социологического, философского и литературоведческого характера. Он систематически рецензирует работы советских историков. «Славик ревью» — это своего рода «академический» орган американского славяноведения.

Ежеквартальный журнал «Рашн ревью» — издание поверхностное даже с точки зрения стандартов американского советоведения, цель которого, по определению редколлегии, «интерпретация действительных целей и чаяний русского народа, который находится в оппозиции (?! — Б. М.) советскому коммунизму». Задачи обязывают, и не удивительно, что публикуемые в журнале статьи носят яро антисоветский характер.

Подобного же рода изданием является журнал «Комьюнист афферс», выпускаемый с июля 1962 г. Институтом по изучению коммунистической стратегии и пропаганды. Этот не-

большой журнал содержит тенденциозно подобранные материалы, различные справки о «коммунистической и прокоммунистической деятельности» и тому подобную «информацию».

В США выходит ряд специальных журналов и ученых записок — органов университетов: «Джорнэл оф сентрл юропеан афферс», издаваемый с 1941 г. Колорадским университетом на дотацию от фонда Форда; «Джорнэл оф ист юропеан хистори» (Чикагский университет); «Пасифик — азиатик энд рашн стадиз» (Стэнфордский университет); «Рашн эреа стадиз» (Университет Джорджа Вашингтона); «Славик стадиз» (Институт славяноведения Калифорнийского университета); «Рашн стадиз» (Сиракузский университет). Журнал «Славик энд ист юропеан джорнэл», издаваемый Висконсинским университетом, является официальным органом Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков. Специфический характер носит журнал «Критика» (издаваемый Гарвардским университетом), целиком посвященный обзору работ советских авторов по истории СССР.

Имеются также правительственные издания. Наиболее известное из них — журнал «Проблемс оф коммьюнизм», выпускаемый информационным агентством Соединенных Штатов и зарекомендовавший себя как одиозный рупор антикоммунизма и антисоветизма.

Материалы по советской истории публикуются и в других исторических журналах, например в ведущем историческом журнале США «Америкэн хисторикэл ревью», в «Форин афферс», «Джорнэл оф модерн хистори»,

издаваемом Чикагским университетом совместно с секцией современной европейской истории Американской исторической ассоциации, и «Каррент хистори», специализирующемся на разработке актуальных проблем современности. Последний посвящает целые номера вопросам внутренней и внешней политики СССР.

Потребности идеологической борьбы привели к резкому увеличению числа публикуемых исторических работ в США. Этой цели подчинено почти что конвейерное производство книг по советской истории. Кто же эти люди, обеспечивающие бесперебойную работу советоведческой индустрии?

Много лет назад В. И. Ленин отмечал: «...общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху»⁹. Эти слова великолепно характеризуют как положение советологов в идеологической машине империализма, так и ту социальную функцию, которую они выполняют.

Если доимпериалистическая буржуазия, обладая известной уверенностью в незыблемости буржуазного строя, допускала «свободную конкуренцию идей», то ныне, когда очевидны банкротство буржуазной идеологии, ее неспособность вести за собой массы, либерализм и терпимость выброшены за борт. Современным требованием буржуазного общества яв-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 364.

ляется конформизм, послушное следование идеологическим и политическим установкам правящего класса. Важной формой сохранения ортодоксальности в историографии является система организации науки, принятая в США.

Американский профессиональный историк работает, как правило, в обширной исследовательской и учебной системе, и его материальное благополучие, карьера, уверенность в будущем зависят от взаимоотношений с ней. Самостоятельное, независимое исследование в существующих условиях труднодостижимо; кроме значительных материальных затрат оно требует ряда благоприятных условий (доступа в архивы и др.).

Необходимо иметь также в виду, что американская академическая система при внешних признаках демократичности обнаруживает устойчивую тенденцию к кастовости. Существуют неписанные, но определенные правила, сводящиеся к соблюдению научной ортодоксальности. Об этом писал профессор философии и социологии Калифорнийского университета (Беркли) Л. Фейер, добавляя, что стремление к научной ортодоксальности неизбежно ведет к бесплодию, рутине и застою¹⁰. На конференции по проблемам изучения СССР и коммунизма, созванной Американской ассоциацией политической науки в середине 60-х годов, Г. Алмонд говорила о давящем воздействии на научное исследование американской интеллектуальной атмосферы, мешающей развитию «свободной и оригинальной мысли

¹⁰ L. Feuer. American Philosophy is Dead.— "New York Times Magazine", 24.IV.1966, p. 31.

ученого» и, наоборот, способствующей утверждению догматизма¹¹. Профессор истории Принстонского университета Дж. Биллингтон подчеркивает: историки в «англо-американском мире» скорее склонны к согласию с общепринятым, чем к оригинальному исследованию¹².

Но дело не только в этом. По свидетельству социолога У. Уайта, современная американская социальная организация науки производит «высококомпетентных ученых, но ученых, умеющих работать только целыми группами, а не индивидуально»¹³. Существование огромных профессиональных коллективов имеет важные последствия как для науки, так и для ученого. Исследовательская работа (как в области «точных», так и в области общественных наук) начинает приобретать черты бюрократизации, механизации и стандартизации. «Социальный» контроль, выраженный в категориях «общепринятого», здесь проявляется гораздо сильнее. «Организованная наука» создает возможности для контроля и над тематикой исследований, хотя рекомендации инстанций, ее определяющих, вовсе не имеют силу закона. Как пишет У. Уайт: «честолюбивая (научная) молодежь, а ученые столь же честолюбивы, как и все остальные, следует указаниям этих руководителей, а те, кто предпочитает (независимо) заниматься непредписанными проблемами, нуждаются в немалой душевной и интеллектуальной стойкости»¹⁴.

¹¹ "Canadian Journal of Economics", 1965, May, p. 273—274.

¹² J. Billington. Six Views of the Russian Revolution.— "World Politics", 1966, April, p. 458.

¹³ W. Whyte, Jr. The Organization Man. New York, 1956, p. 264.

¹⁴ Ibid., p. 244.

Существующая система подготовки, распределения и продвижения кадров стремится гарантировать невозможность осечки — появления на стратегически важном посту лиц «неблагонадежных», т. е. не делающих того, что от них ожидается. Как писал американский социолог М. Коэн: «Для того чтобы занять место среди ученых в американских университетах, от соискателя требуется представить подтверждение своего ортодоксального благочестия и социальной благонадежности; сейчас на это нажимают больше, чем на серьезную подготовку по специальности, хотя вряд ли это способствует воспитанию ценных специалистов»¹⁵.

Важным инструментом контроля над исторической наукой является практика ассигнований на научные нужды со стороны крупнейших монополий страны, что отмечалось выше. Говоря о последствиях такого положения вещей, профессор социологии Миннесотского университета А. Роуз подчеркивал: «Контроль над политикой в области образования находится в руках тех, кто обладает финансовым контролем»¹⁶, иными словами, в руках монополий. Давая стипендии, фонды зачастую определяют и темы исследований. Так, фонд Форда, выделяя денежные средства сотрудникам Колумбийского, Гарвардского и Теннесийского университетов, прямо обусловил

¹⁵ М. Коэн. Американская мысль. Критический обзор. М., 1958, стр. 28.

¹⁶ А. Rose. Sociology. The Study of Human Relations. New York, 1965, p. 284. А. Роуз пишет далее, что в американских университетах даже президент назначается попечительским советом; этот пост рассматривается как нечто ничем не отличающееся от поста президента какой-нибудь корпорации (Ibid., p. 285).

проблемы, над которыми они должны работать. Как подчеркивал А. Шлезингер (младший), «фонды предпочитают субсидировать те проекты, которые дают ответы на специфические современные проблемы», не принимая во внимание «задачи исторической науки и ее значения для дела культуры»¹⁷. Иными словами, монополии интересуются прежде всего разработкой тех проблем, которые они считают для себя стратегически важными.

По отношению к исторической науке монополистические фонды занимают положение не просто меценатов, а далеко не нейтральных меценатов-контролеров. При этом контроль монополий над исследовательской деятельностью осуществляется наиболее последовательно в области такой актуальной тематики, как история СССР.

Монополистические круги весьма активно используют имеющиеся в распоряжении буржуазного государства средства воздействия и давления. Отмечая наличие тесных взаимоотношений между правительством и университетами, председатель сенатского комитета по иностранным делам У. Фулбрайт писал, что эти отношения создают атмосферу, мало способствующую развитию «интеллектуального индивидуализма» (в смысле отхода от «общепринятого») и инакомыслия¹⁸.

Характерной чертой существующего положения в исторической науке США является процесс сращивания исследовательских организаций и самих исследователей с государственным аппаратом. В целом это общее явле-

¹⁷ "American Historical Review", 1958, April, p. 830.

¹⁸ "New York Times" (Int.), 12.V.1966, p. 4.

ние «огосударствливания» науки в Соединенных Штатах, где происходит своеобразный процесс «институционализации» науки как одной из важных отраслей государственной деятельности. Наука прямо представлена в правительственном аппарате (в Совещательном комитете по вопросам науки при президенте), ученые непрерывно привлекаются для различных консультаций, экспертиз и т. д. «Нет никакого сомнения в том, — пишет А. Лейзерсон (Вандербилтский университет), исследовавший данный вопрос, — что университетские ученые приобрели сильную позицию рядом с властью... Суммируя дискуссию о научном представительстве на высшем уровне управления, можно предположить, что термин «государственная наука» является наиболее подходящим для определения существующего положения вещей»¹⁹.

Американское правительство оказывает поддержку (финансовую и другую) не только программам подготовки специалистов, но и интересующим его исследовательским проектам и обращается с прямыми заказами такого рода в научные учреждения. В июне 1967 г. сотрудник университета Джонса Гопкинса Р. Слуссер отмечал «резкое увеличение масштабов и важности исследовательской деятельности, поддерживаемой правительством, в области советоведения и изучения международного коммунистического движения»²⁰.

О степени обслуживания учеными политических нужд правящих кругов США говорит

¹⁹ A. Leiserson. Scientists and the Policy Process.— "American Political Science Review", 1965, June, p. 413—415.

²⁰ "Slavic Review", 1967, June, p. 324.

система прямых заказов государственных и правительственных органов профессиональной науке.

Весьма активно сотрудничают с научно-исследовательскими организациями, специализирующимися по СССР и другим социалистическим странам, военные министерства США: армии, военно-морских и военно-воздушных сил. Они заключают контракты с различными институтами и центрами, стремясь получить аналитическую оценку тех или иных процессов и событий. Как сообщалось в специальной публикации Гуверовского института войны, революции и мира: «Федеральные министерства поручали институту выполнение специальных исследовательских планов. Его коллекции литературы и документов используются такими учреждениями, как государственный департамент, Центральное разведывательное управление, министерство юстиции, Федеральное бюро расследований и военные министерства»²¹. Американские университеты занимают ведущее место в военных и политических исследованиях, связанных с ведением войны во Вьетнаме. Ученые и военные участвуют в совместных конференциях, совещаниях по обмену опытом и т. д.

Говоря о взаимоотношениях между учеными и правительством в сегодняшней Америке, известный американский историк Г. Моргентхау подчеркивал, что правительство США пытается «либо заткнуть рот и развратить ученых, превратив их в своих агентов, либо дискредитировать тех, с кем не удастся это проде-

²¹ "Hoover Institution on War, Revolution and Peace". Stanford, 1963, p. 18.

лать... Будущий историк... еще напишет историю всеобъемлющих, систематических и в основном успешных усилий правительства, направленных на подавление правды в интересах политики». Американский интеллигент подвергается систематическому насилию, он превращается в «клиента и соучастника»²².

Социальный контроль над исторической наукой включает не только средства поощрения за «послушание», но и санкции против строптивых. Последние не обязательно носят характер прямых карательных мер. В современной Америке инакомыслящих не сжигают на кострах, но атмосфера антикоммунизма создает своего рода невидимую интеллектуальную дубинку, воздействие которой весьма ощутимо.

В период разгула маккартизма отдельные ученые, придерживавшиеся независимых взглядов, были подвергнуты остракизму, уволены со службы, зачислены в «черные списки». Обскурантистское наступление на науку шло как извне, так и изнутри самой профессии. Либеральный профессор Висконсинского университета Г. Бил отмечал в статье «Профессиональный историк. Его теория и практика»: «Мы имеем своих собственных «охотников за ведьмами»»²³. «Патриотически» настроенные блюстители порядка держат обвинение в «прокоммунизме» как дамоклов меч над головами действительных или потенциальных уклонистов от официальной линии.

Хотя маккартизм, казалось, ушел в прош-

²² *H. Morgenthau*. Truth and Power.— "New Republic", 1966, 26.XI, p. 11, 13.

²³ *H. Beale*. The Professional Historian: His Theory and His Practice.— "Pacific Historical Review", 1953, August, p. 253.

лое, его порождение — «инерция страха» (каждый радикально мыслящий интеллигент может без церемоний быть зачисленным в «коммунисты» со всеми вытекающими отсюда последствиями) сохранилось, так же как сохранились многие из маккартистских методов, на словах осужденных. «Беззаконие и насилие, боязнь, подозрительность и ненависть» лежат «близко от поверхности американской жизни»²⁴, — писал видный американский историк Г. Коммэйджер. «Антиинтеллектуализм в различных видах по-прежнему пронизывает жизнь в Америке»²⁵, — отмечал другой американский историк — Р. Хофстэдтер.

Американское буржуазное общество подвергает усиленной идеологической обработке всех граждан, в том числе и историков. Оно вместе с тем стремится утвердить политические и идеологические установки правящих кругов в историческом исследовании. Господствующие идеологические и политические тенденции служат одновременно и «шорами», и ориентиром для ученого. Во всяком случае историк, в особенности работающий в актуальных областях исследований, ощущает давление политических и идеологических факторов достаточно остро, чтобы не игнорировать их в своей работе. Весьма симптоматично заявление по этому поводу одного из старейших специалистов по истории СССР в США — А. Мазура: «Историк, пишущий в напряженной атмосфере... так называемой холодной войны, подвергается воздействию вредных фак-

²⁴ *H. Commager. America, America.* — "Progressive", 1964, January, p. 21.

²⁵ *R. Hofstadter. Anti-Intellectualism in American Life.* New York, 1964, p. 393.

торов, которые являются серьезным испытанием его беспристрастности»²⁶.

Среди буржуазных историков имеется тенденция отбросить старомодный идеал, считавшийся высшей добродетелью ученого прошлых времен: беспристрастие и объективность. Как подчеркивал в период разгара «холодной войны» один из президентов Американской исторической ассоциации (АИА) — К. Рид: «Атомные бомбы требуют быстрых решений. Либерально-нейтралистская позиция... нас уже не удовлетворяет... Тотальная война, все равно холодная или горячая, мобилизует каждого, и каждый обязан занять свой пост. Историк не более свободен от этой обязанности, чем физик»²⁷.

Согласно «инструменталистской» точке зрения, отмечает другой президент АИА — С. Вудвард, история — это просто-напросто «инструмент, орудие политической и социальной деятельности»²⁸.

Политическая тенденциозность в особенности пронизывает работы, касающиеся истории СССР. Довольно откровенно по этому поводу высказывался один из деятелей советования — К. Мэннинг, отмечавший, что «изучение славянских и восточноевропейских стран» всегда находилось в зависимости от «политических и экономических отношений Соединенных Штатов, и мы можем быть уверены, что так будет и впредь»²⁹.

²⁶ A. Mazour. *Modern Russian Historiography*. Princeton, 1958, p. VII.

²⁷ "American Historical Review", 1950, January, p. 283.

²⁸ C. Woodward. *The Future of the Past*. — "American Historical Review", 1970, February, p. 724—725.

²⁹ C. Manning. *Op. cit.*, p. 80—81, 82.

Другие американские советоведы также не считают нужным скрывать политическую тенденциозность книг по советской истории, выходящих в США. Авторам книг по истории СССР, пишет А. Улам, свойственна бóльшая пристрастность, чем кому бы то ни было, так как советоведение не может быть политически нейтральным³⁰. Рецензируя одну из работ С. Поссопи, Дж. Карсон (Орегонский университет) без обиняков писал, что для Поссопи «политика, по-видимому, важнее истории», более того, его «исторические интересы отражают политические позиции автора». Антикоммунизм Поссопи полностью определяет его подход к изучению исторических событий. «Ленин, большевики, их деятельность и, конечно, советский строй как нынешнее олицетворение всего этого предаются анафеме»³¹. По свидетельству Р. Уорса, «большинство (американских. — Б. М.) историков, как и приличествует их воспитанию и окружению, проявляют само собой разумеющуюся нелюбовь к большевикам» в противоположность их «демократическим (?! — Б. М.) соперникам»³².

Каково положение с кадрами в области советоведения? Частично ответ на этот вопрос дает отчет о количестве членов Американской ассоциации содействия развитию славяноведения. В феврале 1968 г. она насчитывала 2300 членов. Если учесть, что в 1962 г. в ассоциации состояло 1400 человек, то темпы роста нельзя не признать значительными.

³⁰ "Survey", 1964, January, p. 53—61.

³¹ "American Historical Review", 1967, December, p. 441.

³² "Slavic Review", 1967, June, p. 257.

Следует отметить и еще одно немаловажное обстоятельство, сыгравшее значительную роль в развитии советоведения. С самого начала занятие историей СССР в Соединенных Штатах является монополией наиболее консервативных элементов американского общества. Стремясь ввести зарождавшееся советоведение в нужное ей русло, американская буржуазия приняла свои меры: у его истоков были поставлены белоэмигранты. Советоведение оказалось, таким образом, в руках прямых противников советского строя.

Заняв видное положение в американских университетах (М. Карпович—в Гарвардском, Д. Вернадский—в Йельском), историки-белоэмигранты получили возможность оказывать влияние на организацию советоведения и подготовку специалистов. Большинство нынешних специалистов по СССР в США, занимающих ключевые посты в американском советоведении,—ученики белоэмигрантских историков. О враждебном отношении эмигрантов ко всему советскому говорить не приходится. В лучшем случае темы истории непосредственно советского периода игнорировались, предпочтение отдавалось изучению консервативных, реакционных сил в России. Но никогда подход к русской истории не был объективным. Влияние этой школы сказывается и по сегодняшний день.

Общее положение в антикоммунистической историографии, превратившейся в обслуживающую отрасль идеологии и политики, не могло не сказаться и на создании нового типа ученого — ученого-бюрократа. Знаменем времени явилось это новое служилое сословие с университетским образованием и учеными

трудами, готовое защищать и оправдывать все что угодно. В науку часто идут не юноши, обуреваемые стремлением бескорыстно служить музе Клио. «Большая обеспеченность аспирантов советоведения приводит к тому, что многие становятся советоведами исходя из соображений материальной выгоды», — констатирует не без горечи профессор Р. Бирнс. В США, отмечает Бирнс в статье «Размышления о подготовке в Америке специалистов по России», «слишком большой упор делается на техническую, формальную сторону дела: у учащихся часто отсутствует чувство профессиональной ответственности; многие не знают о России ничего, кроме того, что им читали в курсах; другие почти ничего не знают о своей стране». «Отличник четвертого года обучения,— продолжает Бирнс,— признался, что он в течение пяти лет не читал ни одной газеты». А один «прекрасный молодой человек, уже получивший степень доктора, не мог назвать ни одного члена кабинета Кеннеди через месяц после его формирования; специалист по советскому сельскому хозяйству понятия не имел о происходившей в советской прессе дискуссии по вопросам сельского хозяйства; специалист по русской культуре не прослушал курса по русской литературе и, что еще важнее, не прочел даже крупнейшие романы»³³. Характеризуя деятельность современных «экспертов по России», известный английский автор саркастически заметил, что эта деятельность «в основном гадание, и часто весьма приблизительное гадание, которым занима-

³³ "Slavic Review", 1962, September, p. 493.

ются люди, не имеющие живого контакта ни с Россией, ни с русскими»³⁴.

Результаты подобного положения вещей не замедлили сказаться. Специалист по литературе американского советоведения, сотрудник библиотеки конгресса и издатель справочника «Россия и Советский Союз» пишет о «посредственности» и «повторяемости» многих работ³⁵. Мимикрия под науку, характерная для изданий «академического» антикоммунизма, не меняет кардинально существа дела. Большинство американских работ по советологии, констатирует английский историк-марксист Э. Хобсбон, «это антикоммунистические памфлеты со сносками и библиографией, которые никогда бы не появились, если бы не особая политическая обстановка «холодной войны»»³⁶.

Таково в общих чертах положение в американском советоведении. Посмотрим теперь, как буржуазные советологи истолковывают конкретные темы истории СССР.

³⁴ *A. Werth. Russia: Hopes and Fears. London, 1969, p. 20.*

³⁵ *P. Horecky. Russia and the Soviet Union. A Bibliographic Guide to Western Language Publications. Chicago, 1965, p. VI.*

³⁶ *E. Hobsbawn. Progress in History.—“Marxism To-day”, 1962, February, p. 45.*

II Можно ли предотвратить революцию?

В конце 60-х годов в США собрались на совещание самые крупные представители буржуазной советологии. Что же обсуждали ученые мужи? Проблему, которая уже десятки лет волнует буржуазную мысль: почему произошла социалистическая революция в России? ¹

Давно кануло в прошлое время, когда буржуазная историческая наука пыталась полностью отрицать всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Ныне ее представители не могут не признать роли Октября для всего мирового развития. «Ни один исторический сюжет,— пишет американец Р. Уорс,— не захватывает так и не представляет более смелого вызова», чем революция 1917 г. «Вряд ли кто будет отрицать, что ее воздействие на двадцатый век

¹ "Revolutionary Russia". Ed. by R. Pipes. Cambridge (Mass.), 1968.

является более глубоким, чем влияние французского переворота на девятнадцатый»².

Подобные признания не случайны. За прошедшие годы дело Октябрьской революции прошло всестороннюю историческую проверку. Идеи Октября живут и торжествуют в победе социализма и достижениях коммунистического строительства в СССР, развитии мировой системы социализма, в широком размахе рабочего движения, успехах национально-освободительной борьбы. Марксизм-ленинизм стал властителем дум сотен миллионов людей, коммунистическое движение превратилось в самую влиятельную политическую силу современности.

Характерно, что об этом пишут и наши идейные противники. «Ленинизм,— отмечает американский советолог С. Пэйдж,— более чем образ мыслей. Он оказывает главное определяющее влияние на международную и внутреннюю политику СССР, дает директиву для действий сотен миллионов людей на земле»³. Даже ярый антикоммунист Л. Шапиро вынужден ныне признать огромную роль идей и деятельности В. И. Ленина, чье «воздействие на события в его стране и окружающем мире, очевидно, является большим, чем любого другого человека в нынешнем столетии»⁴.

Громадное историческое значение революции, открывшей новую эру в истории человечества, вынуждает буржуазную историогра-

² R. Warth. On the Historiography of the Russian Revolution.— "Slavic Review", 1967, p. 247, 264.

³ S. Page. Lenin and World Revolution. Clouchester, 1968, p. XVII.

⁴ L. Schapiro, P. Reddway. Lenin: the Man, the Theorist, the Leader. A Reappraisal. London, 1967, p. 19.

фию к интенсивным поискам «ответа» на основной идеологический вызов эпохи, ставит перед буржуазными историками задачу соответствующей оценки главного исторического события XX столетия. «Если для мыслителя XIX в. главной задачей было определить свое отношение к французской революции, — писал профессор Принстонского университета Дж. Биллингтон, — то для современного человека центральная задача состоит в оценке русской революции. Последняя задача стала даже более решающей, потому что теперь почти миллиард людей на земном шаре заявляют, что они являются наследниками и защитниками русской революции. Силы, вызванные к жизни переворотом 1917 г., еще энергичнее и еще ощутимее дают о себе знать, чем силы, порожденные французской революцией 1789 г. и «веком демократической революции»»⁵.

Как же отвечает на «самый серьезный вызов в истории» американская буржуазная историография? Ее главный вклад в пропагандистскую кампанию империализма заключается во все возрастающем фронте исследований Великой Октябрьской социалистической революции и ее последствий, в интенсификации усилий, призванных с помощью иногда сложных и хитроумных интерпретаций исказить ее смысл, характер и значение.

В первых оценках Октябрьской революции в США выразилось чувство растерянности и бессильной ярости. Дж. Биллингтон в работе «Шесть точек зрения на Октябрьскую рево-

⁵ J. Billington. Six Views of the Russian Revolution.— "World Politics", 1966, April, p. 452.

лющю» отмечает эту характерную реакцию буржуазных историков, склонность «рассматривать революцию как случайное вмешательство разрушительной стихии», неспособность «видеть в революции никакого глубокого смысла», их «растерянность, переходящую в чувство патетического сожаления», стремление «искать ответы на недоуменные вопросы» в случайных деталях, наконец, веру в то, что «случившегося можно было как-то избежать»⁶.

Подобная «патетико-эмоциональная» позиция была свойственна прежде всего эмигрантской литературе. В работах этих противников советского строя Октябрьская революция представлялась как стихийное явление, порожденное фатальным стечением обстоятельств. А. Керенский, назвав свои мемуары «Катастрофа», дал как бы руководящий тезис целому направлению⁷. Выдвинув «теорию катастрофы», эмигрантская литература так и застыла на этом уровне. Так, белоэмигрант М. Карпович писал о «внезапности» падения династии Романовых, с гибелью которой наступил «хаос», ибо у русского народа не было ни «достаточного опыта в самоуправлении», ни «достаточного политического воспитания»⁸. Д. Вернадский объяснял причину победы большевиков тем, что члены Временного правительства были слишком мягкими людьми — «ни у кого из них не хватило воли и решимости подавить врагов порядка»⁹. М. Флоринский выступал против самого слова «закон-

⁶ Ibidem.

⁷ А. Kerensky. The Catastrophe. New York, 1927.

⁸ М. Karpovich. A Lecture on Russian History. New York, 1958, p. 42—44.

⁹ G. Vernadsky. A History of Russia. Philadelphia, 1954, p. 232.

номерность» в применении к Октябрю. Причину успеха Октябрьской революции он видел в неспособности Временного правительства использовать популярные в народе лозунги¹⁰.

В тот же период, когда складывалась буржуазная историография Октябрьской революции, в Америке были заложены основы прогрессивной историографии величайшего события в мировой истории. В качестве примера можно назвать одну из лучших книг об Октябре — книгу Дж. Рида «10 дней, которые потрясли мир», работы А. Р. Вильямса и Л. Стеффенса, Л. Брайант и др.¹¹ Эти труды предоставили возможность американскому читателю увидеть действительную картину развернувшихся в России событий.

В первые годы после Октября в США определяется марксистско-ленинское направление в историографии Великой Октябрьской социалистической революции. Основополагающее значение для его становления и развития имела публикация в Америке работ В. И. Ленина (в 1918—1921 гг. в США вышли два ленинских сборника, позднее еще четыре). Главная проблема, разрабатываемая марксистской историографией, — значение и роль партии большевиков в революции и социалистическом строительстве¹².

¹⁰ *M. Florinsky. Russia. A History and an Interpretation, vol. I—II. New York, 1953, p. 1475.*

¹¹ *L. Bryant. Six Red Months in Russia. New York, 1918; V. Beatty. The Red Heart of Russia. New York, 1918.*

¹² Об этом подробно см. *И. И. Минц. Основные этапы изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции за рубежом.* — Сб. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961, стр. 16 и др.

В 1921 г. видный деятель Американской коммунистической партии У. Фостер опубликовал основанную на личных наблюдениях книгу «Русская революция». В этой интересной работе У. Фостер дал характеристику социальной сущности Октябрьской революции. «Произошло то,— писал он,— что угнетенные массы рабочих и крестьян поднялись против своих хозяев, свергли их и разрушили весь политический и промышленный строй старого режима. Они взяли в свои руки контроль над землей, промышленностью и государством, используя их в своих собственных интересах, не платя никаких даней эксплуататорам какого-либо сорта. Мир никогда не видел такого глубокого социального переворота»¹³.

В этой работе Фостер отметил международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, ее общие закономерности. «Русская революция,— подчеркивал он,— мне кажется нетрудной для понимания. Это лишь наше собственное рабочее движение, доведенное до своего логического конца. Несмотря на позицию официальных американских боссов, русское и американское рабочее движение представляются кровными братьями по методу и цели. Единственное различие между ними в сознательности и развитости». У. Фостер указал и на руководящую и направляющую роль большевистской партии в революции: «Эта организация является одной из самых замечательных в истории человечества. Кто-то назвал ее мозгом революции. Она вполне заслуживает это звание, и, более

¹³ W. Foster. The Russian Revolution. Chicago, 1921, p. 8.

того, она является мозгом и нервами, сердцем и душой революции»¹⁴.

Марксистская историография Октябрьской революции была развита в дальнейших трудах У. Фостера. В книге «История трех Интернационалов» У. Фостер подчеркивает решающее значение союза пролетариата и крестьянства и руководства большевистской партии, определивших победу Октября¹⁵. В работе «История Коммунистической партии Соединенных Штатов» он раскрывает реакционную роль американского империализма в борьбе против молодой Советской республики¹⁶.

Изучение Октября и пропаганда его идей стали традицией американских коммунистов. Эта традиция сохраняется на страницах теоретического и политического органа Американской компартии журнала «Политикл афферс», всей коммунистической печати США. В 1964 г. в Нью-Йорке был создан американский Институт марксистских исследований, деятельность которого является вызовом засилью антикоммунистической идеологии.

Стремление белоэмигрантской литературы обойти вопрос об исторической обусловленности Великой Октябрьской революции было воспринято буржуазной историографией в США с небольшими модификациями. В обзоре книг об Октябрьской революции, вышедших в США к 50-летию Октября, советолог А. Адамс не случайно охарактеризовал их как

¹⁴ Ibid, p. 6, 27.

¹⁵ W. Foster. History of the Three Internationals. New York, 1955 (русский перевод: У. Фостер. История трех Интернационалов. М., 1960).

¹⁶ W. Foster. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952.

«старое вино в новых мехах»¹⁷. Одна из главных концепций американской историографии — концепция «случайности», «незакономерности» Октября имеет весьма определенные истоки — клеветнические измышления различного рода врагов революции.

Концепция «случайности» отмечает как несущественную саму постановку вопроса об объективных предпосылках социалистической революции. Ее сторонники исходят из того, что не существует никакой исторической закономерности и объективной неизбежности победы Октября. Большевистская революция, писал в 1967 г. профессор Вермонтского университета Р. Дэниелс, не была «ни неизбежна», ни даже вероятна, «она победила... вопреки какому-либо рациональному расчету»¹⁸. По его измышлениям, Октябрьская революция была «отчаянной азартной игрой с весьма слабыми шансами на успех и с еще меньшими шансами продержаться в дальнейшем»¹⁹.

Почему же эта, по словам Дэниелса, «азартная игра» большевиков привела к успеху? Отвечая на этот вопрос, американский советолог пишет: «Это была... победа частично благодаря отсутствию сопротивления, частично благодаря счастливому стечению обстоятельств, на которые никто не мог рассчитывать». Октябрьская революция, вещает Дэниелс, вообще бы не имела места, если бы не одна «историческая случайность» — посылка

¹⁷ A. Adams. *New Books on the Revolution. Old Wine in New Bottles.* — "Russian Review", 1967, October.

¹⁸ R. Daniels. *The Bolshevik Gamble.* — "Russian Review", 1967, October, p. 335.

¹⁹ R. Daniels. *Red October. The Bolshevik Revolution.* New York, 1967, p. 215.

правительством Керенского войск для подавления большевистской газеты «Рабочий путь» утром 24 октября²⁰. «Контрдействие Керенского... было решающим событием»²¹. Его неудача показала бессилие правительства. В результате, «к удивлению обеих сторон... Петроград ввиду отсутствия сопротивления оказался в руках большевиков». По логике Дэниелса случай поставил большевиков у власти и помог им сохранить ее «в течение последующих головокружительных дней... Возникновение и сохранение большевистского режима в этот ранний период — почти что историческое чудо»²².

Характерно, что Дэниелс отвергает не только объективные предпосылки Октябрьской революции, но и субъективные. Он игнорирует роль пролетариата, его передового отряда — большевистской партии. В писаниях американского советолога роль индивидуально-психологических факторов в человеческом поведении безмерно преувеличивается за счет социально-исторических факторов, а само индивидуально-психологическое предподносится в извращенной форме «психики революционера», в которой психоаналитики видят отражение фрейдистских мотивов бунтарства и самоутверждения.

Пытаясь как-то подкрепить «концепцию случайности» Октябрьской революции, Р. Дэниелс пускается в претендующие на философскую глубину рассуждения. «Существуют критические моменты в истории наций,— пишет он,— когда перед ними имеются две или несколько

²⁰ "Russian Review", 1967, October, p. 337, 338—339.

²¹ R. Daniels. Red October... p. 216.

²² "Russian Review", 1967, October, p. 339—340.

различных альтернатив и когда случайность политики, слова участника переговоров или направление нескольких выстрелов могут решить судьбу поколений». По мнению Дэниелса, именно серия таких непредвиденных событий сбила Россию с обычного пути современных революций и «открыла дверь перед коммунистическим феноменом двадцатого столетия»²³. Это типичная методология идеализма, игнорирующая коренные объективные условия и причины исторического процесса, остающаяся на поверхности явлений и тем самым искажающая их суть.

Дэниелс не одинок в своих взглядах и выводах. Развивая мысль о «бессилии» врагов большевизма, профессор Колорадского университета Т. Риха утверждал, что причина успеха большевиков заключается, мол, в неумении их противников «приспособиться к революционной ситуации»²⁴. В вышедшей в 1968 г. книжке «Годы золотого петушка. Последние Романовы» ее автор С. Хэркейв пытался объяснить происшедшее некомпетентностью Романовых, и особенно Николая II²⁵. В свою очередь видный деятель советоведения Дж. Кеннан в одной из своих работ исключает деятельность революционных организаций из числа причин, обусловивших падение царизма. По его словам, наличие революционных партий оказывало лишь «косвенное влияние на положение режима»²⁶. А. Улам со своей

²³ Ibid., p. 340.

²⁴ T. Riha. 1917 — A Year of Illusion. — "Soviet Studies", 1967, July, p. 115.

²⁵ S. Harcave. Years of the Golden Cockerel. The Last Romanov Tsars, 1814—1917. New York, 1968.

²⁶ "Revolutionary Russia". Ed. by R. Pipes, 1968, p. 13.

стороны искал причину в неспособности антибольшевистских сил понять роль идеологии и ее изменившийся характер в XX в.²⁷

Крайнюю позицию занимает преподаватель истории нескольких американских колледжей Дж. Лукас. Октябрьская революция, пишет он в статье «День, который потряс мир», — это вовсе «не революция и, возможно, даже не государственный переворот». Дело в том, утверждает Лукас, что «большевики никого или почти никого не свергали», поскольку правительство России «прекратило свое существование до того, как произошла революция». Большевики просто-напросто «взобрались на грудь развалин»²⁸. Ему вторит советолог из Гарварда М. Фэйнсон, заявивший, что большевики победили благодаря «отсутствию сопротивления», «полной неразберихе», «пассивности и апатии»²⁹.

Не все буржуазные авторы разделяют эту крайнюю точку зрения. Некоторые пытаются, правда довольно робко, рассмотреть предпосылки Октября. Так, профессор Дьюкского университета Д. Кэртис писал, что Февральская и Октябрьская революции 1917 г. «не изолированные вспышки, а скорее кульминации борьбы широких слоев русского народа». Но, сделав шаг в сторону объективности, Д. Кэртис сводит причины революции к ошибкам Временного правительства, к «бунтарскому» характеру революционного движения Рос-

²⁷ *A. Ulam*. Reflections on the Revolution.— “Survey”, 1967, July, p. 8.

²⁸ *J. Lukas*. The Day that Shook the World.— “New York Times Magazine”, 22. X. 1967, p. 33.

²⁹ “Revolutionary Russia”. Ed. by R. Pipes, 1968, p. 219.

сии в целом ³⁰. Даже Ф. Шуман, в некоторых случаях проявивший себя как реалистически мыслящий историк, заявляет, что русская революция якобы состоит из «цепи случайностей» и что в «победе русского марксизма не было ничего неизбежного» ³¹.

О какой «случайности» может идти речь, если все развитие России шло под знаком нарастания революционного движения, если назревшие противоречия можно было решить лишь путем социалистической революции? Развитие экономики, революционного движения и международных отношений привели к тому, что Россия в начале XX в. стала одним из главных узлов экономических, социальных и политических противоречий, одним из наиболее слабых звеньев в цепи империализма. В Россию переместился центр международного революционного движения. Сила и революционная закалка российского пролетариата, его союз с крестьянством, наличие у рабочего класса боевой марксистской партии свидетельствовали о готовности и субъективного фактора социалистической революции ³². Победа Октября, становление и развитие мирового социализма подтвердили одно из основных положений исторического материализма — закономерный характер человеческой истории.

Работы советских ученых убедительно опровергают рассуждения об Октябрьской

³⁰ *J. Curtiss*. The Russian Revolution of 1917. New York, 1957, p. 7, 13.

³¹ *F. Schuman*. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957, p. 13.

³² См. об этом подробно: Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность. Проблемы ленинской теории социалистической революции. М., 1967, стр. 113—117.

революции как о «случайном», «стихийном взрыве», на основе анализа огромного материала показывают, что революция была результатом предшествовавшего исторического развития России и выражением объективных закономерностей, действующих в эпоху империализма ³³.

Стремясь обосновать концепцию «незакономерности» Октября, ряд буржуазных авторов выдвигает тезис об Октябрьской революции как о «государственном перевороте», «конспиративном заговоре». Чтобы подкрепить давно разоблаченную легенду о большевиках как о «германских агентах» и тем самым «доказать», что Октябрьская революция была-де «срежиссирована» германским генеральным штабом, ряд антикоммунистически настроенных историков не останавливаются перед использованием заведомых фальшивок. Клеветнический вымысел, пущенный противниками большевиков еще в первые годы после победы Октября (он, кстати, повторен Керенским в первом и втором изданиях его мемуаров), широко использовался в антисоветской пропаганде. Время от времени к нему обращаются и современные исследователи, видимо, за неимением других «научных аргументов». Один из последних примеров — сочинение некоего Г. Каткова, заявившего, что революцию в России вызвали немцы, масоны и либера-

³³ См. работы А. М. Панкратовой, И. И. Минца, А. Л. Сидорова, П. В. Волобуева, М. П. Кима, П. Н. Соболева, В. И. Бовыкина, Л. С. Гапоненко, Г. Н. Голикова, Е. Ф. Ерыкалова, К. Н. Тарновского, А. Я. Грунта, А. М. Эльчибекяна, А. А. Дризулиса, И. И. Сладкова, К. Е. Житова, Т. Р. Каримова и др.

лы³⁴. Профессор Мичиганского университета Г. Дьюи также повторяет вымыслы о «германских деньгах» и «германской поддержке» большевистского движения³⁵.

Тезис о «конспиративном заговоре» тесно связан и с меньшевистскими инсинуациями относительно «бланкизма» большевиков. Автор одной из книг серии по истории меньшевизма, издаваемой под эгидой Гуверовского института, бывший меньшевик С. Шварц в 1967 г. повторил излюбленный прием антикоммунистической историографии — утверждение о склонности к заговорам, будто бы свойственной большевикам.

Американские антикоммунисты подхватили меньшевистские измышления, подчеркивая мнимо «волютаристскую» ориентацию ленинизма. Так, известный лидер ультралевых экстремистов Г. Маркузе пытался навесить на ленинизм ярлык «волютаризма»³⁶. По словам профессиональных антикоммунистов, в ленинизме будто бы возродились экстремистские, бланкистские теории. Б. Вольф из Гуверовского института войны, революции и мира утверждал, что Ленин и его ученики якобы «искажили» марксизм³⁷. А опытный фальсификатор Р. Пэйн совершает прямой подлог, подменяя ленинизм нечаевщиной. По его словам, Ленин «больше занимался разрушением — ужасающим, всеобщим и беспощадным, чем

³⁴ G. Katkov. Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967.

³⁵ H. Dewey. Lenin's Journey in the "Sealed Train".— "New York Times Magazine", 26. II. 1967, p. 30.

³⁶ H. Marcuse. Soviet Marxism. A Critical Analysis. New York, 1958, p. 31, 40.

³⁷ "Fifty Years of Communism in Russia". University Park. The Pennsylvania State University, 1968.

созиданием нового мира»³⁸. Подобные «интерпретации» ленинизма являются не чем иным, как злонамеренной клеветой.

Марксисты-ленинцы всегда отвергали и отвергают авантюризм заговоров всякого рода. Еще в 1897 г. В. И. Ленин подчеркивал противоположность бланкизма и марксизма, различие узкого заговора и всенародного восстания, коренное отличие верхушечного переворота и революции народных масс. «Традиции бланкизма, заговорщичества, — писал Ленин, — страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений неповинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы»³⁹. Как указывал В. И. Ленин, «революции *вырастают* из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории»⁴⁰.

Марксизм-ленинизм отрицает волюнтаризм. В. И. Ленин писал, что «единственной действительной силой, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс»⁴¹. По своей природе и целям социалистическая

³⁸ R. Payne. The Life and Death of Lenin. London, 1968, p. 29; D. Lane. The Roots of Russian Communism: A Social and Historical Study of Russian Social-democracy, 1898—1907. Assen, 1969.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 459.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 246.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 282.

революция не может не быть глубоко народной революцией, втягивающей в борьбу большинство эксплуатируемых масс. Деятельность масс — решающая сила Великой Октябрьской социалистической революции.

Бланкизм глубоко чужд марксистско-ленинской теории революции. В. И. Ленин писал, что «революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса», что для революции необходимо, чтобы «большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него»⁴². Революции, писал Ленин, «нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению... они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя»⁴³. Он резко критиковал волюнтаристские идеологические концепции, в которых субъективному фактору придавалось преобладающее, самодовлеющее значение. Очевидно, что буржуазные ученые пытаются навязать ленинизму волюнтаристские и маоистские взгляды на исторический процесс⁴⁴.

Бездоказательность тезиса буржуазной историографии о «конспиративном заговоре» большевиков проявляется уже в противоречивости аргументации его сторонников. Дж. Биллингтон, например, после рассуждений о «верхушечном характере» революции был вынужден отметить широкую социальную

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 70.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 457.

⁴⁴ Подробнее см. Ю. А. Красин. Указ. соч., стр. 139—157.

базу большевистского движения. По его словам, большевики выступали «от имени забытых до тех пор классов общества»; неимущие классы возглавлялись «дисциплинированной новой политической организацией, вдохновляемой новой философией истории и социальной организации»⁴⁵. Как видим, рассуждения о «верхушечном заговоре» большевиков ни на чем не основаны.

Народ — творец истории. Это положение, подтвержденное всем ходом исторического развития, с особой силой проявилось в период революции. «Революции,— отмечал В. И. Ленин,— праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса...»⁴⁶

Исследования советских историков, опубликованные документы и материалы показывают, что решающую роль в победе и укреплении Советской власти сыграло революционное движение широких народных масс, руководимых большевиками⁴⁷. Так, непосредственные революционные организации трудя-

⁴⁵ "World Politics", 1966, April, p. 452.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.

⁴⁷ «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы», т. 1—10. М., 1957—1965; «Протоколы ВРК. Документы и материалы», т. I—III. М., 1965—1967; «Районные Советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний исполнительных комитетов», т. I—III. М., 1964—1966; см. также работы А. М. Панкратовой, И. И. Минца, П. В. Волобуева, Д. А. Баевского, Г. Н. Голикова, А. М. Андреева, З. В. Степанова, А. Г. Егоровой.

щихся — Советы объединяли 23 млн. рабочих, крестьян, солдат. В Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов политически и организационно оформлялся союз пролетариата с крестьянством и другими слоями трудящихся. Советы являлись выразителями интересов девяти десятых населения страны ⁴⁸.

В работах советских исследователей убедительно показан народный характер социалистической революции в России, тесная связь большевиков с широкими массами, процесс борьбы пролетариата под руководством большевистской партии за присоединение к революции подавляющего большинства народа. Октябрь опирался не на «заговор», как утверждают буржуазные интерпретаторы, а на массовую политическую армию революции, созданную героическими усилиями ленинской партии. «Социалистическая революция,—отмечается в Тезисах ЦК КПСС,— не заговор, не верхушечный переворот, совершаемый группой «активных революционеров», а движение и борьба миллионов во главе с рабочим классом, руководимых марксистско-ленинской партией» ⁴⁹.

Прогресс дела Октября и его идей вынуждает некоторых буржуазных ученых к признанию того, что Октябрьская революция «была чем-то значительно большим, чем просто воо-

⁴⁸ А. Г. Егорова. Рабочий класс — авангард политической армии пролетарской революции.— Сб. «Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции». М., 1967, стр. 80.

⁴⁹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 8.

руженным восстанием изолированной группы конспираторов»⁵⁰.

Концепция «случайности», «незакономерности» Октябрьской революции, как уже отмечалось, принадлежит к наиболее старым приемам антикоммунистической кампании буржуазной историографии. В нынешних условиях империалистической пропаганде приходится менять методы идеологической борьбы. Характерны спекуляции вокруг самого понятия «революция». Понимая тщетность попыток отвлечь массы от революции, буржуазные идеологи пытаются подменить понятие «революция» каким-либо другим термином, выхолостить его содержание и в конечном счете объявить американский капитализм «авангардом» общественного прогресса.

Одним из «новых» рецептов борьбы антикоммунизма против мирового революционного процесса является попытка сыграть на лозунге «радикализма», выдать различные псевдореволюционные, маоистские, анархистские, мелкобуржуазные группки за истинных революционеров, за авангард мирового революционного процесса, а на подлинных коммунистов навесить ярлыки консерваторов⁵¹. Эти идеологические сальто прямо заимствуются буржуазными идеологами из арсенала «левого ревизионизма». Так, Р. Ловенталь из западноберлинского «свободного» университета всячески рекламирует «новый тип» революции, в которой «действие предшествует мысли», революции... «без программы». При этом Ловенталь многозначительно подчеркивает, что выдвигаемые

⁵⁰ "Slavic Review", 1967, June, p. 267.

⁵¹ Например, К. Лондон. *The Soviet Union and the West*.— "Current History", 1969, October, p. 199.

им на передний план левацкие группки противостоят «традиционному», т. е. марксистско-ленинскому, коммунистическому движению⁵².

Концепции современных «левых» оппортунистов и экстремистов исходят не из коренных интересов революционной борьбы пролетариата, всех трудящихся, а отражают анархистские устремления мелкобуржуазной массы. Такого рода радикализм не способен выдвинуть и последовательно претворить в жизнь созидательную программу. Но именно это и привлекает к нему империалистических стратегов. Они упорно твердят, что современный капитализм не укладывается в «марксистско-ленинские рамки», что к «западной цивилизации» марксизм-ленинизм вообще неприменим. Однако, как отмечал Ленин, после каждого такого «уничтожения» марксизм все шире и глубже проникал в гущу народных масс, становился «все крепче, закаленнее и жизненнее»⁵³.

Среди новейших попыток антикоммунистов преуменьшить роль и значение Великой Октябрьской революции, представить это всемирно-историческое явление событием локального значения, затронувшим-де «периферию» мировой цивилизации, а не «жизненные центры», — так называемая «технетроническая» теория Бжезинского. Бжезинский выступил с тезисом о том, что под воздействием современной технологии и электроники происходит процесс трансформации американского капитализма в некое «технетроническое общество»,

⁵² R. Lowenthal. *Unreason and Revolution. On the Dissociation of Practice from Theory.*— "Encounter", 1969, November.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 17.

процесс, который по своим результатам и последствиям будто бы «намного превзойдет» такие этапы на пути человечества, как французская буржуазная революция XVIII в. и Октябрьская социалистическая революция в России⁵⁴. Бжезинский по сути дела пытался подменить процесс перехода от капитализма к социализму надуманной «технетронической трансформацией» капитализма.

Из этой же посылки затушевать классовый смысл происходящих в международном масштабе революционных процессов исходят сторонники теории «модернизации». Согласно их точке зрения, распространение марксизма в России и восприятие его как теории и практики строительства социализма обусловлено не созревaniem необходимых объективных и субъективных предпосылок, а лишь общей экономической и социальной отсталостью страны и проистекающей отсюда потребностью в «модернизации». Трактую марксизм как «идеологию раннего периода индустриализации», буржуазные ученые рассматривают Октябрьскую революцию как один из методов решения проблемы отсталости России⁵⁵. По их рассуждениям, революция в октябре 1917 г.— первая из серии революций в отсталых странах, перед которыми стоит задача «модернизации».

Сторонники этой точки зрения не прочь подчеркнуть «закономерность» Октябрьской

⁵⁴ Z. Brzezinski. *America in the Technetronic Age*.— "Encounter", 1968, January, p. 16, 20; *его же*. *Between Two Ages*. New York, 1970.

⁵⁵ A. Gerschenkron. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge (Mass.), 1962, p. 22—29; L. Kochan. *Russia in Revolution, 1890—1918*. London, 1967.

революции и «революций ее типа», но эта «закономерность» особого рода. Здесь и речи нет о закономерности революционной смены социально-экономических формаций в связи с созревшими объективными предпосылками. Революция была необходима, заявляют сторонники теории «модернизации», поскольку было необходимо модернизировать Россию, иными словами, она была закономерна для России как слаборазвитой страны. Для передового индустриализованного Запада эта проблема, по их словам, теряет смысл. Об этом писал Ф. Шуман, стремясь на данном примере «ниспровергнуть» марксизм. «Революции рабочих», утверждал он, могут происходить, «как и... в России в 1917 г., только в отсталых странах с аграрной экономикой»⁵⁶. Буржуазная историография, таким образом, выдвигает доктрину отсталости как условие свершения пролетарской революции.

Согласно точке зрения американского советолога Т. фон Лауэ, русская революция 1917 г. в отличие от французской революции конца XVIII в. вызвана причинами, не связанными с внутренним развитием страны. «Русская революция принадлежит к новой категории революций, к революциям в отсталых странах, а поэтому она может быть понята как революция, причины которой находились вне страны». По мнению Лауэ, «Европа действовала в России как основная сила» и «западный пример» явился для русской революции главной целью. Иными словами, по фон Лауэ, революция выростала не из классовой борьбы, не из борьбы за демократию, а из

⁵⁶ *F. Schuman. Op. cit., p. 24.*

внеклассовой потребности покончить с отсталостью страны.

Именно в своем движении к «модернизации» Россия, с точки зрения фон Лауэ, положила начало новому процессу. «Во многих своих чертах тяжкие испытания России от 1900 до 1930 г. предвосхитили страдания других народов на окраинах Европы, в Азии, Африке и даже Латинской Америке». Борясь против отсталости своей собственной страны, «большевики провозгласили себя лидерами нарастающего восстания против Запада»⁵⁷. Этот момент подчеркивает и Дж. Кеннан. Отмечая влияние Октябрьской революции на развивающиеся страны, ее роль в распаде европейских колониальных империй, он вместе с тем пишет, что революция была «первым великим примером успешного восстания «не Европы против Европы»»⁵⁸.

Попытки сторонников нового течения объяснить причины возникновения революции капиталистической неразвитостью России совершенно неправомерны. Отсталость России, существование наряду с развитыми формами финансового, промышленного капитализма полукрепостнических пережитков, естественно, оказывали влияние на развитие революции. Но экономическое отставание России от высоко развитых капиталистических стран вовсе не было фактором, содействующим социалистической революции. Наоборот, подчеркивал

⁵⁷ *Th. von Laue. Why Lenin? Why Stalin? A Re-appraisal of Russian Revolution, 1900—1930. Philadelphia, 1964, p. 15—17.*

⁵⁸ *G. Kennan. The Russian Revolution, Fifty Years after. Its Nature and Consequences.—“Foreign Affairs”, 1967, October, p. 13—15.*

В. И. Ленин, отставание создает большие трудности при строительстве социализма. Российскому пролетариату, говорил он, было легче начать революцию, но будет труднее продолжить и закончить ее⁵⁹.

Как убедительно доказано советскими исследованиями, несмотря на то что на путь капитализма Россия стала позднее многих западноевропейских стран, ее движение по этому пути было весьма ускоренным и переход к империализму был осуществлен одновременно с главными капиталистическими странами на рубеже XIX и XX столетий. В целом российская промышленность была подготовлена к преобразованиям, имеющим целью не подгонку социально-экономической структуры страны под западные капиталистические стандарты, а строительство нового, социалистического общества.

Исторический опыт современной эпохи наглядно и отчетливо показывает, что главная объективная закономерность мирового развития в настоящее время — переход человечества от капиталистической к коммунистической формации, а не внеклассовый процесс «модернизации».

Искажая смысл и характер Великой Октябрьской социалистической революции — первой революции, навсегда покончившей с социальным гнетом и эксплуатацией человека человеком, фон Лауэ вместе с тем признает ее значение для быстрого экономического развития страны. Он пишет также, что большевики осуществили первую из потребностей

⁵⁹ Подробнее см. Ю. А. Красин. Указ. соч., стр. 132—133.

развития России по современному пути: уничтожение разрыва между правительством и народом, «отождествив себя с последним». Большевистская революция, отмечал фон Лауэ, в основе была демократической революцией. «Она установила правительство, которое могло говорить, по крайней мере в тот быстро промелькнувший момент (?! — Б. М.), от лица большинства русских»⁶⁰.

Но сделав эти частичные признания, Т. фон Лауэ тут же прибегает к серии оговорок, суть которых заключается в том, чтобы под прикрытием рассуждений о русской отсталости, анархизме и стихийности масс поставить под вопрос только что признанный им демократизм Октября. Т. фон Лауэ использует выдвигаемый им «императив модернизации» для обоснования фальшивого положения о «тоталитарном» характере порожденного Октябрьской революцией социально-политического строя. Осуществление «модернизации», заявляет он, требует самодисциплины, а поскольку самодисциплина отсутствовала, принуждение стало неизбежным. И далее фон Лауэ пишет об установлении в стране «жесткого режима»⁶¹.

Концепция фон Лауэ наиболее изощренная из тех, которые пытаются дискредитировать Октябрьскую революцию путем конструирования некоего противоречия между ее «положительными» и «отрицательными» чертами. Изощренность ее заключается не только в том, что автор находит весьма яркие слова для признания «положительных черт советского эксперимента» (в смысле роста национальной

⁶⁰ *Th. von Laue. Why Lenin? Why Stalin?*, p. 127, 134.

⁶¹ *Ibid.*, p. 135, 137.

экономики и государственного могущества), но и в том, что он пытается великий гуманистический опыт Октябрьской революции использовать для обоснования ницшеанского лозунга: «Народ — это ничто, он сам заслуживает свои страдания».

Впрочем, заметим, концепция фон Лауэ пока стоит особняком в буржуазной историографии Октябрьской революции, хотя и демонстрирует концептуальную гибкость советоведов, которую не следует недооценивать. Большинство же его коллег действует проще: из сконструированного фон Лауэ «противоречия» они берут лишь негативную сторону в виде обвинения в тоталитаризме, антидемократизме и т. д. «Революция или реакция?» — задает риторический вопрос профессор Оклахомского университета С. Томпкинс в своей книге «Триумф большевизма». По мнению Томпкинса, Октябрьская революция — эта величайшая освободительная революция в истории человечества — вовсе не революция, а реакция, а большевизм — просто-напросто «борьба за голую власть любыми средствами»⁶². Об этом же пишет Д. Дэниелс, заявляющий, что «методы революции уничтожили ее дух»⁶³, а Р. Ловенталь относит Великий Октябрь к сконструированной им категории «тоталитарных революций»⁶⁴.

Извращая характер революционного преобразования российского общества, начатого

⁶² *S. Tompkins. The Triumph of Bolshevism. Revolution or Reaction?* Norman, 1967, p. 295.

⁶³ *R. Daniels. Red October...* p. 226.

⁶⁴ "Encounter", 1969, November, p. 22; *H. Shukman. Lenin and the Russian Revolution.* New York, 1967, p. 202.

Октябрем, буржуазная историография силится представить этот освободительный процесс как процесс «закрепощения» масс, создания антидемократического режима нового типа — тоталитаризма. Советолог Г. Кон пытается подкрепить этот взгляд малообоснованными «теоретическими» рассуждениями. Если английская и американская революции XVII и XVIII вв., писал он, развились на основе «единственных в своем роде» английских традиций «самоуправления и индивидуальной свободы», а французская революция XVIII в. «ввела символы нового культа свободы и прав человека», то русская революция «означала катастрофу», ибо разразилась «среди политически, культурно, социально отсталых европейских масс». «Читателя следует предостеречь от предположения, — заявлял он, — что большевистский переворот был логическим или необходимым следствием современной русской истории. Напротив, он в очень большой степени был ее отрицанием, поворотом к прошлому». В результате-де в России утвердилось «первое в истории тоталитарное правительство»⁶⁵.

Особенно спекулятивны противопоставления Октябрьской революции революции Февральской. Если, замечают буржуазные ученые, Февральская революция была истинно народной, демократической революцией «снизу», то Октябрьская революция была «запланированным» переворотом «сверху», приведшим к уничтожению демократии (Дж. Биллингтон,

⁶⁵ *H. Kohn. The Mind of Modern Russia. New Brunswick, 1957, p. 28; idem. The Twentieth Century Russia. New York, 1957, p. 190—191; idem. Basic History of Modern Russia, p. 107, 116—117.*

А. Мазур, Р. Макнил и др.)⁶⁶. Развивая эту линию, Спектор называет Октябрьскую революцию... «контрреволюцией»⁶⁷.

Опровергая утверждения апологетов буржуазной демократии, советские историки и экономисты убедительно показывают, что буржуазный режим при поддержке меньшевиков и эсеров по существу проводил антидемократическую, антинародную, антирабочую политику. И внутренняя, и внешняя политика правительства была подчинена крупной буржуазии⁶⁸. Крестьяне не получили землю, рабочие эксплуатировались. Временное правительство и его меньшевистское министерство труда практически ничего не сделали ни по вопросам страхования, ни по вопросу охраны детского труда. Даже царский страховой закон не проводился в жизнь⁶⁹.

Буржуазные историографы, противопоставляя Октябрьскую революцию Февральской, игнорируют тот факт, что Февральская революция по существу была лишь прологом к Великому Октябрю, этапом на пути к революционному преобразованию России, осуществленному под руководством Коммунистической партии. Февральская революция начала

⁶⁶ Подробнее см. *Г. З. Иоффе*. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970, стр. 212—248.

⁶⁷ *I. Spector*. An Introduction to Russian History and Culture. Princeton, 1964, p. 279.

⁶⁸ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы, т. I—II. М., 1957—1958; *П. В. Волобуев*. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *В. С. Васюков*. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966; *Г. З. Иоффе*. Указ. соч.

⁶⁹ *Л. С. Гапоненко*. Рабочий класс в Октябрьской революции.— «Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 81.

процесс перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Крупнейшее значение имел вывод В. И. Ленина, что буржуазия не может решить гигантских задач, поставленных революцией⁷⁰. Общедемократические задачи в эпоху империализма приобрели антикапиталистическую направленность — в этом состоял залог перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Противоречия Февраля объективно требовали перехода страны на путь социалистического развития⁷¹. Эту назревшую необходимость отметил В. И. Ленин, рассматривавший февральскую победу как первый этап начавшейся русской революции. «Идти вперед, в России ХХ века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму...»⁷²

Неверна и ассоциация процесса перехода к новому обществу с голым насилием. В. И. Ленин еще в конце прошлого века отмечал, что «рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть»⁷³. Об этом он говорил и позднее, в частности указывая на возможность в первые месяцы после Февральской революции перехода власти «к Советам сразу, мирно, без восстания»⁷⁴.

Революционное насилие диктатуры пролетариата было вынужденным ответом на насилие контрреволюции. Рассматривая вопрос о закономерности применения насилия против

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 37, 44б.

⁷¹ П. Волобуев, И. Лейберов. Пролог Октября.— «Коммунист», 1967, № 3.

⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 192.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 264.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 304.

сопротивляющейся буржуазии, автор работы по истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии показал, что накануне и в первые недели после Октября сопротивление свергнутых классов предполагалось сокрушить при помощи обычных органов власти, без применения чрезвычайных мер. Необходимость особых мер обнаружилась по мере усиления сопротивления буржуазии⁷⁵. Подавление личности, голое насилие ничего общего не имеет с марксистско-ленинской теорией, опытом Великого Октября. Оно присуще только мелкобуржуазному клеветническому представлению о социализме, которое Маркс охарактеризовал как «казарменный коммунизм».

Интересно, что более объективные буржуазные ученые ставят под сомнение утверждение о насильственности, антидемократизме Советской власти. Так, Ф. Шуман пишет, что «вопреки мнению, вскоре распространившемуся на Западе, Советское правительство в период между ноябрем 1917 и июнем 1918 г. утвердилось и проводило свою программу, реже прибегая к насилию и с гораздо меньшим числом жертв, чем любой другой революционный режим в истории человечества»⁷⁶. У. Мендель расценивает большевистскую партию как «организацию бескорыстных мужчин и женщин, обладающих ясным пониманием своих задач, методом приобретения поддержки масс и достижения поставленной цели»⁷⁷.

Великая пролетарская революция наряду

⁷⁵ П. Г. Софинов. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917—1922 гг.). М., 1960.

⁷⁶ F. Shuman. Op. cit., p. 91.

⁷⁷ W. Mandel. Russia Re-examined. New York, 1965. p. 2.

с основными социалистическими задачами радикально решила неотложные задачи демократического развития страны. Революция создала реальные условия для осуществления народовластия во всех сферах жизни общества. Возникшие в ходе революции Советы по своей природе самые демократические органы власти, избираемые и контролируемые народом. Глубоко демократическая сущность нового, социалистического государства наглядно раскрылась в первых же декретах и мероприятиях Советской власти ⁷⁸.

«В соревновании, которое сегодня разделяет мир и в котором ставка столь велика, вероятно, победят те, кто понимает революцию», — писала видная представительница западногерманского «Остфоршунга» Х. Арндт, работы которой широко публикуются в США ⁷⁹. И действительно, идеологический потенциал темы Октябрьской революции в буржуазном советоведении не ограничивается только потребностями пропаганды. Подчеркивая практическое значение исторических исследований, американские авторы Т. Нейл и Д. Коллинз пишут: «Октябрьская революция — классическая революция, достигшая успеха и создавшая формулу для совершения коммунистических революций повсюду. Чему же мы можем научиться на опыте этой успешной революции?» Авторы призывали «изучать комму-

⁷⁸ Об этом подробно см. *Е. Н. Городецкий*. Рождение Советского государства. М., 1965; см. также работы Э. Б. Генкиной, Е. Г. Гимпельсона, И. Б. Берхина, Ю. А. Полякова, Д. А. Чугаева, С. М. Кляцкина, В. З. Дробижева и др.

⁷⁹ *H. Arendt*. On Revolution. New York, 1963, p. 8.

низм», чтобы эффективнее бороться против развития революционного движения в странах Африки и Азии⁸⁰.

Исследования по истории Великой Октябрьской социалистической революции, осуществляемые в буржуазной советологии, составляют важный элемент в выработке политической стратегии империализма. В противовес марксистам антикоммунисты стремятся вывести формулу предотвращения революции, эффективный рецепт контрреволюции. Так, например, Ч. Джонсон (Калифорнийский университет, Беркли) в своем опусе, опубликованном в 1968 г., поучает правящие круги монополистической буржуазии: «революции всегда (!) можно избежать» при достаточно гибкой политике частных реформ и уступок. «Почему революции имели место в прошлом?» — задает вопрос Джонсон. И отвечает: потому, что не удалось вовремя использовать «неревволюционные» (иными словами, реформистские) методы. При этом Джонсон предлагает контрреволюционным кругам услуги буржуазной политической науки, которая-де «может внести свой вклад в предотвращение революций» (!)⁸¹.

Об актуальности для монополистических кругов этой практической задачи говорить не приходится. В век динамичных революционных сдвигов вопрос о возможности предотвратить революцию — главный вопрос всей идеологической, политической и военной стратегии империализма. Проблеме контрреволюции в капиталистических странах посвящены много-

⁸⁰ T. Neill, J. Collins. Communism. Why It is and How It Works. New York, 1964, p. 138, 147.

⁸¹ Ch. Johnson. Revolutionary Change. London, 1968, p. VIII, 5, 166.

численные исследования. С этих позиций анализируется и история русской революции.

«В современную эпоху,— отмечается в одной из вышедших на Западе книг, посвященных причинам революционного движения в России,— вопрос о том, можно ли было избежать революции (Октябрьской.— Б. М.) — далеко не академический вопрос». В перспективе нынешнего международного положения он имеет «весьма реальное практическое значение», в особенности для «слаборазвитых стран Латинской Америки, Африки и Азии», которые, так же как и Россия до 1917 г., стремятся «к модернизации». В связи с этим авторы подчеркивают практическую важность изучения «опыта русских»; задача заключается в том, чтобы убедить народы и лидеров развивающихся стран отказаться от повторения «экстравагантного и дорогостоящего» русского эксперимента и уверить их в преимуществах капиталистического пути⁸².

Изучая историю Октября, советологи пытаются выяснить, не было ли иных путей, кроме пути, открытого революцией. История раз и навсегда решила этот вопрос, однако буржуазные идеологи все еще носятся с мыслью, что они откроют неиспользованные ресурсы контрреволюции. Они пытаются хотя бы на бумаге «переиграть» Великую Октябрьскую революцию. Отсюда нарастающий интерес к тем силам, которые оказались за бортом исторического прогресса нашей страны.

Поднимая на щит давно ушедшие в прошлое антиреволюционные группы, А. Улам во-

⁸² "Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution". Ed. by A. Adams. Boston, 1964, p. XIV.

склидал: «Как можно не любить меньшевиков или устоять перед тем, чтобы шепнуть им предостережение на том или ином этапе их пути к «мусорной яме истории»! Улам далее открыто пишет о симпатиях буржуазной историографии к кадетам и эсерам⁸³. В Соединенных Штатах в результате сотрудничества меньшевистских лидеров и американских ученых и поддержки Гуверовского института издается история меньшевизма под общей редакцией Л. Хеймсона. Отдельные тома этой серии уже появились на книжных прилавках. Характерен интерес к троцкизму и анархизму. Значительное внимание уделяется эсерам и кадетам.

Какими бы проблемами истории Октября ни занимались буржуазные советоведы, мысли их настойчиво обращаются к поискам «альтернативы» социалистической революции. «Существовала ли в 1917 г. в России сила, представляющая более типичное (! — Б. М.) «правое» решение?» — спрашивает Р. Дэниелс. Отвечая на вопрос утвердительно, Дэниелс ссылается на Корнилова и других преставителей контрреволюции⁸⁴. Однако он не может удовлетворительным образом объяснить, почему «более типичное «правое» решение» потерпело крах.

Дэниелс отвергает объяснения причин революции, опирающиеся на теорию «модернизации» или апеллирующие к русской «психокультурной традиции». Выдвигаемая им «альтернатива» сводится к «военной диктатуре с патерналистским государственным капитализмом» — нечто напоминающее фашистско-ми-

⁸³ "The State of Soviet Studies". Cambridge (Mass.), 1963, p. 67—68.

⁸⁴ "Russian Review", 1967, October, p. 333, 334.

литаристский режим в Японии накануне второй мировой войны⁸⁵.

На материале истории Великой Октябрьской революции буржуазные советоведы пытаются не только «научно обосновать» тезис о возможности предотвращения революции, но и дать соответствующие практические рекомендации. Сторонники теории «модернизации» выдвигают теоретическую установку о такой возможности, претендуя на ее универсальную применимость. Объявив первоначальный период «модернизации» наиболее болезненным и уязвимым периодом, подверженным «инфекции марксизма» и как следствие этого социалистической революции, сторонники этой школы рекомендуют империалистическим правительствам предпринять соответствующие меры по отношению к государствам, находящимся на «ранней стадии модернизации» (речь идет о развивающихся странах), чтобы не допустить в них коренных социальных, экономических и политических перемен. Как писал автор теории «стадий роста» У. Ростоу, необходимо приложить усилия, чтобы развивающиеся страны могли «пройти через переходную стадию и осуществить надежный «старт», оставаясь в орбите капиталистической системы хозяйства⁸⁶.

Свои рекомендации Ростоу пытается подтвердить ссылками на опыт... русской истории. Если бы первая мировая война произошла на десятилетие позже, фантазирует он, в России осуществился бы успешный «переход к модер-

⁸⁵ Ibid., p. 334, 335.

⁸⁶ W. Rostow. *The Stages of Economic Growth*. Cambridge, 1960, p. 134.

низации» и она стала бы «неуязвимой для коммунизма»⁸⁷.

В связи с этим представляет интерес состоявшаяся в 60-х годах дискуссия среди американских советоведов касательно возможности развития России по «западному», реформистскому пути, или, как выражаются участники дискуссии, по пути «мирной модернизации».

«Могла ли Россия мирно завершить (начавшуюся после 1861 г. — Б. М.) модернизацию своих политических, социальных и экономических институтов, или же насильственная революция была необходима и неизбежна?» задают вопрос авторы сборника «Императорская Россия после 1861 г. Мирная модернизация или революция». Да, могла, заявляют они, решительно выступая против тезиса советской историографии о закономерности Великой Октябрьской революции, «по крайней мере до первой мировой войны революция не была ни неизбежна, ни необходима», а «Россия могла пройти свой путь к модернизации мирно». Вся беда, по их мнению, заключается в том, что «руководящие деятели страны и активные социальные элементы не смогли или не захотели прийти к соглашению друг с другом»⁸⁸.

Авторы сборника объявляют первую мировую войну главной причиной, заставившей Россию свернуть с мирного пути к «модернизации», на который она стала после «великих реформ» 60-х годов. Их аргументация сводится к следующей нехитрой схеме: до первой мировой войны Россия быстро двигалась по пути

⁸⁷ Ibid., p. 163.

⁸⁸ "Imperial Russia after 1861", p. VII, XIII.

«экономического и социального прогресса», но с началом войны «жребий был брошен», хотя и здесь при достаточной политической гибкости революции можно было бы избежать. Гарвардский советолог А. Гершенкрон писал о быстром индустриальном развитии России накануне первой мировой войны, заключая, что, «не случись войны, Россия продолжала бы идти дорогой прогрессивной вестернизации». Л. Волин дает такую же оценку русскому сельскому хозяйству, сетуя, что столыпинские планы не получили достаточного развития, а Временное правительство не осуществило земельную реформу и тем не предотвратило аграрную революцию⁸⁹.

В соответствии с логикой авторов революция не произошла бы, если бы правящие круги страны смогли быстро приспособиться к условиям, возникшим после ликвидации крепостного права.

Характерно, что этот тезис поддерживают представители кадетской и меньшевистской историографии. Так, касаясь данного вопроса, обосновавшийся в США М. Карпович заявлял: «Вряд ли правильно утверждать, что революция была абсолютно неизбежна... Война сделала революцию очень возможной», но не неизбежной⁹⁰. Еще категоричнее в своих выводах меньшевик Абрамович: «Если была какая-то причина русской революции 1917 г., то это, несомненно, первая мировая война. Военные поражения и неизбежная демократизация были основными источниками всех разрушительных изменений в русском обществе, в русской

⁸⁹ "Imperial Russia since 1861", p. XIV, 83, 75.

⁹⁰ Ibid., p. 89.

экономике и в русской политике, которые содействовали переворотам в феврале и октябре 1917 года»⁹¹.

Эти высказывания напоминают писания до-революционных русских либеральных историков, изображавших историю России второй половины XIX в. как историю последовательного развития реформистской политики царизма. По поводу такой либеральной методологии В. И. Ленин писал: «...если по-либеральному смотреть на Россию, то кроме либерального «прогрессизма» ничего и увидеть нельзя. Снимите либеральные очки, и картина будет иная»⁹².

Не все американские советоведы согласны с позицией своих коллег. Так, Л. Хеймсон отметил ошибочность точки зрения, что «во всех основных областях русской жизни между революцией 1905 г. и началом первой мировой войны происходил процесс политической и социальной стабилизации, который, если бы не чрезвычайные трудности, вызванные войной, спас бы Россию от революции или по крайней мере от радикальных перемен, последовавших за завоеванием власти большевиками». «Даже при отсутствии специфических дополнительных трудностей, вызванных войной... — подчеркивал Хеймсон, — под непосредственным воздействием какого-либо другого чисто внутреннего кризиса Россия могла пережить радикальный переворот...»⁹³.

Не отрицая принципиальной возможности

⁹¹ R. Abramovich. The Soviet Revolution. 1917—1939. New York, 1962, p. 1, 6.

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 404.

⁹³ "Slavic Review", 1964, December, p. 622; "Slavic Review", 1965, March, p. 17, 55.

избежания социальных конфликтов при «модернизации» умеренными темпами, Т. фон Лауэ подчеркивал, что «в русских условиях западная модель с ее индустриальным и конституционным компонентами не могла быть полностью принята к осуществлению». Смыкаясь во многом с Л. Хеймсоном, Т. фон Лауэ выражал сомнение в перспективах либерально-конституционного, «западного пути» для дореволюционной России⁹⁴.

Промежуточную позицию занимает Дж. Кеннан. Он ставит два вопроса, ответы на которые, по его мнению, исключительно важны для понимания русских событий, потрясших весь мир: почему пал царизм и почему победили большевики?

Пал ли царизм ввиду своей полной гнилости и внутренней несостоятельности, или же причиной является его участие в первой мировой войне, уничтожившее его шансы на «адаптацию», приспособление к новому веку? Отвечая на этот вопрос, Кеннан оставляет в стороне такой фактор, как революционное движение масс, заявляя, что его роль в свержении царизма «практически ничтожна». Царизм пал пишет он, из-за «напряжения длительной большой войны, добавленного к основным его слабостям».

Мог ли царизм избежать катастрофы в случае неучастия в войне? В этой основной части дебатированной проблемы — «мирная стабилизация или революция» — Кеннан стремится избежать категоричности своих коллег.

⁹⁴ *Th. von Laue. Sergei Witte and Industrialization of Russia. New York, 1963, p. 306; "Slavic Review", 1965, March, p. 34—35, 45—46.*

Исход событий в этих предположительных обстоятельствах «неясен», заявляет он ⁹⁵.

Кеннан вовсе не отрицает в принципе возможности предотвратить революцию, но, по видимому, не считает нужным спорить об этом. Он как бы призывает взглянуть на вопрос реалистически: что случилось, то случилось, следует трезво смотреть на факты.

Гораздо категоричнее ответ Кеннана на второй вопрос. При этом в его анализе причин победы большевиков сочетаются действительно важные и исторически верные оценки и различного рода домыслы и мифы. Кеннан прав, говоря, что ни одна из противостоявших большевикам партий и течений в существовавших условиях не могла укрепиться у власти и не обладала «хотя бы какой-то способностью управлять страной». Он также прав, отмечая такие качества большевиков, как целенаправленность, дисциплина, великолепное политическое руководство, заявляя, что большевики были единственной политической силой, «способной ориентироваться в хаосе». Однако, подчеркнув эти моменты, Кеннан тут же приводит домыслы о «конспиративном» характере деятельности большевиков, об «апатии масс» и другие, которые в очень большой степени смазывают проявленный им реализм ⁹⁶.

Характерно, что на конференции 1967 г. в Гарварде мнения участников также разделились ⁹⁷. Не пришли советологи к согласию и в сборнике «Россия под властью последнего

⁹⁵ "Foreign Affairs", 1967, October, p. 1, 2, 4.

⁹⁶ Ibid., p. 6—8.

⁹⁷ "Revolutionary Russia". Ed. by R. Pipes. Cambridge (Mass.), 1968.

царя»⁹⁸, в котором вновь дебатировался вопрос: «Был ли прогресс России к западному, конституционному правлению прерван 1-й мировой войной и личными недостатками Николая II, или этот прогресс был обречен с самого начала?»⁹⁹ Отметим, что в последние годы на Западе все чаще выходят работы с апологетическими оценками последнего русского царя¹⁰⁰.

Колебания среди советоведов не случайны, так же как не случайны отдельные высказывания, призывающие не предаваться иллюзиям, основанным на произвольном толковании русской истории. Исторический материал противоречит попыткам буржуазной историографии представить Октябрьскую революцию как случайный отход от «естественной эволюции» страны к буржуазно-конституционному режиму.

Уже после первой русской революции 1905 г. стала ясна бесперспективность реформистской эволюции по капиталистическому пути. В декабре 1908 г. В. И. Ленин отмечал, что самодержавие, хотя и было вынуждено перейти «окончательно на путь капиталистического развития», «не может обеспечить условий капиталистического развития России»¹⁰¹. По-прежнему в России не был решен коренной вопрос о земле. И хотя капиталистический процесс все глубже охватил сельское хозяйство, он вел не к предотвращению, а, напро-

⁹⁸ "Russia under the Last Tsar". Ed. by Th. Stavrou. Minneapolis, 1969.

⁹⁹ "Slavic Review", 1970, vol. 29, N 1, p. 108.

¹⁰⁰ R. Hingley. The Tsars. Russian Autocrats 1533—1917. London, 1968.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 325, 327.

тив, к приближению крестьянской революции против полуфеодального аграрного строя.

Остатки крепостничества, с одной стороны, мировое капиталистическое хозяйство — с другой, оказывали влияние на сжатые сроки развития российского капитализма, что в свою очередь вело к неравномерности развития капитализма по экономическим районам и отраслям хозяйства. Реформистская эволюция не удалась и в промышленности. Первая мировая война не сняла сложившихся ранее экономических и социальных противоречий, а добавила новые страдания эксплуатируемых классов, усилила развал экономики.

Нельзя сказать, чтобы царизм и буржуазия не предпринимали шаги, чтобы избежать революции. Но попытки правительства путем реформ предупредить революцию потерпели фиаско. Факты говорят, что Россия, несмотря на попытки царизма и буржуазии решить некоторые социально-экономические вопросы, находилась в полосе общей революционной ситуации, чреватой революцией¹⁰².

Первая мировая война вызвала резкое перенапряжение всех социально-экономических и политических противоречий России. Однако не следует забывать, что и сама война была закономерным порождением империализма и что кроме войны капитализм порождает много других факторов, подрывающих его главные устои и создающих социально-экономические предпосылки для возникновения революционной ситуации. «Внутренние противоречия капиталистического строя, порождающие эти

¹⁰² «Некоторые итоги выступлений по проблеме революционной ситуации». — «Вопросы истории КПСС». 1968, № 7; см. также Г. З. Иоффе. Указ. соч., стр. 55—93.

разрушительные факторы,— пишет Ю. А. Красин, — существуют, развиваются и становятся более напряженными и во время войны, и в обстановке мира»¹⁰³. Другой советский исследователь, Г. А. Арбатов, подчеркивает, что «...опыт любой из революций, совершавшихся в прошлом, свидетельствует, что причиной их были не войны, а непримиримые социальные противоречия капитализма... Война выступает как проявление той же общей болезни капитализма, которая является причиной и революционных кризисов»¹⁰⁴.

Вопреки утверждениям «левых» авантюристов В. И. Ленин никогда не ставил возможность победы социалистической революции в прямую зависимость от войны и не считал, что в интересах революции следует идти навстречу войне. В. И. Ленин указывал, что марксизм «всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»¹⁰⁵.

Запоздалые поиски «альтернативы» Октябрю и в связи с этим эффективного рецепта «предотвращения революций» не могут быть успешными, ибо они противоречат основным объективным закономерностям нашей эпохи. Порок буржуазных концепций состоит в том, что они исходят из возможности удержания власти господствующими классами буржуазного общества, возможности решения ими острых экономических, социальных и полити-

¹⁰³ Ю. А. Красин. Указ. соч., стр. 218.

¹⁰⁴ Г. А. Арбатов. Борьба за мир и перспективы социалистической революции.— «Коммунист», 1963, № 14, стр. 55.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 403.

ческих проблем. В то время как исторический опыт Октябрьской революции убедительно свидетельствует об обреченности капитализма, о неизбежной победе нового общественного строя.

Как бы ни старались буржуазные идеологи, к каким бы методам и приемам ни прибегали, им не под силу повернуть вспять развитие истории, перечеркнуть громадное всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Великие идеи, во имя которых боролись руководимые большевиками трудящиеся массы России, непобедимы! Под овеянные славой Октябрьские знамена становятся все новые и новые миллионы людей во всех странах земного шара. Мировой революционный процесс стремительно развивается.

III Исторический опыт строительства социализма в „советологиче- ской“ интерпрета- ции

Исторический опыт строительства социализма в СССР находится в центре идеологической и политической борьбы нашего времени.

Построив социалистическое общество, народы нашей страны «на практике показали всему миру пути разрешения кардинальных противоречий современной эпохи. На протяжении десятилетий накоплен огромный опыт строительства социализма, применения в массовом масштабе социалистических принципов и норм человеческого общежития, который творчески используется другими народами»¹. Сила преобразующего и созидательного примера советского социалистического государства, руководимого Коммунистической партией, превратилась в мощный революционизирующий фактор, оказывающий гигантское воздействие на ход мировой истории.

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, стр. 27.

Достижения советского строя вынуждают и буржуазную науку отказываться от пренебрежительного отношения к социально-экономическим процессам, происходящим в советском обществе. Произошла известная девальвация примитивного антикоммунизма. Искажая смысл и характер социалистических преобразований, буржуазные ученые вместе с тем ныне пишут о советской системе как о системе, выдержавшей испытание временем. «История Советского Союза после революции 1917 г., — отмечал, например, американский экономист А. Гручи, — это история впечатляющих достижений». За прошедшие десятилетия «страна развилась от положения второстепенной державы до одной из двух главных в мире»².

Достижения социалистического и коммунистического строительства в нашей стране явно беспокоят буржуазных ученых. Идеологи империализма опасаются силы воздействия советского примера на трудящихся капиталистических государств, на народы развивающихся стран. «Быстрое экономическое и военное развитие Советского Союза, — писал А. Гручи, — привлекло внимание ученых, администраторов и политических лидеров развивающихся районов мира и стимулировало интерес и надежды многих развивающихся народов». Если для Запада Советский Союз «представляет собой вызов» в «борьбе за мировое лидерство», то «для развивающихся наций Азии, Африки и Латинской Америки он дает пример того, как страна может быстрым методом достичь

² *A. Gruchy. Comparative Economic Systems. Englewood Cliffs, 1967, p. 796.*

экономической зрелости»³. Американский социолог Дж. Гибсон подчеркивал по этому поводу, что главный вопрос заключается в том, сможет ли Запад утвердить свою идеологию в Африке и Азии⁴. Беспокойство идеолога капитализма весьма оправдано. Как отмечал другой социолог из США, Д. Эптер, советский метод представляет собой одну из успешных моделей развития, значение которой еще более возрастает в связи с непригодностью капиталистических институтов для «большинства обществ, ставших на путь модернизации».

Стремясь ослабить притягательное влияние советского примера, буржуазная наука использует все идеологические ресурсы антикоммунизма, не останавливаясь перед прямым искажением истории осуществления социалистических преобразований в СССР. При этом степень интенсификации антикоммунистических исследований советского опыта прямо пропорциональна степени влияния этого опыта на мировое общественное мнение.

Вопросу о социалистической индустриализации принадлежит главное место в идеологической борьбе вокруг советского опыта. Это и понятно. Социалистическая индустриализация была ключевой задачей строительства социализма в СССР. Коммунистическая партия, руководствуясь ленинским учением о возможности построения социализма в одной стране, опираясь на активную поддержку трудящихся,

³ Ibidem. Эту идею развивает и американский экономист Ч. Уилбер. См.: *Ch. Wilber. The Soviet Model and Underdeveloped Countries*. Chapel Hill, 1969, p. 3.

⁴ *J. Gibson. Ideology and World Affairs*. Boston, 1964, p. 15.

избрала путь индустриализации как единственно возможный, чтобы вывести страну из вековой отсталости, поднять жизненный уровень населения, построить материально-техническую базу социализма.

За годы советских пятилеток СССР осуществил колоссальный промышленный прогресс, для которого капиталистическим странам потребовались в свое время многие десятилетия. Успешное решение этой задачи укрепило экономическую самостоятельность и оборонную мощь СССР, обеспечило материальную базу для технической реконструкции народного хозяйства, для перехода на социалистическую основу сельскохозяйственного производства. Индустриальная мощь страны во многом предопределила нашу победу в Великой Отечественной войне. Ныне Советский Союз — мощная индустриальная держава мира.

Преимущества социалистической индустриализации перед капиталистической очевидны. Перед лицом неоспоримых фактов идеологическая машина империализма вынуждена отступить и лавировать. Отсюда такое парадоксальное на первый взгляд явление, как серия признаний успехов социалистической индустриализации самими советологами.

В начале раздела приводилось высказывание А. Гручи. Но вот что писал эмигрант Н. Ясный, в течение долгого времени (вплоть до своей смерти в 1967 г.) возглавлявший фронт антикоммунистических исследований советской экономики на Западе: индустриализация СССР — «в полном смысле слова революция. То, что отсталая сельскохозяйственная страна в такое короткое время и вопреки огромным трудностям была превращена в индустриальную державу, — это явление, которое не имеет себе равных в истории человечества».

стриальную, было великим событием»⁵. Список подобных признаний можно продолжить. Так, А. Эрлих отмечал беспрецедентность «грандиозного движения вперед» экономики СССР. «Успехи советской экономики с 1928 г., — подчеркивал он, — стали одним из доминирующих факторов нашего времени»⁶. «Даже самый упорный критик Советского Союза, — пишет М. Голдман, — должен признать, что СССР удалось превратить неразвитую страну в высокоразвитое промышленное общество»⁷. Такие высказывания характерны не только для американского, но и для западного советоведения в целом.

Симптоматично и другое явление в американском советоведении, которое также объясняется успехами социалистической индустриализации, — появление в экономической литературе публикаций (правда, сугубо специальных, рассчитанных на узкий круг читателей), авторы которых в практических целях пытаются разобраться в причинах быстрого промышленного прогресса СССР. Можно, например, указать на материалы конференции Индианского университета о «направлении и влиянии советского экономического роста»⁸, а также на общие работы о советской экономике, призванные восполнить недостаток в знаниях об экономическом развитии СССР, особенно резко обозначившийся во второй половине 50-х

⁵ *N. Jasny. Soviet Industrialization, 1928—1952. Chicago, 1961, p. 1.*

⁶ *A. Erlich. The Soviet Industrialization Debate, 1924—1928. Cambridge (Mass.), 1960, p. 180, XX, XXI.*

⁷ "Current History", 1967, October, p. 230.

⁸ "Study of the Soviet Economy". Ed. by N. Spulber. New York, 1961.

годов в связи с советскими научно-техническими достижениями в области освоения космоса.

Отметим также обширное, детальное исследование экономического роста СССР (А. Бергсон, Г. Наттер, С. Кузнец и др.), изданную Принстонским университетом по заказу Национального бюро экономических исследований работу, посвященную анализу развития советской промышленности⁹. Актуальный характер этих исследований подчеркивается сравнениями темпов экономического роста СССР и США. Американские экономисты и в этих работах преуменьшают советские данные, но даже и в их сопоставлении темпы экономического развития США отстают от темпов развития Советского Союза. Американская национальная ассоциация планирования издала серию из восьми томов, посвященную «экономике сосуществования — соревнования»¹⁰. Большое внимание в этих работах уделено советской «экономической стратегии» и ее влиянию на развивающиеся страны. Имеются, далее, специальные анализы отдельных областей экономики СССР. Характерно издание различных сборников статей экспертов по советской экономике.

Подобное положение свидетельствует о том, что наиболее экономически развитая капиталистическая держава не только внимательно следит за промышленным ростом СССР, но и тщательно изучает советский опыт. Отдельные буржуазные экономисты в США признают преимущества советской экономической систе-

⁹ "Growth of Industrial Production in the Soviet Union". Princeton, 1962.

¹⁰ "The Economics of Competitive Coexistence", 8 vols. Washington, 1959—1961.

мы. Так, например, С. Дэвид отмечал, что «сила коммунистической экономики состоит в планировании с его системой стимулирования производства и производительности, системой приоритетов и контроля над ценами»¹¹.

Но, признавая успехи индустриализации, буржуазная историография делает хитроумный ход, пытаясь оторвать эти успехи, практику строительства социализма в целом от теории научного коммунизма, доказать, что грандиозные социально-экономические преобразования в СССР не только не имеют ничего общего с марксизмом, но и противоречат ему. В этом отношении особенно усердствует антикоммунист С. Хук, заявляющий, что самый успех социалистического строительства в СССР якобы отрицает теорию марксизма. «Маркс был решительно опровергнут его наиболее сильными учениками...»¹² — утверждал он. Собравшиеся на конференцию 1967 г. в Гарварде советологи также объявили: путь строительства социализма в СССР не является марксистским путем¹³.

В целом прием буржуазных ученых сводится к тому, чтобы, с одной стороны, доказать «неприменимость» теории Маркса к современной экономике, а с другой — утвердить тезис о «немарксистской направленности» экономических преобразований в СССР. За всем этим в свою очередь скрывается попытка отождествить капиталистическую индустриализацию

¹¹ S. David. *The Communist Challenge*. New York, 1965, p. 37—38.

¹² "Proceedings of the American Philosophical Society". Philadelphia, 1955, vol. 99, N 1, p. 9.

¹³ "Revolutionary Russia". Ed. by R. Pipes. Cambridge (Mass.), 1968.

и ее социальные последствия с социалистической индустриализацией и ее последствиями для развития общества.

Апологеты капиталистической индустриализации в данной связи широко обращаются к теории «конвергенции» — «растущего схождения и конечного слияния» социалистической и капиталистической систем. «Если и когда, — писал Б. Ричмэн, — советская экономика по объему и разнообразию промышленного производства, технической сложности, размерам и сложности различных взаимоотношений достигнет американской, структура обеих экономик может легко оказаться гораздо более схожей, чем думалось первоначально»¹⁴. Согласно схеме одного из основоположников теории «конвергенции» У. Росту, советское экономическое развитие после 1919 г. соответствует развитию Западной Европы и США в десятилетия накануне 1914 г.¹⁵ Иными словами, по мнению Росту, «с известными специфическими отличиями» социалистическая индустриализация это не что иное, как ухудшенный и запоздалый вариант индустриализации капиталистической. Советское экономическое развитие — это «повторение» экономического развития Запада, писал Дж. Берлинер в сборнике «Индустриализация в двух системах»¹⁶.

Рассматривая причины привлекательности советской модели для развивающихся стран, И. Горовиц из Вашингтонского университета

¹⁴ *B. Richman. Soviet Management. Englewood Cliffs, 1965, p. 256.*

¹⁵ *W. Rostow. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960, p. 66—67.*

¹⁶ «Industrialization in Two Systems». Ed. by H. Rosovsky. New York, 1966, p. 160.

заявлял, что советский путь развития является как бы промежуточным между западным путем индустриально развитых капиталистических стран и так называемым третьим миром, что он совмещает в себе черты «Запада» и «Востока». Таким образом, Горовиц пытался сгладить коренную противоположность социализма и капитализма¹⁷.

Лучшим опровержением этих теоретических упражнений буржуазных ученых являются действительные факты истории превращения некогда отсталой страны в передовую промышленную державу. В СССР публикуются статистические и документальные сборники, дающие богатый материал по теме индустриализации, имеется значительное число работ, посвященных этой важной теме¹⁸. Из находящихся в распоряжении любого исследователя фактов вытекает полная необоснованность противопоставления практики социалистической индустриализации СССР теории научного коммунизма.

Решающей предпосылкой социалистической индустриализации было создание в результате Октябрьской революции общественного сектора народного хозяйства. СССР располагал богатейшими природными ресурсами. В стране имелись необходимые материально-производственные условия для осуществления

¹⁷ *I. Horowitz. Three Worlds of Development. New York, 1966, p. 14, 16.*

¹⁸ *Э. П. Горбунов. Социалистическая индустриализация СССР и ее буржуазные критики. М., 1962; перечень и краткую характеристику работ по истории индустриализации в СССР см. в статье В. С. Лельчук. Социалистическая индустриализация СССР.— Сб. «Очерки по историографии советского общества». М., 1965.*

индустриализации собственными силами. В наследство от старой России остался промышленный потенциал, позволявший приступить к социалистической индустриализации¹⁹.

Характер и метод осуществления социалистической индустриализации в СССР не дают никакого материала для аналогий с капиталистической индустриализацией. Капиталистическая индустриализация происходит стихийно и неравномерно, социалистическая отличается планомерностью и всесторонностью развития различных отраслей промышленности и районов страны. В результате по темпам и срокам осуществления социалистическая индустриализация опережает капиталистическую. Напомним, что в период индустриализации США (1860—1913 гг.) темпы экономического развития США составили примерно 5 процентов, а в Советском Союзе в первой пятилетке они достигли 19,2 процента, во второй — 17,1, за три года третьей пятилетки — 13,2 процента²⁰.

Социалистическая индустриализация, далее, существенно отличается от капиталистической и по источникам средств, необходимых для ее осуществления. Если при капитализме индустриализация финансировалась за счет эксплуатации трудящихся, грабежа колоний и побежденных стран, кабальных займов и т. п., то в социалистических странах материальным источником индустриализации является соответствующая часть национального

¹⁹ В. И. Кузьмин. Первая в истории социалистическая индустриализация.— «Вопросы истории», 1967, № 10, стр. 72—73.

²⁰ В. Смолянский. Советская экономика и американские «эксперты».— «Правда», 26/V 1967 г.

дохода, братская поддержка других социалистических стран.

Наконец, с точки зрения социальных последствий капиталистическая индустриализация ведет к усилению эксплуатации трудящихся, их экономическому закабалению. В противоположность этому социальными последствиями социалистической индустриализации являются повышение материального и культурного уровня масс, улучшение их социального положения, облегчение условий труда.

Подменяя понятие «социалистическая индустриализация» понятием «модернизация», идеологи буржуазии пытаются доказать другое важное для них положение — тезис о «непричастности» Октябрьской революции, социалистического строя в целом к эпохальному промышленному перевороту, осуществленному в СССР. С этой целью пускается в ход такой мотив: индустриализация России началась задолго до революции, большевики лишь продолжают дело, начатое царями.

На этот мотив существуют различные вариации, но суть их одна. Так, У. Росту писал, что «старт» начался в России приблизительно около 1890 г. Таким образом, заявлял Росту, коммунисты унаследовали экономику, которая уже «стартовала». По утверждениям Росту, социалистическая индустриализация есть не что иное, как завершение процесса, начатого еще при царях²¹.

Аналогична позиция авторов сборника статей «Российская империя после 1861 года. Мирная модернизация или революция», о котором мы говорили в предшествующем разделе.

²¹ W. Rostow. Op. cit., p. 66—67.

ле. Б. Вольф, например, называет социалистическую индустриализацию, строительство материальной базы социализма и коммунизма продолжением политики «модернизации», начатой еще Петром I²². Советские успехи в области индустриализации и создании «мощной супердержавы» не имеют никакого отношения к Октябрьской революции, категорически заявляет Р. Дэниелс²³.

Не ограничиваясь общетеоретическими рассуждениями, буржуазные исследователи пытаются подкрепить их ссылками на статистические данные. Манипулируя цифрами, они стремятся создать впечатление, будто темпы промышленного роста Российской империи в последние десятилетия перед первой мировой войной были аналогичны темпам развития СССР в период осуществления социалистической индустриализации. Поскольку же достоверные статистические данные противоречат высказываемой ими точке зрения, буржуазные экономисты обрушиваются на советскую статистику, заявляя, что ей нельзя верить.

Советские экономисты не раз указывали на антинаучность методов обращения американских специалистов по советской экономике со статистическими данными²⁴. Что же касается советской статистики, то более объективные буржуазные ученые признают ее достоверность. «Я считаю, — писал автор книги

²² "Slavic Review", 1967, June, p. 187.

²³ R. Daniels. Red October. The Bolshevic Revolution. New York, 1967, p. 226—227.

²⁴ См., например, С. Хейнман. Как буржуазные экономисты «сражаются» с советскими темпами. М., 1959; М. Барабанов. Экономическое соревнование двух систем (Критика взглядов буржуазных идеологов США). М., 1960, и др.

«Советская экономика» В. Катков, — что принятие всеми западными специалистами официальных данных советской статистики есть лишь вопрос времени... На основе собственного опыта, приобретенного в ходе исследовательской работы по заданиям правительства, я пришел к убеждению, что советские статистические данные в основном не являются преувеличенными и более точны, чем некоторые методы и предположения, на которых основываются самостоятельные оценки показателей развития советской экономики»²⁵.

Обращаясь к существу поднятого буржуазной наукой вопроса, отметим, что, несмотря на сравнительно быстрое развитие российской промышленности в предреволюционные годы, условия буржуазно-помещичьего режима тормозили прогресс экономики. Так, за период 1860—1913 гг. разрыв между Россией и передовыми капиталистическими странами не только не сократился, но в ряде важнейших отраслей увеличился. Производство чугуна в России в 1860 г. составило 40 процентов производства США и 61 — Германии. В 1913 г. оно равнялось соответственно 13 и 27,8. По расчету английского экономиста К. Кларка, объем промышленного производства России в 1895—1899 гг. составлял 8,5 процента объема производства США, а в 1910—1913 гг. — 8,3. Как мы видим, расстояние, отделявшее Россию от Соединенных Штатов, не только не сокращалось, но и возрастало²⁶.

²⁵ V. Katkoff. *Soviet Economy, 1940—1960*. Baltimore. 1961, p. 11.

²⁶ Н. П. Микешин. Социально-экономические результаты Октября и буржуазная историография. — «Вопросы истории КПСС», 1967, № 11, стр. 96.

Совершенно иная картина наблюдается в советское время. Если в 1917 г. удельный вес нашей страны в мировой промышленной продукции составлял менее 3 процентов, то к 1937 г. он увеличился примерно до 10 процентов, а к 1966 г. достиг почти одной пятой²⁷. В 1975 г. общий объем промышленной и сельскохозяйственной продукции СССР превысит уровень 1971 г. промышленного и сельскохозяйственного производства в США²⁸.

В свете исторических фактов явно неправдоподобными выглядят утверждения буржуазных экономистов о том, что промышленность России будто бы и без Октябрьской революции могла развиваться такими же темпами, какими она развивается в настоящее время. Известно, что в период социалистической индустриализации страны промышленная продукция СССР почти ежегодно росла темпами в 4 раза более высокими, чем в дореволюционной России²⁹.

В заключение остановимся на положении, наиболее распространенном в буржуазной историографии, объединившем представителей самых различных школ и направлений, — тезисе о «цене» советской индустриализации, в котором в известной мере отражается попытка антикоммунистов поставить вопрос о «цене» социалистических преобразований в СССР в целом.

Да, говорят буржуазные идеологи, советские промышленные успехи впечатляющи и осуществлены они в короткие исторические

²⁷ А. Ефремов. Могучая поступь советской индустрии.— «Коммунист», 1967. № 11, стр. 66.

²⁸ «Правда», 25/ХІ 1971 г.

²⁹ «Правда», 23/ІХ 1967 г.

сроки, но «цена», уплаченная за них и выраженная в категориях человеческих усилий, чрезмерно высока. Формулируя этот тезис, С. Блэк выразил его в следующей категорической форме: «Советские лидеры значительно увеличили промышленное производство России, они модернизировали ее и в других отношениях. Но они достигли всего этого наивысшей ценой, когда-либо заплаченной модернизирующимся обществом»³⁰. Выступая в сентябре 1967 г. в Западном Берлине на международной конференции советологов, посвященной пятидесятилетию Советской власти, С. Хук развил тот же мотив. С позиции апологета капитализма он утверждал, что капиталистическая индустриализация была осуществлена будто бы с меньшими затратами и принесла бóльшие результаты, чем социалистическая³¹.

Известно, что при переходе от капитализма к социализму советский народ выступил и выступает как первопроходец. Сложен и труден был этот неизведанный путь. Эпоха строительства социализма была великим героическим и в то же время весьма напряженным периодом в жизни Советского государства. Строительство социализма в СССР происходило в условиях враждебного капиталистического окружения, при непрерывных попытках реакционных империалистических кругов уничтожить новый строй. Уровень развития производительных сил России был сравнительно низок, страна была разорена в результате первой империалистической и гражданской войн, отсутствовал опыт социалистического преобразова-

³⁰ С. Black. *The Dynamics of Modernization*. New York, 1966, p. 146.

³¹ "Survey", 1968, January, p. 137.

ния общества. Однако сила социалистической идеи, преимущества социалистических производственных отношений, сплоченность и организованность Коммунистической партии и творческий энтузиазм народных масс были настолько велики, что даже при неблагоприятных обстоятельствах социалистическое государство сумело одержать в кратчайшие исторические сроки такие победы, которые создали условия для обеспечения перевеса сил социализма над капитализмом в мировом масштабе. Советский народ преодолел все трудности и создал могучий экономический, военный, политический и духовный потенциал, который служит надежным оплотом социализма на земле.

Спекулируя на объективных трудностях проведения индустриализации, умалчивая, что именно военная угроза со стороны империализма вынуждала советских людей на сознательное ограничение уровня жизни, буржуазные ученые усиленно муссируют мотив, будто индустриализация СССР была осуществлена вопреки интересам народа. Несколько иную позицию занимает Ч. Уилбер, подчеркивающий, что «цена развития» определяется «особыми историческими условиями», а не самим процессом и что она все же ниже, чем «цена» сохраняющейся отсталости. Уилбер отмечает, что советский метод развития «дает некоторые полезные уроки для развивающихся стран»³².

Политическая подоплека этих сетований очевидна. На примере якобы конкретно-исторических исследований промышленного развития СССР буржуазные идеологи пытаются

³² *Ch. Willer. Op. cit., p. 6, 131.*

сформулировать некий общий закон действия «советской модели индустриализации», прямо адресованный общественному мнению развивающихся стран. «Исследователи экономического роста хотят знать, может ли советским темпам индустриализации сопутствовать прогрессивный рост жизненного уровня, — задает риторический вопрос А. Бергсон. — Если принимать во внимание советский опыт, ответ будет отрицательным»³³. С помощью подобных рассуждений империалистическая пропаганда пытается уверить народы, что советская модель является хотя и эффективным, но «антигуманным» и дорогостоящим методом решения проблемы промышленного развития.

Вопреки фактам действительной истории индустриализации буржуазные советоведы объявляют внеэкономическое принуждение главным (притом неизбежным) методом социалистической реконструкции народного хозяйства. Если на Западе при осуществлении индустриализации, писал профессор Калифорнийского университета (Беркли) Г. Гроссман, был использован «рыночный механизм», то в СССР опирались прежде всего на административно-принудительные меры. В результате, мол, была создана «экономика, действующая на основании приказов»³⁴. У. Ростоу по этому поводу заявлял, что вообще-де советский строй базируется не на объективных законах экономического развития, а на «детерминизме политики и насилия»³⁵.

³³ A. Bergson. *The Real National Income of Soviet Russia since 1928*. Cambridge (Mass.), 1961. p. 257.

³⁴ G. Grossman. *Economic Systems*. Englewood Cliffs, 1967, p. 74—75, 90.

³⁵ W. Rostow. *Op. cit.*, p. 161.

Выдвигаемая антикоммунистами идеалистическая «теория насилия» практически смыкается с волюнтаристскими взглядами ультра-левых ревизионистов, отбросивших марксистско-ленинское учение об объективных предпосылках мирового революционного процесса, об экономических законах социализма. На самом деле ленинская программа строительства социализма исходила из всестороннего анализа положения Советской республики и мирового экономического прогресса, его объективных тенденций. Она исключала субъективизм, подчинение конъюнктурным целям. Грандиозные успехи индустриализации СССР, успехи строительства социализма в целом ярко демонстрируют правильность, объективную обусловленность и закономерность того пути, по которому Коммунистическая партия ведет советский народ.

Лживость тезиса о «насильственности индустриализации» опровергается и немыслимым при капитализме размахом трудового героизма советских людей. О высокой сознательности советского рабочего класса свидетельствует значительное повышение производственной активности рабочих в период наибольших трудностей индустриализации. Так, в годы первой пятилетки значительно возросло число участников производственных совещаний³⁶. В период первой пятилетки началось и массовое социалистическое соревнование, и движение ударничества, охватившее к 1933 г. три четверти всех рабочих³⁷. Число новаторов

³⁶ «Вопросы истории», 1967, № 10, стр. 90.

³⁷ «Построение фундамента социалистической экономики в СССР». М., 1960, стр. 74

производства — стахановцев в 1939 г. достигло более 2 млн.³⁸

Перед лицом успехов социалистической индустриализации в СССР в должной перспективе вырисовывается и вопрос о ее «цене». Как уже отмечалось, социалистическая индустриализация проводилась в обстановке капиталистического окружения и постоянной угрозы нападения со стороны агрессивных сил империализма. Это обусловило крайне сжатые сроки преобразований, потребовало большого напряжения всех сил и средств. Перед советским народом стоял выбор: либо пойти на сознательное ограничение уровня жизни, либо быть уничтоженным объединенными силами империализма. «Советские люди не жалели сил, сознательно шли на лишения, показывали образцы мужества и самоотверженности в труде во имя преодоления экономической отсталости страны и превращения ее в могучую социалистическую державу»³⁹. И эти усилия не пропали даром.

Рост социалистического производства создал прочную базу для повышения материального благосостояния и культуры советского народа. В итоге предвоенных пятилеток произошли решающие сдвиги в жизненном уровне трудящихся, исчезли безработица в городе, аграрное перенаселение деревни. За годы Советской власти неизмеримо вырос жизненный уровень трудящихся. Как подчеркнул в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л. И. Брежнев, «партия исходит прежде все-

³⁸ «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.». М., 1963, стр. 111.

³⁹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, стр. 17.

го из того, что наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей — это высшая цель общественного производства при социализме»⁴⁰.

Только за прошедшую, восьмую пятилетку реальные доходы в расчете на душу населения выросли в нашей стране на 33 процента. Денежные доходы населения в 1975 г. возрастут по сравнению с 1970 г. на 78 млрд. руб. В целом среднемесячная заработная плата рабочих, инженерно-технических работников и служащих, включая работников совхозов, достигнет в 1975 г. почти 150 руб., а с учетом предоставляемых льгот за счет общественных фондов превысит 200 руб. в месяц⁴¹.

А какова «цена» индустриализации в капиталистических странах? Известно, какой чудовищной ценой капитализм купил развитие своей экономики: разорение миллионов крестьян, безжалостная эксплуатация рабочих, женского и детского труда, грабеж колоний. А каковы ее социальные результаты? Достаточно напомнить, что в настоящее время в странах развитого капитализма насчитывается около 8 млн. безработных. А безработица лишь один из элементов «цены прогресса» при капитализме.

Любопытно признание Ф. Шумана, который в отличие от большинства советоведов не столь упорно закрывает глаза на факты. «Индустриализация, — пишет Шуман, — не какое либо исключительное явление... Но СССР отличает то, что события, занявшие во всех

⁴⁰ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 50.

⁴¹ «Правда». 25/ХІ 1971 г.

других странах полстолетия или даже больше, заняли здесь какие-нибудь десять лет. Больше того, индустриализация в Советской России была проведена без частного капитала и без всяких иностранных инвестиций... без частной собственности на какие-либо средства производства и без нетрудовых доходов или частных прибылей, достаемых обычно предпринимателям или удачливым вкладчикам... Потрясающий переворот в жизни людей может быть лишь весьма слабо отражен в следующих выводах: это смелое предприятие привело страну от неграмотности к грамотности, от нэпа к социализму, от примитивного земледелия к коллективной обработке земли, от преобладания сельского быта к преобладанию городского быта, от всеобщего технического невежества к всеобщему овладению современной техникой»⁴².

История коллективизации и колхозного строительства в СССР искажается советологами также с помощью стандартного набора антикоммунистических приемов, связанных с извращением марксистско-ленинской теории и практики социалистических преобразований. При оценке коллективизации буржуазные исследователи исходят из антикоммунистического тезиса о «принципиальной враждебности» марксизма крестьянству. Они пытаются доказать, будто марксистская теория «враждебна» крестьянству, ориентируется на полную его ликвидацию и что «марксизм вообще и большевизм в особенности не имели аграрной про-

⁴² *F. Shuman. Russia since 1917. New York, 1957, p. 144—145.*

граммы, которая соответствовала бы интересам крестьян»⁴³.

Однако в трудах основоположников научного коммунизма мы не найдем приписываемой им «враждебности» к крестьянству. Наоборот, именно они первыми указали на пути единственно правильного решения аграрного вопроса, спасения мелкого крестьянства от нищеты и разорения. «Наша задача по отношению к мелким крестьянам,— писал Ф. Энгельс в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»,— состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»⁴⁴.

В основу аграрной программы большевиков легло указание К. Маркса о разрешении земельного вопроса в период диктатуры пролетариата. Открыв законы общественного развития и создав теорию земельной ренты, Маркс научно доказал необходимость преобразования мелких крестьянских хозяйств на социалистических началах. Говоря об упразднении частной собственности на землю и передаче средств производства в общественную собственность, Маркс еще в 1851 г. указывал, что «преобразование земледелия, а следова-

⁴³ *O. Radkey. The Sickle under Hammer. New York, 1963; D. Mitrany. Marx against the Peasant. London, 1951; Th. von Laue. Why Lenin? Why Stalin? Philadelphia, 1964, p. 213.* Советский исследователь Г. В. Шарпов показал несостоятельность этого тезиса. См. *Г. В. Шарпов. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу (Фальсификация истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР). М., 1966, стр. 35—53.*

⁴⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 518.*

тельно, и основанного на нем собственнического свинства, должно стать альфой и омегой будущего переворота»⁴⁵.

Идеи основоположников марксизма были развиты В. И. Лениным. В своих работах он показал, что выходом из тяжелого положения мелкого крестьянства может быть общественная обработка земли, преобразование мелкокрестьянского хозяйства в крупное, социалистическое производство. «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, — указывал Ленин, — нам все равно грозит неминуемая гибель...»⁴⁶ «Это — трудное дело, — отмечал Ленин, — но необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах; без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя...»⁴⁷ При этом В. И. Ленин указал на необходимость создания материально-технической базы для социалистического преобразования сельского хозяйства, строгого соблюдения принципа добровольного участия крестьянства в этом процессе⁴⁸. Таковы факты отношения классиков марксизма-ленинизма к крестьянской проблеме.

Не менее бездоказателен и другой тезис буржуазной историографии, сводящийся к то-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 281.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 187.

⁴⁷ Там же, стр. 188.

⁴⁸ Г. В. Шарапов. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу, стр. 25—26; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. I. М., 1967; П. Н. Першин. Аграрная революция в России, кн. 1—2. М., 1966.

му, что Октябрьская революция якобы не дала реальных выгод крестьянству. Так, Н. Ясный утверждал, будто аграрная революция привела к «пауперизации» деревни, к обеднению крестьянского хозяйства, дезорганизации экономики⁴⁹. Этот же тезис поддерживают Г. Динерштейн, Д. Митрани и др. Советский исследователь Ю. А. Поляков в связи с этим справедливо задает вопрос: почему же крестьяне, получив дополнительно и бесплатно землю, стали жить хуже, катились к «пауперизации»⁵⁰.

Развивая идею «враждебности» марксизма-ленинизма крестьянству, антикоммунисты пытаются перенести ее на взаимоотношения рабочих и крестьян. После Октябрьской революции, заявлял Д. Митрани, «повсеместно и сразу же рабочие и крестьяне обнаружили себя как противоположные друг другу силы»⁵¹. По утверждениям Г. Динерштейна, в результате революции пролетариат уничтожил крестьянство, превратив его в сельскохозяйственных рабочих⁵².

Подобные утверждения, нацеленные против союза рабочего класса и крестьянства, не выдерживают критики.

В. И. Ленин не раз указывал, что между интересами рабочего класса и интересами трудового крестьянства не существует коренных расхождений, что «социализм *вполне* может

⁴⁹ N. Jasný. *The Socialized Agriculture of the USSR*. Stanford, 1949, p. 154—157.

⁵⁰ Ю. А. Поляков. *Переход к нэпу и советское крестьянство*. М., 1967, стр. 38.

⁵¹ D. Mitrany. *Op. cit.*, p. 3.

⁵² H. Dinerstein. *Communism and the Russian Peasant*. Glencoe, 1955.

удовлетворить интересы тех и других»⁵³. Это ленинское предвидение полностью подтвердилось. Только в союзе с беднейшим крестьянством пролетариат смог сломить сопротивление контрреволюции и обеспечить победу Великой Октябрьской социалистической революции.

Интересы рабочего класса и трудового крестьянства после Октябрьской революции не только не разошлись, как утверждает реакционное советоведение, а еще более сблизились. Гражданская война убедительно продемонстрировала, что крестьяне без помощи и руководства рабочего класса не смогли бы отстоять свободу и землю, полученные в результате революции. В первые годы Советской власти рабочий класс помог трудовому крестьянству претворить в жизнь законы о земле, а затем оказал помощь в осуществлении коллективизации⁵⁴. Одним из главных показателей силы и жизненности ленинских идей служит тот исторический факт, что советское крестьянство объединилось в неразрывный союз с рабочим классом.

Общим для советоведческой литературы является и отрицание объективной необходимости коллективизации в СССР. Если в работах о социалистической индустриализации буржуазные авторы, хотя и в ограниченном толковании, применяют термин «закономерность» и пишут о «советском экономическом прототипе», то в исследованиях о коллективи-

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 102.

⁵⁴ Н. А. Ивницкий. О начальном этапе сплошной коллективизации. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; В. М. Селунская. Рабочие-двадцатипятипятитысячники. М., 1964.

зации сельского хозяйства СССР безраздельно господствует положение о «специфичности» и «неповторимости» советского опыта. Утверждается, например, что колхозный строй вызван к жизни не внутренними потребностями развития сельского хозяйства, а исключительно планами индустриализации страны, что деревня-де «была принесена в жертву городу». С другой стороны, заявляется, что коллективизация сельского хозяйства в СССР «была проведена не в силу объективной необходимости, а в силу приверженности большевиков марксистско-ленинской теории, которая требовала ее осуществления»⁵⁵.

В трудах советских исследователей на основе обстоятельного анализа материалов и источников убедительно показана историческая необходимость осуществления коллективизации сельского хозяйства⁵⁶.

Историческая необходимость коллективизации непосредственно вытекает из экономической закономерности социализма, требующей соответствия производственных отношений развитию производительных сил общества. В области промышленного производства это соответствие было достигнуто непосредственно после Октябрьской революции. В сельском хозяйстве ввиду отсутствия необходимых социально-экономических и технических условий

⁵⁵ *A. Gruchy*. Op. cit., p. 735; "Industrialization in Two Systems", p. 268; *A. Stern*. The History of Soviet Russia, p. 23.

⁵⁶ *С. П. Трапезников*. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В двух томах М., 1967; см. также работы Ю. А. Полякова, В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого, Г. В. Шаропова, Ю. С. Борисова, М. А. Вылцана, В. М. Селунской, В. Д. Панникова и др.

нельзя было так быстро уничтожить старые производственные отношения. Они продолжали оставаться некоторое время и после победы Великого Октября.

Индустриализация и коллективизация не противостоят друг другу, а органически связаны между собой и представляют две стороны единого процесса преобразования экономики Советского государства, являются составными частями ленинского плана построения социализма. Успехи, достигнутые в начале 30-х годов в индустриализации, способствовали переходу основной массы крестьянства на путь колхозного строительства. Наряду с этим коллективизация сельского хозяйства устраняла противоречия между крупной социалистической индустрией и мелкими крестьянскими хозяйствами, способствовала дальнейшему развитию промышленности. За годы первой пятилетки продукция сельскохозяйственного машиностроения увеличилась в 3 раза, а по сравнению с дореволюционным временем — в 8 раз. В СССР была быстро создана материально-техническая база, обеспечившая перевод сельского хозяйства на рельсы передовой машинной техники⁵⁷.

В большинстве советоведческих работ было бы напрасно искать освещение фактов серьезной материальной помощи государства крестьянству. Зато чуть ли не в каждой работе, касающейся коллективизации, можно встретить утверждения о «деспотическом контроле» над деятельностью сельскохозяйственного населения. Согласно взглядам некоторых

⁵⁷ Г. В. Шаранов. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу, стр. 141, 145.

историков, даже машинно-тракторные станции — это своего рода «полицейские органы», контролирующие крестьянство⁵⁸. На самом деле машинно-тракторные станции были решающей силой в вооружении сельского хозяйства современной техникой, в облегчении перехода мелких крестьянских хозяйств на социалистический путь⁵⁹.

Американские советоведы стремятся дискредитировать колхозный строй. Они изображают взаимоотношения колхозного крестьянства с Советским государством как взаимоотношения инертной массы с «безличной внешней средой». Дж. Кеннан называет колхозную систему «шагом назад», «новой формой эксплуатации»⁶⁰. М. Рен пишет о «разорении сельского хозяйства» в результате коллективизации⁶¹.

Конечно, процесс подобной революционной значимости и подобных масштабов, сопровождавшийся ломкой укоренившихся традиций, предрассудков, осуществлявшийся впервые в истории, не мог протекать гладко, без издержек и отдельных ошибок. **«Переустройство сельского хозяйства на социалистических началах — самая сложная и трудная задача**

⁵⁸ *R. Bauer, A. Inkeles, C. Kluckhohn.* How the Soviet System Works. Cambridge (Mass.), 1957, p. 39; *M. Fainsod.* How Russia is Ruled. Cambridge (Mass.), 1955, p. 10.

⁵⁹ Об этом см. подробно *Г. В. Шаранов.* Критика антикоммунизма по аграрному вопросу, стр. 146—150; *Ю. В. Арутюнян.* Механизаторы сельского хозяйства СССР. 1929—1957 гг. М., 1960.

⁶⁰ *G. Kennan.* The Russian Revolution.—“Foreign Affairs”, 1967, October, p. 18.

⁶¹ *M. Wren.* The Course of Russian History. New York, 1958, p. 609.

после завоевания власти пролетариатом»⁶². Тем значительнее достигнутые успехи.

До Октябрьской революции крестьянство в массе своей влачило жалкое существование. Крестьяне должны были отдавать свыше 20 процентов своих доходов в качестве различных налогов и сборов. Ныне налоги с колхозников составляют лишь около 3 процентов их доходов. Выплаты и льготы колхозному крестьянству из общественных фондов, включая пенсии, пособия многодетным матерям, расходы на бесплатное обучение, медицинское обслуживание, увеличиваются с каждым годом. Колхозная демократия, обеспечивая участие колхозников в решении всех артельных дел, способствует расширению и подъему колхозного производства и повышению на этой основе благосостояния и культурного уровня жизни колхозников и всего народа. В 1971—1975 гг. на развитие сельского хозяйства выделяется государством и колхозами почти 129 млрд. руб. капитальных вложений⁶³.

Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству означал, как говорится в Программе КПСС, **«великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства»**⁶⁴. Опыт коллективизации в СССР прошел историческую проверку и творчески используется многими социалистическими странами с учетом особенностей и конкретных условий.

⁶² «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, стр. 14.

⁶³ «Правда», 25/ХІ 1971 г.

⁶⁴ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III. М., 1962 стр. 237.

Культурная революция, которая включает: «всеобщее распространение грамотности, а затем и научных знаний среди трудящихся, критическое освоение культурного наследия, накопленного человечеством, и создание более высокой культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию; изменение духовного облика людей, утверждение в сознании масс социалистической идеологии, создание новой интеллигенции, преданной делу социализма»⁶⁵, — является неразрывной составной частью строительства социализма.

Новый общественно-экономический строй, возникший в нашей стране в результате Октябрьской революции, впервые в истории открыл безграничные возможности для духовного роста всего населения. Культура действительно стала принадлежать народу.

Было бы напрасно рассчитывать, что этот вопрос освещен в зарубежной литературе, как он того заслуживает. Вначале (особенно в первые годы после революции) широко использовался миф о большевиках — «разрушителях культуры». До сих пор в реакционной литературе ликвидация класса буржуазии или, как выражаются антикоммунисты, «мученичество европеизированной высшей страты русского общества» изображается как причина общего культурного упадка страны, «серости», чуть ли не как уход в доисторические времена⁶⁶. Однако мероприятия по ликвидации неграмотности в стране, по подъему образования,

⁶⁵ «Основоположник научного коммунизма». Тезисы к 150-летию со дня рождения Карла Маркса. — «Коммунист», 1968, № 6, стр. 16.

⁶⁶ Например, *Th. von Laue. Why Lenin? Why Stalin?* p. 151.

успехи советской науки, искусства и культуры заставили многих буржуазных специалистов взглянуть на этот вопрос другими глазами.

Переломным моментом явилось открытие советскими учеными эры освоения космического пространства. В американских работах о СССР был поднят тогда вопрос о «советском вызове» и в области науки. В 1957 г. в США вышла книга Дж. Каунтса «Вызов советского образования», где говорилось о больших успехах СССР в области науки и культуры. Каунтс опроверг распространенную в буржуазной литературе идею, что поднятие культуры в СССР «подорвет» социалистический строй⁶⁷. Публикуя в 1958 г. свой сборник речей и статей о советском образовании, науке и технике, У. Бентон дал ему заголовок: «Это — вызов»⁶⁸.

Серьезность проблемы, ее жизненно важное значение для Соединенных Штатов сказались не только в усилении внимания к теме, но и в характере исследований. В них появляется аспект изучения советского опыта в явно практических целях. Так, в 1960 г. в США был опубликован доклад о советской школе, подготовленный американскими специалистами. В 1962 г. Н. Деуитт издал объемистый (свыше 800 страниц) том — «Образование и профессиональное использование в СССР», где он рассмотрел советскую систему образования на всех уровнях и сделал вывод об ее эффективности⁶⁹. В 1957 и 1965 гг. вышли из

⁶⁷ G. Counts. The Challenge of Soviet Education. New York, 1957.

⁶⁸ W. Benton. This is Challenge. New York, 1958.

⁶⁹ N. De Witt. Education and Professional Employment in the USSR. Washington, 1962.

печати книги А. Корола, дающие американскому читателю некоторое представление о масштабах постановки научно-исследовательской работы в Советском Союзе ⁷⁰.

Профессор Колумбийского университета Л. Грэхэм, написавший книгу о советской Академии наук, подчеркивал: «Советский Союз — первая страна, полностью признавшая науку важным национальным резервом, систематически выделяющая большую часть своего бюджета для содействия научным исследованиям и стремящаяся планировать процесс научного развития» ⁷¹.

Наряду с монографическими исследованиями в США публикуются сборники документов по советской системе образования, а также различные справочники по данному вопросу, даже сборники переводов советских работ, относящихся к проблеме образования.

Признание культурного сдвига, происшедшего за послереволюционные годы в СССР, содержится не только на страницах специальных трудов. В общем курсе истории СССР, вышедшем в 60-х годах, отмечается: «Образование играло особо важную роль в развитии Советского Союза. Рост просвещения был основной частью государственного планирования и сделал возможным потрясающий прогресс в области советской экономики и техники...» В книге сообщается далее о «широкой образовательной кампании», начатой в 20-х годах с целью ликвидации неграмотности, об орга-

⁷⁰ A. Korol. *Soviet Education for Science and Technology*. New York, 1957; A. Korol. *Soviet Research and Development*. Cambridge (Mass.), 1965.

⁷¹ "Survey", 1967, July, p. 61.

низации в СССР сети культурно-просветительных учреждений: библиотек, музеев, клубов, театров и т. д.⁷² Американский историк У. Мандель отмечал в книге «Переосмысленная Россия»: «В Москве ставят Шекспира чаще, чем в Лондоне, а Лопе де Вега — чаще, чем в Испании»⁷³.

Эти признания, конечно, не означают, что вся буржуазная наука неожиданно встала на путь объективного рассмотрения культурного прогресса СССР. Многие догмы, строившиеся на положении об «отсталости» СССР, были отброшены ввиду полного их банкротства. Но, говоря о переменах в области духовной жизни советских людей, буржуазные ученые, как правило, искаженно трактуют причины, их породившие, а также их социальный характер и смысл. В работах американских авторов проскальзывает мысль, что, собственно говоря, никакой культурной революции не произошло и что новая социалистическая культура — это почти что старая буржуазная культура, приспособленная к нуждам «тоталитарного общества».

Как очевидно, антикоммунисты стремятся затушевать грандиозность совершившегося культурного переворота в СССР. Уместно в этой связи напомнить, что в дореволюционной России две трети взрослого населения были неграмотными. Четыре пятых детей и подростков не получали школьного образования. В народном хозяйстве страны со 150-миллионным населением было занято всего 136 тыс. спе-

⁷² N. Riasanovsky. A History of Russia. New York, 1963, p. 624, 626.

⁷³ W. Mandel. Russia Re-examined. New York, 1964, p. 197.

циалистов с высшим образованием. В России в 1914 г. насчитывалось только 11,5 тыс. научных работников⁷⁴. Великая Октябрьская революция, уничтожившая систему экономического и политического угнетения, открыла путь к духовному обновлению общества, к созданию новой, коммунистической культуры.

Известно, что одним из первых мероприятий Советской власти была ликвидация неграмотности среди трудящихся. Коммунистическая партия, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, «что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»⁷⁵, развернула в невиданных масштабах культурно-просветительную работу. Всего за 20 лет (с 1920 по 1940 г.) в стране было обучено грамоте свыше 60 млн. взрослых⁷⁶. Из страны массовой неграмотности СССР превратился в страну высокой образованности и передовой культуры.

В настоящее время различными видами бесплатного обучения в нашей стране охвачены десятки миллионов людей. В 1966/67 учебном году в общеобразовательных школах страны обучалось 48 млн. человек, или в 5 раз больше, чем в 1914/15 учебном году, а в 5—10-х (11-х) классах — свыше 27 млн. человек, или в 44 раза больше, чем в дореволюционной России⁷⁷. Ныне из каждой тысячи рабочих

⁷⁴ М. П. Ким. Исторический опыт культурной революции в СССР. — «Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 110.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 315.

⁷⁶ В. А. Куманев. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967, стр. 299.

⁷⁷ «Страна Советов за 50 лет». Сб. статистических материалов. М., 1967, стр. 274.

более 550 имеют высшее и среднее образование. По данным на конец 1970 г., более половины сельского населения окончило среднюю или высшую школу.

За годы Советской власти число студентов в вузах и техникумах увеличилось почти в 50 раз. СССР занимает первое место в мире по численности студентов, первое место по подготовке инженерно-технических кадров. Только за прошедшее пятилетие в стране подготовлено более 7 млн. специалистов с высшим и средним образованием. За этот же период было открыто более 60 новых вузов, в том числе 9 университетов. Общее число научных работников в СССР, представляющих все отрасли современной науки и техники, в настоящее время составляет около 930 тыс.

Дискредитации опыта культурного строительства в СССР подчинена и идея о «тоталитарном» характере советской культуры, приведшей якобы к потере индивидом «свободы выбора» и «свободы творчества», к нивелировке самой культуры. Цель воспитания и образования в СССР, пишут буржуазные теоретики, заключается не в развитии и совершенствовании личности, а в создании своего рода робота. А. Мейер в статье «Через двадцать лет», опубликованной в сборнике «Будущее коммунистического общества», представлял коммунизм и коллективистский образ мышления как силы, чуждые свободе личности, свободе мысли, гуманизму, идее человеческого счастья и т. д.⁷⁸

В концепциях буржуазных советоведов

⁷⁸ "The Future of Communist Society". New York, 1962, p. 186.

смазывается коренная противоположность социалистической, подлинно народной культуры, созданной в ходе культурной революции, и так называемой массовой культуры капитализма. «...Культурную революцию, — утверждал А. Мейер, — можно рассматривать как путь к организации массовой идеологической пропаганды и как метод, с помощью которого Советская власть создает новый тип человека, приспособленного к жизни в индустриальном и коллективном обществе»⁷⁹. В антикоммунистической литературе извращается и положение науки в советском обществе. А. Вучинич в работе «Советская Академия наук» пишет о «систематическом тщательном контроле», в результате чего советский ученый «перестал быть ученым в подлинном смысле этого слова», наука потеряла независимость и т. д. Однако тот же Вучинич вынужден признать, что и наука окружена в СССР исключительной заботой. Академия наук СССР, писал он, «ведет исследования во всех областях систематизированного знания в широких масштабах, может быть широчайших в истории человечества, и ей оказывается колоссальная финансовая поддержка»⁸⁰.

Автор более поздней работы об Академии наук СССР Л. Грэхэм — в тисках тех же противоречий. С одной стороны, он пытается создать впечатление, что большевики будто бы «подавляли» науку и ученых, с другой — пишет, что «ни одно предшествующее правительство в истории не было настроено столь

⁷⁹ Ibid., p. 188.

⁸⁰ A. Vucinich. The Soviet Academy of Sciences. Stanford, 1956, p. 11, 19, 30, 45.

открыто и энергично в пользу науки»⁸¹. Столь же противоречивы домыслы А. Корола о «подавлении интеллектуальных аспектов» научно-исследовательской деятельности государственными органами СССР. Правда, Корол тут же подчеркивает, что «политическая и практическая деятельность советского государства является могучим стимулом научных усилий» и что в целом осуществлен значительный прогресс науки⁸².

Распространяемые некоторыми авторами рассуждения о «тормозящем» воздействии на науку марксистско-ленинской идеологии, будто бы превратившейся в «религиозную догму», вызывают возражения даже среди самих советоведов. Так, оценивая книгу А. Пэрри «Разделенный новый класс», отстаивающего этот взгляд, английский рецензент писал: если бы «философский догматизм» действительно контролировал советскую науку, «не существовало бы ни советской атомной бомбы, ни спутников, ни пр.»⁸³. Авторы вышедшего в конце 60-х годов в Нью-Йорке сборника «Наука и идеология в советском обществе» по существу выступают против мифа о противоречиях между советской наукой и коммунистической идеологией. Как отмечал в предисловии к сборнику Дж. Фишер, «вопреки взглядам многих авторов, пишущих о конфликте между наукой и советской идеологией, участники этого тома указывают на заслуживающие внимания эле-

⁸¹ *L. Graham. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927—1932. Princeton, 1967, p. 32—33.*

⁸² *A. Korol. Soviet Research and Development, p. 233.*

⁸³ “Canadian Slavic Studies”, 1967, Fall, vol. 1, N 3, p. 491.

менты гармонии между ними и даже взаимное укрепление... Советская наука в действительности содействовала упрочению советской системы и идеологии, а не ослабляла их»⁸⁴.

Разногласия в среде буржуазных идеологов не случайны. Ведь всему миру известны огромные достижения советской науки. Только за последние годы в СССР были созданы первоклассные автоматические линии и лазерная техника, новые типы электронно-вычислительных машин, открыты крупнейшие месторождения полезных ископаемых. Замечательные результаты получены с помощью космических автоматов: от первой мягкой посадки на Луну до создания таких совершенных систем, как «Луна-16», доставившая на Землю лунный грунт, и «Луна-17» с луноходом; от первых полетов к планете Венера до получения ценных научных данных непосредственно с ее поверхности и т. д.

Вопреки идейкам о тоталитарном характере культуры при социализме именно социалистический строй раскрепощает творческие силы народа. Социализм, уничтожая эксплуатацию человека человеком, уничтожает и господство эксплуататорской идеологии, превращает культуру из духовного оружия буржуазии в духовное оружие народа. В силу своей общественной природы социализм способствует повышению образовательного и культурного уровня людей, их интеллектуальному росту. Жизнь социалистического общества строится на основе максимального использования всех завоеваний науки и техники,

⁸⁴ "Science and Ideology in Soviet Society". Ed. by G. Fischer. New York, 1967, p. VIII, IX.

искусства, она создает все возможности для непрерывного прогресса культуры. Результатом развития этих процессов являются подъем культурного уровня населения нашей страны, рост его образованности и сознательности, успехи в ликвидации существенного различия между умственным и физическим трудом.

В процессе социалистического строительства была осуществлена ленинская программа по национальному вопросу, утвердилось социалистическое братство всех народов нашей страны. Марксизм-ленинизм указал единственно правильный путь решения национального вопроса: не обособление наций на основе буржуазного национализма, а их сближение на основе пролетарского, социалистического интернационализма. Преодолевая экономическую и культурную отсталость, национальную рознь, партия большевиков, Советская власть терпеливо и последовательно налаживали всестороннее сотрудничество народов, которые в декабре 1922 г. добровольно объединились в Союз Советских Социалистических Республик. **«Образование многонационального социалистического государства,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»,—выдающийся результат революционного творчества всех советских народов во главе с рабочим классом под руководством Коммунистической партии»⁸⁵.**

Против братской дружбы народов нашей страны, против принципа пролетарского интер-

⁸⁵ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года. М., 1972, стр. 9.

национализма в целом и направлена вся мощь империалистической пропаганды и обслуживающей ее антикоммунистической историографии. При этом, извращая историю решения национального вопроса в СССР, антикоммунисты стремятся подменить пролетарский интернационализм буржуазным национализмом, доказать, что коммунистическая идеология и в теории, и на практике превратилась-де в «рационализацию для национализма»⁸⁶.

В Соединенных Штатах издано большое число работ по национальному вопросу в СССР, защищены десятки магистерских и докторских диссертаций. О реакционной антисоветской направленности большинства работ говорят уже их заголовки: «Россия и ее колонии», «Советский русский национализм», «Россия в Центральной Азии», «Средняя Азия под русским управлением» и др.⁸⁷⁻⁸⁸ Следует подчеркнуть активную роль в инспирировании и поддержке такого рода литературы так называемым Исследовательским центром по Средней Азии.

В книге «Россия в Средней Азии» (с подзаголовком «Как действует советская колониальная политика и что она предвещает») некий М. Ривкин откровенно стремится поставить знак равенства между политикой равноправия в СССР и... колониальной политикой империалистических держав⁸⁹.

⁸⁶ *D. Cattell*. A Neo-Marxist Theory of Comparative analysis.—“Slavic Review”, 1967, December, p. 657.

⁸⁷⁻⁸⁸ Подробно об этом см. *И. С. Зенушкина*. Советская национальная политика и буржуазные историки. М., 1971.

⁸⁹ *M. Rywkin*. Russia in Central Asia. New York, 1963, p. 155.

Стремясь создать впечатление о розни между народами Советского Союза, противопоставить их по национальному либо по религиозному признаку, буржуазные ученые издают множество книг, исследующих в «нужном» свете данную проблему. Так, в работе «Советский русский национализм» Ф. Баргхорн прямо заявляет: Советский Союз — «империя подобно старой Российской империи». Оперировав высказываниями враждебных социализму деятелей, он пишет о «советско-русском национализме», о «новом советском колониализме» и т. д.⁹⁰

Истинные причины этих инсинуаций нетрудно понять. Идеологи буржуазии опасаются правды о расцвете прежде отсталых наций в СССР, роста престижа Советского Союза как поборника равноправия и дружбы народов, притягательной силы идей социализма. Поэтому они пытаются скомпрометировать Советский Союз с помощью псевдонаучных приемов. Характерно, что на одной из международных конференций советоведов, где обсуждались методы идеологических диверсий против развивающихся стран, высказывалось сожаление, что антисоветская пропаганда малоэффективна, поскольку в глазах народов СССР выступает как противник колониализма, а Запад «разочаровывает» своими проколониалистскими тенденциями⁹¹.

Особые усилия буржуазной историографии направлены на то, чтобы опровергнуть ленин-

⁹⁰ *F. Barghoorn. Soviet Russian Nationalism. New York, 1956, p. 28; W. Kolarz. Communism and Colonialism. New York, 1964; "Problems of Communism", 1967, September—October.*

⁹¹ "Osteuropa", 1963, Hf. 2—3, S. 153.

скую теорию самоопределения наций, доказать, что эта теория будто бы находится в противоречии с марксистскими положениями о диктатуре пролетариата и классовой солидарности трудящихся разных наций. Так, Р. Пайпс характеризует ленинскую идею самоопределения народов как «отход от марксизма»⁹².

Утверждения Пайпса не соответствуют действительности. Идея самоопределения народов не только не противоречит марксизму, но и является важным принципом марксистской теории по национальному вопросу. В работе «О праве наций на самоопределение», написанной в 1914 г., В. И. Ленин, напомнив о борьбе Маркса за признание независимости Польши и Ирландии, писал: «Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой *английской* реакции и буржуазии»⁹³.

Основоположники научного коммунизма разработали основные принципы политики рабочего класса по национальному вопросу, а именно политики пролетарского интернационализма. Пролетариат преследует цели социалистические, а не националистические, он не обособляет народы друг от друга, а, давая им свободу и равенство, создает почву для их добровольного и тесного сближения и сотрудничества. Как подчеркивал Ф. Энгельс, «национальная независимость... является основой

⁹² R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Cambridge (Mass.), 1954, p. 41, 49.

⁹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 307.

для всякого интернационального сотрудничества»⁹⁴. Поэтому одной из задач политики пролетарского интернационализма является борьба против национального гнета, защита свободы и равенства наций. «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы»⁹⁵; «народ, порабащивающий другой народ, кует свои собственные цепи»⁹⁶.

Творчески развивая взгляды Маркса и Энгельса, В. И. Ленин разработал теорию, политику и программу большевистской партии по национальному вопросу. Он поставил задачу ликвидации не только правового, но и фактического неравенства народов⁹⁷.

Неверны и утверждения Пайпса о том, что идея самоопределения наций была-де лишь тактическим приемом, рассчитанным на завоевание национальных окраин⁹⁸. Хорошо известно, что исторической миссией диктатуры пролетариата являются именно уничтожение национального угнетения и создание взаимоотношений народов на основе признания их суверенитета и равноправия. Как справедливо отмечается в книге советского специалиста по данной проблеме С. И. Якубовской, противопоставлять идею самоопределения народов диктатуре пролетариата означает противопоставлять часть целому, разрывать органическую связь, существующую между ними. Неправомерны утверждения антикоммунистов и

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 221.

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 509.

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 438.

⁹⁷ Подробнее см. И. И. Грошев. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967.

⁹⁸ R. Pipes. Op. cit., p. 49.

о «противоречиях» между идеей самоопределения народов и идеей классовой солидарности пролетариев разных наций, идеей пролетарского интернационализма. Марксисты всегда открыто выступали за классовую солидарность трудящихся всех наций, их знаменем всегда было знамя пролетарского интернационализма⁹⁹.

Исторический опыт Советского Союза показал, что Коммунистическая партия и Советская власть последовательно осуществили ленинскую идею самоопределения народов и именно на этой основе достигнута ликвидация национального гнета, неравноправия и межнациональной вражды, возникла и укрепилась дружба социалистических наций СССР.

Обращаясь к проблеме образования советского союзного государства, буржуазные авторы проводят националистический тезис о «насильственной советизации». История образования советского союзного государства изображается ими не как результат добровольного волеизъявления народов, а как интеграция «завоеванных» в ходе гражданской войны территорий. Следует подчеркнуть, что идея о «завоевании» присуща практически всей антикоммунистической литературе, какого бы аспекта внутренней или внешней политики социалистических стран она ни касалась. Буржуазные ученые стремятся представить процесс распространения коммунистической идеологии среди трудящихся, строительства социализма и коммунизма, создания мировой социалистической системы как серию «завое-

⁹⁹ С. И. Якубовская. Строительство союзного Советского социалистического государства. 1922—1925 гг. М., 1960, стр. 58—59.

ваний» (в прямом смысле этого слова) «коммунистической элитой» своего и других народов.

Наиболее последовательно тезис о «завоевании» проводится в упомянутой работе Р. Пайпса. Во второй главе ее «1917 год и распад Российской империи» Пайпс писал: в начальный период коммунистического правления никто не знал, как будет вести себя новый режим по отношению к малым народам. «Но уже скоро стало ясно, что Советское правительство не имело намерения уважать принцип национального самоопределения и что для распространения своей власти оно было склонно использовать социальные силы, чуждые интересам нацменьшинств»¹⁰⁰.

Все это противоречит известным фактам. В опубликованной в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России» провозглашались равенство и суверенность народов России, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп; одновременно отменялись все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии. Эти принципы были воплощены в законодательных актах Советского правительства¹⁰¹. Они были положены в основу первой Советской Конституции, принятой V съездом Советов РСФСР в 1918 г., Конституций Союза ССР 1924 и 1936 гг. и конституций всех союзных республик. Подчеркивая огромное принципиальное значение первых актов Советской власти в области нацио-

¹⁰⁰ R. Pipes. Op. cit., p. 53.

¹⁰¹ Л. В. Метелица, Э. В. Тадевосян. Ленинские принципы решения национального вопроса и их осуществление в СССР.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 11, стр. 50.

нальной политики, X съезд партии отмечал, что они «перевернули отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвали старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнет и завоевали русским рабочим доверие их инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело»¹⁰².

Искаженно трактуя политику Советского правительства, Пайпс в то же время игнорирует борьбу национальностей бывшей Российской империи за установление Советской власти. Его взгляды и выводы противоречивы. Пайпс писал, например: «Конфликт между большевиками и националистами, который возник во всех пограничных районах после Октябрьской революции в результате подавления политических институтов националистов, вероятно, привел бы к длительному разрыву...» Почему же это не произошло? Оказывается, виноваты... «лидеры белого движения, которые фактически толкнули националистов в объятия большевиков»¹⁰³⁻¹⁰⁴.

Продолжая свою пронационалистическую линию, Пайпс заявляет, что Октябрьская революция будто бы принесла народам не ликвидацию национального и социального гнета, а «новую и гораздо более тяжелую форму национального угнетения... — пролетарский колониализм» (sic! — Б. М.)¹⁰⁵.

В пылу «разоблачений» Пайпс договари-

¹⁰² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. 1917—1924. М., 1970, стр. 249.

¹⁰³⁻¹⁰⁴ R. Pipes. Op. cit., p. 283, 149.

¹⁰⁵ Ibid., p. 191.

вается до логического абсурда. С позиций Пайпса образование Союза Советских Социалистических Республик якобы представляет некий «компромисс между марксизмом и национализмом», «компромисс между доктриной и действительностью». Для него создание советского союзного государства — это «попытка примирить стремление большевиков к абсолютному единству, к концентрации всей власти в руках партии с признанием того эмпирического факта, что национализм пережил крушение старого порядка»¹⁰⁶. Где же здесь логика? Вспомним, что выше у Пайпса речь шла не о «компромиссе», а о «завоевании», полном подчинении нерусских национальностей!

В книге Р. Пайпса (переизданной в 1964 и 1968 гг.) изложено кредо американского советоведения по национальному вопросу в СССР. Те же тезисы в различных вариантах фигурируют в других работах по различным аспектам темы. Так, политолог из Оттавы Т. Роковска-Хармстон утверждает вслед за Пайпсом, что установление советского строя на национальных окраинах было достигнуто с помощью «военной акции русских в значительной степени против желания местного населения», которое-де «в большинстве было враждебно новой власти». Этим утверждениям противоречат реальные факты, которые Роковска-Хармстон вынуждена приводить в своей книге. Говоря, например, о первых действиях Советской власти в Таджикистане, она признает, что Таджикистан стал «частью общей динамики советской политической и экономической трансформации», что он «проде-

¹⁰⁶ Ibid., p. 285.

монстрировал бросающееся в глаза экономическое развитие», «улучшение здравоохранения», прогресс образования¹⁰⁷. Буржуазный автор, как очевидно, не в состоянии свести концы с концами.

Работы по национальному вопросу, написанные эмигрантами-националистами, отличаются особым националистическим пылом. Характерна в этом отношении книга О. Пидгайного «Создание Украинской республики в первую мировую войну. 1917—1918 гг.» (докторская диссертация, защищенная в 1965 г. в университете Макджил и изданная в том же году в Торонто), представляющая неприкрытую апологию украинского буржуазного национализма, в частности пресловутой украинской Центральной рады. Столь явные националистические «загибы» иногда вызывают ироническое отношение со стороны американских советоведов, предпочитающих придерживаться более «сбалансированного» тона. Рецензируя книгу Пидгайного, А. Адамс рекомендовал последнему не забывать, что Рада получила власть в «результате германской поддержки и была в сущности марионеточным правительством»¹⁰⁸.

Однако работа самого Адамса о гражданской войне на Украине пронизана теми же пронационалистическими идейками, правда тщательно маскируемыми¹⁰⁹. В работе «Тюркизм и Советы» Ч. Хостлер с сожалением писал об ослаблении религиозных и национа-

¹⁰⁷ *T. Rokowska-Harmstone. Russia and Nationalism in Central Asia. Baltimore, 1970, p. 32—33, 47, 53, 63—64.*

¹⁰⁸ *"American Historical Review", 1967, July, p. 1452.*

¹⁰⁹ *A. Adams. Bolsheviks in the Ukraine. New Haven, 1963.*

листических пережитков у «тюркских народов» за годы Советской власти ¹¹⁰.

Антинаучные концепции буржуазного советоведения явно связаны с официальной пропагандой. Национализм ныне выступает как активное оружие империализма. Тезис о «насильственном захвате» — лейтмотив антикоммунистической идеологической кампании. Но все искажения не могут скрыть очевидного факта, что народы нашей страны добровольно объединились в союз для строительства социализма и коммунизма и совместной защиты от империалистической агрессии.

Как показано в исследованиях советских ученых, Советская власть в национальных районах утверждалась на основе союза рабочего класса и трудового крестьянства, а вхождение их в состав СССР было результатом свободно выраженной воли этих народов. Передовые силы пролетариата и беднейшего крестьянства коренного населения с помощью русского пролетариата, под руководством большевиков преодолели все трудности борьбы с буржуазным национализмом и твердо встали на путь Советов. Приводимые советскими исследователями факты убедительно говорят о добровольном вступлении представителей коренного населения в ряды Красной Армии, об их активном участии в подавлении контрреволюционных, националистических мятежей ¹¹¹.

Пытаясь исказить принципы братской дружбы, лежащей в основе взаимоотношений

¹¹⁰ *Ch. Hostler. Turkism and the Soviets, p. 195—198.*

¹¹¹ См. работы К. Слуцкой, А. Г. Зимы, Г. А. Галояна, Н. Б. Махарадзе, Х. Ш. Иноятова, А. В. Лихолата и др.

народов нашей страны, антикоммунисты всячески муслируют лживые тезисы о «московском контроле», о «насильственной русификации» и тому подобный вздор. Советская федерация, заявлял Г. Ходнетт (Колумбийский университет), — просто «узаконивающее прикрытие для московского управления окраинами»¹¹². Р. Пайпс изображал процесс сближения социалистических наций как продолжение царской политики «русификации всех этнических групп»¹¹³. Я. Билинский выдвинул обвинения в «русификаторской» политике центра по отношению к Украине, хотя под давлением фактов признал быстрый промышленный рост Украинской республики и подъем уровня жизни ее населения¹¹⁴.

Действительные факты опровергают измышления антикоммунистов о взаимоотношениях народов СССР. Вслед за уничтожением антагонизма классов в нашей стране был уничтожен и антагонизм между нациями. Братская дружба народов — таков результат осуществления ленинской национальной политики. СССР — союз суверенных государств, каждое из которых пользуется равными правами с другими. Добровольность объединения гарантирована Конституцией, предоставляющей каждой республике право свободного выхода из состава Союза ССР.

Национальная политика КПСС и Советского правительства, пронизанная пролетар-

¹¹² "Soviet Studies", 1967, April, p. 459.

¹¹³ "Problems of Communism", 1964, vol. XIII, N 1, p. 4.

¹¹⁴ J. Bilinsky. The Second Soviet Republic. New Brunswick, 1964. A. Bilmanis. A History of Latvia. Princeton, 1970.

ским интернационализмом, всегда обеспечивала строжайшее соблюдение принципов равноправия наций, непримиримость к шовинизму и реакционному национализму и подлинное национальное и социальное освобождение народов, расцвет их экономики и культуры.

Как отмечается в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС: «В истекшие годы под руководством партии были сделаны новые шаги по пути всестороннего развития каждой из братских советских республик, по пути дальнейшего постепенного сближения наций и народностей нашей страны. Это сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей, развития социалистических национальных культур. Постоянный учет как общих интересов всего нашего Союза, так и интересов каждой из образующих его республик — такова суть политики партии в этом вопросе»¹¹⁵. В Программе КПСС подчеркивается, что в СССР «все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму»¹¹⁶.

За годы Советской власти национальные республики СССР добились выдающихся успехов в развитии своего народного хозяйства. С 1913 по 1940 г. объем валовой продукции

¹¹⁵ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 93.

¹¹⁶ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III, стр. 312.

крупной промышленности увеличился по СССР в среднем в 12 раз, тогда как по Армянской ССР — в 22,6, Киргизской ССР — в 153, Таджикской ССР — в 277 раз¹¹⁷. По сравнению с 1913 г. валовая продукция всей промышленности СССР в 1970 г. выросла в 92 раза, а Армянской ССР — в 184, Киргизской ССР — в 188, Казахской ССР — в 146, Молдавской ССР — в 146 раз¹¹⁸.

Расцвела национальная культура народов СССР. По уровню высшего образования советская Средняя Азия, например, превзошла ряд стран Западной Европы и Америки. Узбекская ССР по числу учащихся в вузах и техникумах на 10 тыс. жителей опередила США, Англию и Францию; миллионными тиражами издаются газеты, журналы и книги на языках народов СССР. Если при царизме многие народы России не имели своих специалистов с высшим образованием (узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены и др.), то в настоящее время в числе таких специалистов представлены все национальности.

Где и когда идеологи антикоммунизма видели подобную «колониальную империю»? Разве колонии империалистических держав сравнивались по своему экономическому развитию и уровню жизни с метрополией? Закономерностью национальной политики социалистического государства является всемерная помощь — экономическая и культурная — от-

¹¹⁷ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. III. М., 1956, стр. 498.

¹¹⁸ «Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник». М., 1971, стр. 138; «Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве». М., 1971.

сталым районам. Закономерностью колониалистской политики империализма являются грабеж и эксплуатация отсталых стран. Такова цена разговорам о «коммунистическом колониализме», которыми идеологи антикоммунизма стремятся прикрыть неоколониалистский курс США.

Очевидный социальный, экономический и культурный прогресс национальных республик СССР заставляет даже некоторых буржуазных авторов делать знаменательные признания. Так, в вышедшей в конце 60-х годов в Нью-Йорке книге «Советский Средний Восток. Коммунистическая модель развития» отмечается исключительно быстрое экономическое и социальное развитие прежде отсталых окраин. Авторы признают неправомерность обвинения СССР в «колониализме» и «колониальной эксплуатации», подчеркивая, что национальные республики получают из центра финансовую и техническую помощь¹¹⁹.

Характерны выводы, сделанные в опубликованной в 1970 г. работе Д. Лэнга об одной из советских республик — Армении. Автор пишет, что «социальная и экономическая жизнь Советской Армении продемонстрировала большие успехи... Дореволюционная Армения была аграрной страной со слабо развитой промышленностью... Ныне каждый посетивший Ереван, Ленинакан и другие города Советской Армении не может не обратить внимание на кипучую атмосферу, активный темп постоянно растущего строительства промышленных предприятий и жилых домов». Д. Лэнг

¹¹⁹ A. Nove, J. Newth. Soviet Middle East: A Communist Model for Development. New York, 1967, p. 42—44.

пишет далее о прогрессе науки и техники, о расцвете культуры в республике ^{119a}.

«Октябрьская революция, строительство социализма,— говорится в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Октября,— разбудили и подняли к самостоятельному историческому творчеству отсталые в прошлом народы, а некоторые из них были спасены от физического вымирания. В ходе строительства социализма они обрели собственную государственность, ликвидировали свою экономическую и культурную отсталость, приобщились к высшим, социалистическим формам хозяйства и культуры» ¹²⁰.

Прочность советского социалистического строя, его способность преодолевать все трудности, выходить с честью из самых тяжелых испытаний всегда в центре внимания буржуазных советологов, о чем бы они ни писали, каких бы конкретных тем истории СССР ни касались. Существует известная историческая закономерность в столь целенаправленной фиксации внимания. Международный империализм неоднократно испытывал «на прочность» советский строй, прибегал к самым разнообразным мерам—военным, экономическим, идеологическим — и неизменно терпел крах. Все происки империализма оказывались неэффективными перед преимуществами социалистической системы, силой советского патриотизма, морально-политическим единством нашего общества. Однако поиски ахиллесовой пяты советского общества не прекращаются.

^{119a} *D. Lang. Armenia. Cradle of Civilization. London, 1970, p. 289—292.*

¹²⁰ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, стр. 16.

Потерпев поражение во «фронтальной» атаке на завоевания трудящихся нашей страны, антикоммунисты все больше надежд возлагают на идеологическую диверсию, на подрыв монолитного единства социалистического общества изнутри.

«Запад понимает,—писал З. Бжезинский,— что ему не удастся путем прямой политической акции уничтожить политические режимы в Восточной Европе», «демонтировать существующую социально-политическую организацию коммунистических государств». «Вместо того чтобы ожидать краха коммунистических режимов, Соединенные Штаты будут отныне делать ставку на поддержку эволюционных изменений внутри этих государств и внутри блока в целом»¹²¹.

В историографии новая тактика империализма нашла свое выражение в выдвигании теории «эрозии» социализма.

Теория «эрозии» — прежде всего свидетельство идейной нищеты антикоммунизма. Фактически она представляет собой перепев старой легенды врагов Советской власти о перерождении советского строя. В свое время ее развивали меньшевики и троцкисты. В 1925 г. социолог П. Сорокин выдвинул положение о «перерождении» Октябрьской революции как некий общий закон перерождения («термидора») любой революции¹²².

Идее «перерождения» сопутствовал тезис о «ревизии марксизма в СССР». Б. Вольф в книге «Марксизм. Сто лет в жизни доктрины»

¹²¹ Z. Brzezinski. *Alternative to Partition*. New York, 1965, p. VII, 118; "Foreign Affairs", 1966, July, p. 663.

¹²² P. Sorokin. *The Sociology of Revolution*. Philadelphia, 1925, p. 7.

утверждал, что вообще не существовало последовательной марксистской теории как руководства революционной практикой. Он силился представить творческое развитие марксизма марксистами-ленинцами как бесконечную «ревизию» наследия великих учителей пролетариата¹²³. У. Чемберлин договорился до того, что сам успех строительства социализма в СССР зависел-де от пересмотра «традиционных коммунистических доктрин», т. е. марксизма¹²⁴.

Троцкистский тезис о «ревизии» марксизма и общем «перерождении» Советской власти, используемый современными «левыми» ревизионистами, широко применяется буржуазными учеными при трактовке истории советского общества. Его использует Р. Дэниелс, пытаясь на этой основе отыскать в советском обществе какое-то противоречие между марксистской программой и идеалами и реальной действительностью. Вслед за П. Сорокиным Дэниелс повторяет, что перерождение-де — это закономерность любой революции¹²⁵. О. Наркевич утверждает, что большевики-де смогли удержать власть, лишь «отступив от своих идеалов»¹²⁶. В последние годы в рядах антикоммунистов участились призывы акцентировать

¹²³ *B. Wolffe*. *Marxism. One Hundred Years in the Life of a Doctrine*. New York, 1965; *Z. Jordan*. *The Evolution of Dialectical Materialism*. New York, 1967; "Fifty Years of Communism in Russia". The Pennsylvania State University, 1968.

¹²⁴ "Russian Review", 1958, vol. 17, N 1, p. 3; "Soviet Studies", 1966, January, p. 276.

¹²⁵ *R. Daniels*. *Red October. The Bolshevick Revolution*. New York, 1967, p. 225.

¹²⁶ *O. Narkiewicz*. *The Making of the Soviet State Apparatus*. Manchester, 1970, p. 202.

внимание на «эволюции» (трактуемой как «перерождение») внутри социалистической системы¹²⁷.

Это, как уже приходилось замечать, не первая попытка идеологов буржуазии противопоставить ленинизм марксизму, а творческое развитие теоретического наследия Маркса и Энгельса выдать за его ревизию. Но фальшивка не станет истиной даже при многократном повторении.

«Ленинизм,— говорится в тезисах к 150-летию со дня рождения Карла Маркса,— новый, высший этап марксизма, творческое его развитие в новых исторических условиях, в условиях империализма и пролетарских революций, перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму. В ленинизме отразилась преемственность теории и практики пролетарской революционной борьбы. То новое, что Ленин внес в марксизм, основывалось на существе и методе учения Маркса и Энгельса. Ленин был непримирим в борьбе с буржуазными идеологами и ревизионистами, пытавшимися выхолостить революционную сущность марксизма под флагом его улучшения, под видом преодоления устаревших положений. Но Ленин решительно восставал и против догматического отношения к марксистской теории. Творческий подход к учению Маркса позволил ему всесторонне развить и обогатить теорию, стратегию и тактику революционной борьбы»¹²⁸.

Очевидность заставляет и отдельных буржуазных авторов делать характерные призна-

¹²⁷ Например, *G. Cross. Communism Divided.*— "Russian Review", 1969, July.

¹²⁸ «Коммунист», 1968, № 6, стр. 13.

ния. Так, сотрудник университета Дж. Кэррола (Огайо) Дж. Хэмпш писал в книге «Введение в теорию коммунизма»: «Ленинизм и современная идеология, распространенная в Советском Союзе и в коммунистическом мире, в своей основе марксистские». Хэмпш подчеркивал: «...большевики... оставались верными идее, которую они определяли как «творческое развитие» марксистской теории». Теория империализма Ленина, писал Хэмпш, представляет собой вполне закономерное развитие идей Маркса ¹²⁹.

В соответствии с догмами теории «конвергенции», как уже отмечалось, некоторые советологи стремятся изобразить процесс научного и культурного роста в СССР тоже как процесс идеологической «эрозии», «перерождения», «обуржуазивания» советского общества ¹³⁰. Согласно точке зрения буржуазных советологов, духовная природа человека неизменна, советское же общество якобы представляет собой лишь вариант «индустриального общества»; поэтому по мере прогресса науки и техники, в результате роста образовательного уровня в обществе в сознании людей возрастает индивидуализм, распространяется «западный образ мышления», которые в конце концов вытесняют принципы социалистической идеологии ¹³¹. Как писал С. Блэк в статье «Марксизм и модернизация», новое

¹²⁹ G. Hampsch. The Theory of Communism. An Introduction. New York, 1965, p. 231.

¹³⁰ Например, A. Parry. The New Class Divided. New York, 1966.

¹³¹ M. Hindus. The Kremlin's Human Dilemma. New York, 1967.

поколение советских людей «больше думает о модернизации, чем об идеологии»¹³².

3. Бжезинский в связи с этим возлагал большие надежды на идеологическую диверсию, осуществляемую империализмом против социалистических стран. По его словам, идеологическое единство советского общества может быть поставлено под угрозу «в силу либо проникновения чуждых концепций, либо релятивизации идеологии вследствие того, что в различных коммунистических государствах она толкуется по-разному»¹³³. «Конец идеологии в коммунистическом мире не за горами», — провозглашается в коллективной работе американских антикоммунистов¹³⁴.

Факты самым решительным образом отвергают эти домыслы. Действительно, за годы Советской власти, как отмечалось выше, число людей, обучающихся в средних и высших учебных заведениях, возросло у нас в десятки раз. Но этот невиданный рост образовательного и культурного уровня советских граждан неразрывно связан с их коммунистическим воспитанием, с усилением коммунистической сознательности. Никакая «интеллектуализация» не ведет и не может вести в условиях социализма к идеологическому перерождению, что, конечно, не исключает необходимости борьбы против буржуазной идеологии. И в годы жестоких испытаний, и ныне, когда количество и качество материальных и духовных благ

¹³² C. Black. *Marxism and Modernization*. — "Slavic Review", 1970, June, p. 186.

¹³³ Z. Brzezinski. *Ideology and Power in Soviet Politics*. London, 1962, p. 92.

¹³⁴ "Marxist Ideology in the Contemporary World". Ed. by M. Drachkovich. New York, 1966, p. 112.

для всех членов общества неизмеримо возросло, рабочие, крестьяне, интеллигенция Советского Союза проявили и проявляют свою непоколебимую преданность социалистическому строю и марксистско-ленинской идеологии.

Стремясь как-то обосновать теорию «сближения» социализма с капитализмом, буржуазные идеологи ухитрились даже экономическую реформу, осуществляемую в нашей стране с целью повышения эффективности социалистического производства, изобразить как возврат к «естественным» капиталистическим порядкам. На самом деле экономическая реформа в СССР расширяет возможности научно обоснованного использования законов социализма, способствует развитию и совершенствованию производственных отношений социализма, более полному выражению социалистического принципа «от каждого — по способностям, каждому — по труду».

У советских людей нет никакой необходимости переделывать свою экономику, свой общественно-политический строй на капиталистический лад, к чему призывают их апологеты капитализма. Это понимают более трезво мыслящие буржуазные ученые. Как подчеркивал Ф. Шуман: «Вопрос о том, может ли «работать! такая (советская.— Б. М.) система, удовлетворяя потребности, уже давно решен. На сегодня (и насколько можно предвидеть, на бесконечное будущее) советская система общественного производства функционирует и будет функционировать великолепно...»¹³⁵ При всей своей радикальности советская экономическая реформа вовсе «не означает на-

¹³⁵ F. Schuman. Op. cit., p. 332.

ступление капитализма», — отмечал М. Голдман ¹³⁶.

Теория «конвергенции», писал А. Гручи, игнорирует «основные идеологические различия» двух систем, которые «не показывают никаких признаков исчезновения». Гручи считает бесперспективными надежды приверженцев «конвергенции» на ликвидацию руководящей роли Коммунистической партии в советском обществе. Он признает, далее, что в советской экономике будет и впредь сохраняться принцип общественной собственности в противовес частнособственническому характеру американской экономики. «В настоящее время, — резюмировал Гручи, — не существует никакой перспективы окончательного слияния двух экономических систем с их противоположными в своей основе идеологиями» ¹³⁷.

Теория и практика со всей очевидностью показывают, что жизнь общества складывается совершенно по-разному в зависимости от его социально-экономической структуры, прежде всего от господствующих в нем систем собственности. Какое может быть «растущее сходство» между социализмом и капитализмом, если в социалистических странах существует общественная, а в капиталистических частная собственность на орудия и средства производства, если в социалистических странах власть принадлежит народу во главе с рабочим классом, а в капиталистических — монополистической буржуазии, если в капиталистических странах возрастает социально-экономическое неравенство, а при социализме

¹³⁶ "Foreign Affairs" 1967, Januray, p. 331.

¹³⁷ A. Gruchy. Op. cit., p. 890.

происходит всестороннее выравнивание условий жизни населения на основе подъема материального и культурного уровня.

Известно, что в США около 60 процентов национального богатства сосредоточено в руках одного процента населения, в то время как на долю 87 процентов населения приходится лишь восемь процентов богатства страны. Одна седьмая американских «верхних слоев» присваивает более половины национального дохода — более чем остальные 90 процентов населения.

Фиксируя внимание на мифических «эрозийных силах», идеологи буржуазии вместе с тем в превратном виде изображают развитие социалистической государственности и демократии. Известно, что народовластие в нашей стране находит свое выражение прежде всего в Советах — органах народного представительства, сочетающих в себе черты государственных и общественных организаций. Сила советского социалистического государства заключается в широте его социальной базы.

Буржуазная историография стремится в связи с этим опорочить принципы и формы социалистической демократии. Советы, заявляет Т. фон Лауэ, вовсе «не выражают волю народа», они «простые приводные ремни для передачи воли... из центра». Фон Лауэ, правда, отмечает мимоходом, что первоначально диктатура пролетариата представляла собой «истинно демократический режим для преобладающего большинства населения империи». Но тут же следуют инсинуации о «коммунистической диктатуре», которая-де «подавила свободу и социальную энергию, высвобожден-

ную революцией»¹³⁸. О. Паркевич со своей стороны стремится внушить мысль об «авторитарном характере» советской системы¹³⁹. А собравшиеся в 1967 г. в Гарварде антикоммунисты объявили Советский Союз... «централизованной деспотической державой»¹⁴⁰. В соответствии с выдвигаемой ими «тоталитарной моделью» антикоммунисты пытаются представить новый социально-общественный строй, являющийся демократией высшего типа, как тоталитарный режим.

Антинаучность отождествления тоталитаризма с социализмом очевидна. Концепция «тоталитаризма» игнорирует коренное отличие сущности и роли государства в капиталистической и социалистической общественно-экономических формациях. Совершенно ясна неправомерность сравнения крайних форм диктатуры империалистической буржуазии, монополизировавшей власть и с помощью гипертрофированного аппарата насилия держащей народные массы в экономическом и политическом подчинении, и социалистического строя, представляющего власть народа в интересах народа. Само понятие «доведенная до крайней степени власть государства» применительно

¹³⁸ *Th. von Laue*. Why Lenin? Why Stalin?, p. 146, 147, 153, 185, 186, 194; *E. Walter*. Terror and Society, vol. I. New York, 1969; *J. Charnock*. Red Revolutionary. New York, 1970, p. 131.

¹³⁹ *O. Narkiewicz*. Op. cit., p. 202; также: *A. Dallin*, *G. Breslauer*. Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970; *T. Rigby*. Communist Party Membership in the USSR. 1917—1967. Princeton, 1968.

¹⁴⁰ "Revolutionary Russia". Ed. by R. Pipes, 1968. Критику утверждений буржуазных советологов об «антидемократизме» советской системы см. *М. Н. Перфильев*. Советская демократия и буржуазная «советология». М., 1971.

к советской социалистической системе представляет собой и логическую, и фактическую бессмыслицу. «Тоталитаризм» и всестороннее развертывание и совершенствование демократии, являющееся характерной чертой развития советского общества и государственного строя, несовместимые понятия. Где и когда буржуазные ученые наблюдали «тоталитарное государство», которое стремилось бы создать такие условия общественной жизни, при которых само государство станет ненужным и полностью отомрет? Сама постановка такой задачи свидетельствует об алогичности применения тоталитарной мерки к советскому обществу.

Развитие исторического процесса показывает, что если закономерностью социализма является все большая и неуклонная демократизация общественной жизни, то результат эволюции буржуазной политической системы — все большее устремление к антидемократизму и реакционности. Антидемократические, тоталитарные тенденции проявляются в покушении на гражданские права и свободы, в преследовании и запрещении коммунистических партий, в расистских эксцессах, в расправах с прогрессивными деятелями, активизации фашистских и профашистских организаций. Эти процессы проявляются в Греции, Испании, Португалии, Индонезии, некоторых странах Латинской Америки, в самих США. Антидемократизм и тоталитаризм — явления, порожденные антагонизмами капиталистической системы, и попытки приписать их социализму совершенно неправомерны.

Демократизм заложен в самой природе социализма, обусловлен его экономическим строем — ликвидацией частной собственности

на средства производства. Социалистическая собственность, раскрепощение труда — основные условия истинной свободы личности.

«Пролетарская демократия, — писал В. И. Ленин, — в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»¹⁴¹. Впервые в истории не на словах, а на деле широким массам народа был обеспечен фактический доступ к управлению государством. Полная победа социализма значительно расширила социальную базу Советского государства, которое из государства диктатуры пролетариата превратилось в политическую организацию всего народа при руководящей роли рабочего класса.

В социалистическом государстве верховная власть осуществляется представителями трудового народа, им выбранными и сменяемыми. Советский народ организуется в государство посредством Советов и главным образом через них осуществляет свой суверенитет. Только за последние годы в составе депутатов местных Советов прошли школу государственной деятельности миллионы людей.

Все взрослое население СССР без каких-либо изъятий и ограничений обладает свободой волеизъявления, которая обеспечивается многими материальными, политическими и организационными гарантиями, в частности тем, что руководство организацией и проведением выборов осуществляется самими избирателями. Участие в выборах дает советским людям возможность активно воздействовать на ра-

¹⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 257.

боту государственных органов, контролировать их. В советском обществе получили широкое развитие различные формы непосредственной демократии: всенародные обсуждения, народные собрания, отраслевые совещания и др.

Таковы факты, противостоящие надуманной схеме «насилия» государства над личностью в СССР. Поскольку народ является подлинным хозяином страны, личность относится к социалистическому государству как к своей организации, поставленной на службу интересов всего общества и каждой личности в отдельности. Подлинно гуманистическая природа социализма, неразрывное единство гуманизма с социализмом, коммунизмом проявляются в первую очередь в том, что впервые утверждена общественная система, в которой забота о человеке стала высшим законом.

Советский народ отвергает непрошенные советы буржуазных идеологов относительно «улучшения» советской социалистической демократии. Как подчеркнул в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Л. И. Брежнев, «смысл и содержание социалистической демократии мы видим в участии все более широких масс в управлении страной, общественными делами. Вся политическая система общества, постоянно растущая инициатива трудящихся поставлены у нас на службу строительству коммунизма. Такая демократия — это для нас жизненная потребность, необходимое условие развития и укрепления социалистических общественных отношений»¹⁴².

¹⁴² Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 101.

IV Решающая роль Советского Союза во второй мировой войне и буржуазная историография

В годы второй мировой войны ряд американских буржуазных историков с известной объективностью оценили военные усилия Советского Союза. В вышедшей в 1944 г. книге Фостера Ри Даллеса «Дорога в Тегеран» подчеркивалось, например, что «советские армии наглядно для всех разрушили миф о непобедимости Германии и возродили среди народов Объединенных Наций веру в конечную победу»¹. Д. Вернадский в книге, также изданной в 1944 г., отмечал, что благодаря героической борьбе советского народа английские города избежали «разрушающих бомбардировок... Простые англичане не могли не чувствовать благодарности к русским»².

Вместе с тем уже в годы войны и сразу же после ее окончания в американской историографии проявилась и другая тенденция: стремление преуменьшить значение вооруженной

¹ *F. R. Dulles. The Road to Teheran. New York, 1944, p. 241.*

² *G. Vernadsky. A. History of Russia. New Haven, 1944. London, 1946, p. 462—463, 470.*

борьбы Советской Армии против гитлеровской Германии. Так, Ф. Миллер, Р. Шэгг, Г. Деурд и другие, рассматривая события на советско-германском фронте, фактически не касались их влияния на общий ход второй мировой войны. В то же время они преувеличивали результаты боевых операций американско-английских войск на различных театрах военных действий (в Северной Африке, Италии, Франции), эффективность бомбардировок Германии англо-американской авиацией и т. д.³

Тенденция к необъективной оценке роли СССР в борьбе против фашистской Германии значительно усилилась в послевоенный период, заняв господствующее положение в буржуазной историографии. В эти годы замалчивание борьбы советского народа против захватчиков и, с другой стороны, преувеличение достижений американских вооруженных сил стали почти обязательными. Р. Пэйн, например, оценивая стратегию союзников, обходил полным молчанием действия Советской Армии⁴, Л. Браун приписывал разгром Германии «мощи американских моторизованных колонн»⁵ и т. д.

В период «холодной войны» в американской исторической литературе была сформулирована концепция, фактически отрицающая решающую роль СССР во второй мировой войне и отводящая эту роль США. Сторонники этой концепции явно пытались не замечать, что

³ F. Miller. History of World War II. Philadelphia, 1945; F. Monaghan. World War II. Chicago, 1943; R. Shugg, H. Deweerd. World War II. Washington, 1947.

⁴ R. Payne. The Marshall Story. New York, 1951.

⁵ L. Brown. A Report on Germany. New York, 1947, p. 6.

борьба советского народа против фашистских агрессоров изменила весь ход второй мировой войны, что советско-германский фронт в течение всей войны был ее главным, определяющим фронтом, от которого зависела судьба победы, и в то же время всячески подчеркивали, что Соединенные Штаты, мол, были «арсеналом демократии» и их экономическая и военная мощь определила ход войны.

Вот характерная оценка соответственно роли СССР и США во второй мировой войне, данная одним из влиятельных буржуазных историков США, А. Шлезингером, в 1954 г. Шлезингер мало уделяет внимания участию СССР во второй мировой войне — для него «важный переломный момент» наступил лишь в конце 1941 г., после вступления в войну США. Он игнорирует значение великой победы Советской Армии под Москвой, лишь вскользь упоминая о том, что «красные... вновь заняли некоторую территорию у Ленинграда и Москвы», и в то же время всячески рекламирует «мобилизацию американской мощи» для «безграничного участия» в войне, хотя хорошо известно, что в течение длительного времени американские войска практически не воевали против Германии.

Факты героической борьбы советского народа широко известны, и Шлезингер не может о них ничего не говорить, но, отмечая, между прочим, «растущие успехи русских», он тут же превозносит роль ленд-лиза и преувеличивает значение воздушных налетов союзной авиации на Германию. Упомянув в одной фразе о Сталинградской битве, Шлезингер обращает все свое внимание на описание действий американо-английских войск.

Не менее искажается историческая действительность и в шлезингеровских описаниях войны против Японии. Он полностью замалчивает важное влияние вступления СССР в тихоокеанскую войну на ее исход. По его словам, США воевали против Японии практически одни, получая лишь «незначительную помощь от СССР»⁶. Таково изложение событий прошедшей войны в одной из распространенных работ американской историографии.

Апологетическая оценка мощи военной машины США, созданной в годы войны, ее «нарастающих успехов» на многочисленных фронтах, ее «глобальной стратегии», искусства американского генералитета последовательно проводится в трудах, выпускаемых военным ведомством.

В США издается официальная многотомная история американских вооруженных сил во второй мировой войне под общей редакцией К. Гринфилда и С. Конна⁷ в многочисленных сериях, в том числе история военно-воздушных сил⁸. Кроме того, опубликована пятнадцатитомная история военно-морских операций США под редакцией С. Морисона⁹.

⁶ A. Schlesinger. The Rise of Modern America 1865—1951. New York, 1954, p. 440—454.

⁷ "United States Army in World War II". Washington: Department of the Army. Office of the Chief of Military History.

⁸ W. Craven, J. Cate (eds.). The Army Air Force in World War II. Chicago, 1948—1958, 7 vols.

⁹ S. Morison (ed.). History of United States Naval Operations in World War II, vol. I—XV. Boston, 1947—1962. Для подготовки этих огромных публикаций, финансируемых военными ведомствами, были привлечены большие силы и средства: только историки армии собрали 17 120 томов документов.

Имеется значительное число работ по дипломатической истории войны¹⁰.

Некоторые из этих работ представляют известную ценность прежде всего благодаря имеющимся в них фактическим материалам. Причина этого положения объясняется практическим назначением военно-исторических исследований. Как писал К. Гринфилд: «В истории второй мировой войны армия хочет иметь обзор своего опыта в войне с тем, чтобы он послужил руководством в дальнейшем, а для этого необходимо полное и правдивое изложение событий»¹¹. В целом, однако, в официальных военно-исторических изданиях проводится господствующая в США идеологическая линия.

Известно, что многие деятели — политические и военные — периода второй мировой войны как с той, так и с другой стороны фронта опубликовали свои мемуары. Многие мемуаристы из числа бывших гитлеровских генералов, американских, английских, французских, японских военачальников и политиков произвольно трактуют исторические факты, искажают роль советского народа и его Вооруженных Сил в достижении победы. Та-

¹⁰ *H. Feis*. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957; *idem*. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1960; *T. Higgins*. Hitler and Russia: The Third Reich and the Two-Front War 1937—1943. New York, 1966; "The Meaning of Yalta. Big Three Diplomacy and the New Balance of Power". Ed. by J. Snell. Baton Rouge, 1966; *J. Compton*. The Swastika and the Eagle. Hitler, the United States and the Origin of World War II. Boston, 1967; *R. Jones*. The Road to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Norman, 1969.

¹¹ *K. Greenfield*. The Historian and the Army. New Brunswick, 1954, p. 8.

ким «воспоминаниям» противостоит обширная мемуарная литература советских военных и политических деятелей. Эта мемуарная литература служит ценнейшим источником при исследовании великого подвига советского народа.

Следует упомянуть об использовании буржуазными историками архивных материалов. На первый взгляд работы по истории второй мировой войны, изданные в США, прекрасно фундированы, круг привлеченных источников поистине необъятен: от прессы до секретных досье государственного департамента и других высших ведомств, от материалов личных архивов до записей бесед с руководящими деятелями периода второй мировой войны и т. д. Все это, однако, не означает, что любой историк может использовать эти материалы в подлиннике. В основном только официозные, так называемые «придворные» историки имеют свободный доступ к государственным архивам. Многие из важнейших источников закрыты для историков, заподозренных в желании установить объективные факты. При этом особенно труден доступ к документам, могущим бросить тень на политику США в период второй мировой войны.

В то же время современные официальные публикации зачастую не имеют ничего общего с наукой. Так, в 50-х годах в США настойчиво потребовали издания сборников о военных конференциях — Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской. В этой связи некоторые сенаторы-республиканцы заявили, что они не хотят вести избирательную кампанию без оружия, которое, как они надеются, «предоставят эти публикации». В результате был выпущен ис-

ключительно тенденциозно составленный сборник «Конференции на Мальте и в Ялте в 1945 г.»¹². Его публикация, признал Р. Зонтаг, вызвана «политическими мотивами»: «Сомнительно, чтобы все важные документы из архива Пентагона были в него включены»¹³. Тенденциозно составлены и вызвавшие политическую сенсацию сборники документов о конференциях в Тегеране и Потсдаме¹⁴.

Новым моментом в публикаторской деятельности является издание правительствами стран-победительниц документов из захваченных ими архивов. Сюда относятся материалы международных судебных процессов над главными военными преступниками в Нюрнберге и Токио, документы объединенной комиссии конгресса США по расследованию обстоятельств японского нападения на Пирл-Харбор в конце 1941 г. и собрание немецких дипломатических документов, публикуемое (в двух сериях) смешанной комиссией из представителей США, Англии и Франции. Последнее издание (в особенности первый выпуск — «Нацистско-советские отношения, 1939—1941 гг.»)¹⁵ носит фальсификаторский характер. Таким образом, история второй мировой войны и вопрос о роли в ней СССР не только искажаются в работах реакционных историков, но для этого специально подтасовывается научная база.

Для официозной историографии характер-

¹² "The Conferences at Malta and Yalta, 1945", Washington, 1955.

¹³ "Foreign Affairs", 1955, July, p. 615.

¹⁴ "The Conferences at Cairo and Teheran, 1943", vol. I—II. Washington, 1961; "The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945". Washington, 1960.

¹⁵ "Nazi-Soviet Relations. 1939—1941". Washington, 1948.

на точка зрения одного из ведущих военных историков США, К. Гринфилда, о преобладающем значении военных действий западных союзников. Так, К. Гринфилд утверждает, что именно открытие второго фронта на Западе привело к тому, что «Германия была поражена в сердце, русские поставлены (?! — Б. М.) на Эльбу... Он (второй фронт.— Б. М.) завершил работу по полному разгрому (Германии.— Б. М.), начало которому было положено советскими силами и воздушными бомбардировками германской территории»¹⁶. «Поражение, нанесенное западными силами германской армии, можно сравнить с достижениями Красной Армии»,— подчеркивал со своей стороны известный буржуазный специалист по истории второй мировой войны Г. Файс¹⁷.

В некоторых работах буржуазных историков хотя и говорится о значении вооруженной борьбы СССР против Германии, но это значение сводится к обеспечению выигрыша времени, необходимого для развертывания экономических и военных ресурсов Соединенных Штатов¹⁸. Более того, как утверждал, например, У. Лэнгер, сама «мысль о том, что в течение 1942 и 1943 гг. они (русские.— Б. М.) несли основное бремя, полностью ошибочна»¹⁹. Д. Пратт писал со своей стороны: «Одной из основных ошибок Вашингтона в годы войны была переоценка значения СССР как союзника

¹⁶ K. Greenfield. Op. cit., p. 54.

¹⁷ H. Feis. Op. cit., p. 562.

¹⁸ W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, 1940—1941. New York, 1953, p. 567; K. Greenfield. Op. cit., p. 67—70, 77, 86—87.

¹⁹ W. Langer. Political Problems of a Coalition.—“Foreign Affairs”, 1947, October, p. 89.

для Соединенных Штатов»²⁰. С этим мнением соглашается американский военный историк У. Палстон²¹.

В отрицании решающей роли Советской Армии в достижении победы во второй мировой войне намечается определенное сближение между реакционной историографией США и ФРГ. Некоторые западногерманские историки, идя по стопам своих предшественников, «спасавших честь» германской военщины после первой мировой войны, стремятся опровергнуть закономерность разгрома гитлеровской Германии, снять с германского монополистического капитала и германского генералитета ответственность за национальную катастрофу.

Во многих работах как американских, так и западногерманских историков и военных прослеживается идея, что не героизм и стойкость советского народа, не преимущества социалистического строя над капиталистическим, а случайное совпадение таких факторов, как «роковой характер» Гитлера, необычайно холодная зима 1941—1942 гг. («генерал мороз»), «необозримые русские просторы» и «русское бездорожье» («генерал грязь»), привело к поражению Германии²².

Характерен подход буржуазных историков к так называемым поворотным пунктам войны. Преуменьшая значение решающих битв на

²⁰ J. Pratt. A History of United States Foreign Policy. New York, 1955, p. 670.

²¹ W. Puleston. Blunders of World War II.—“U.S. News and World Report”, 4.II.1955, p. 116.

²² Сб. «Мировая война 1939—1945 гг.». М., 1957, стр. 179; Ф. Руге. Война на море. 1939—1945. М., 1957, стр. 206; О. Брэдди. Записки солдата. М., 1957, стр. 208.

советско-германском фронте — разгрома немецких войск под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, они преувеличивают роль военных действий западных союзников (у Эль-Аламейна, в Италии, второго фронта). К. Типпельскирх, например, операциям союзников в Северной Африке придает большее значение, чем Сталинградской битве, с точки зрения общего хода войны²³. Г. Якобсен, признавая в целом значение великих побед СССР, пытается в то же время приравнять к ним успехи союзных войск на Западе²⁴. По понятным соображениям, американские историки всячески подчеркивают значение второго фронта²⁵. Налицо тенденция обосновать своего рода концепцию «равноценности» побед на Востоке и Западе²⁶.

Весьма серьезное опровержение отмеченных выше утверждений буржуазной историографии содержится даже в официальных документах и материалах правительства США. Так, в письме от 26 июня 1941 г. к адмиралу Лэги Рузвельт отмечал, что вступление СССР в войну приведет к «освобождению Европы от нацистского ига»²⁷. Бывший посол в Москве Д. Дэвис после нападения Германии на СССР заявил в интервью: «Трудности Гитлера только начинаются», ибо «сопротивление Красной Армии поразит и удивит мир»²⁸. Государст-

²³ К. Типпельскирх. Вторая мировая война. М., 1956.

²⁴ H. Jacobsen. 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg. Darmstadt, 1961, S. 692.

²⁵ K. Greenfield. The Historian and the Army, p. 54.

²⁶ Критику этой концепции см. «Вторая мировая война», кн. 2. М., 1966.

²⁷ W. Langer, S. Cleason. Op. cit., p. 544.

²⁸ J. Davis. Mission to Moscow. New York, 1941, p. 475.

венный секретарь Э. Стеттиниус писал в своей книге «Рузвельт и русские»: «Американскому народу не следует забывать, что в 1942 г. он был недалек от катастрофы. Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, у немцев создалась бы возможность захвата Великобритании. Они смогли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке»²⁹.

Видные американские государственные деятели периода войны прямо говорили о взаимосвязи между борьбой СССР против гитлеризма и безопасностью Соединенных Штатов, а также ставили вопрос об освобождении Европы в зависимость от исхода этой борьбы. Они же давали высокую оценку роли боевых действий Советских Вооруженных Сил. Как отмечал в мемуарах государственный секретарь К. Хэлл: «Мы должны всегда помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, возможно, спасли союзников от сепаратного мира с немцами. Такой мир унизил бы союзников и открыл бы двери для следующей тридцатилетней войны»³⁰. После окончания войны генерал Д. Маршалл писал в своем докладе, что «без успешных действий Советской Армии американские войска были бы не в состоянии противостоять агрессору и война была бы перенесена на американский континент»³¹.

²⁹ E. Stettinius. Roosevelt and the Russians. New York, 1949, p. 7.

³⁰ C. Hull. The Memoirs, vol. II. New York, 1948, p. 1465.

³¹ The War Reports of George C. Marshall. H. H. Arnold, Ernest S. King. New York, 1947, p. 149.

Наиболее убедительно опровергают домыслы буржуазной историографии сами события второй мировой войны. Накануне открытия Восточного фронта военно-стратегическое положение сложилось так, что Гитлер, казалось, был недалек от осуществления своих агрессивных планов. Вступление Советского Союза в борьбу против германских агрессоров явилось коренным поворотом в ходе войны, до того развивавшейся благоприятно для Германии. С самого начала советско-германский фронт приковал к себе главные силы фашистской армии. В июне 1941 г. гитлеровцы бросили против СССР 152 дивизии и 2 бригады, т. е. более 70 процентов своих сухопутных войск, а включая сухопутные войска стран — сателлитов фашистской Германии, в первые дни войны против Советского Союза действовало 190 дивизий³².

В этих условиях понятно, почему военный министр Г. Стимсон писал вскоре после нападения Германии на Советский Союз в секретном послании президенту: «Действия Германии представляются почти ниспосланным свыше провидением». Советское сопротивление «сделало невозможным» германское вторжение в Англию, «гибельно отразилось» на гитлеровских планах в Северной и Западной Африке, а также в Южной Америке³³. Вступление Советского Союза в войну, отмечал К. Хэлл, «возродило в нас надежду на то, что гитлеризм будет побежден»³⁴.

С лета 1941 г. основное бремя ведения войны против Германии легло на СССР. Но

³² «Вторая мировая война», кн. 1. М., 1966, стр. 32.

³³ *H. Feis*. *Op. cit.*, p. 10.

³⁴ *C. Hull*. *Op. cit.*, vol. II, p. 973.

Германия была главной силой блока агрессивных держав. Следовательно, и исход борьбы на советско-германском фронте был решающим для судьбы всей второй мировой войны. В совместном послании Ф. Рузвельта и У. Черчилля И. В. Сталину от 15 августа 1941 г. подчеркивалось: «Мы полностью признаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза»³⁵.

На советско-германском фронте с начала войны до первых месяцев 1944 г. находилось от 153 до 201 немецко-фашистских дивизий, что составляло 52—72 процента их общего числа. В то же время английским и американским войскам в Северной Африке и Италии противостояли от 0,9 до 6,1 процента немецких дивизий³⁶. Характерна телеграмма Ф. Рузвельта генералу Макартуру в мае 1942 г.: «С точки зрения большой стратегии, — писал Рузвельт, — ясен простой факт — русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые»³⁷.

В течение длительного времени Советский Союз фактически один на один сражался с гитлеровской военной машиной, так как правящие круги США и Англии, несмотря на обязательство открыть второй фронт в Европе

³⁵ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (далее — «Переписка...»), т. I. М., 1957, стр. 16.

³⁶ «Вторая мировая война», кн. I, стр. 32.

³⁷ "New York Times", 20.X.1955, p. 10.

в 1942 г., затягивали высадку союзных войск во Франции. 20 января 1943 г. премьер-министр Великобритании докладывал военному кабинету: «Следует признать, что все наши военные операции осуществляются в весьма незначительных масштабах по сравнению с огромными ресурсами Англии и Соединенных Штатов, а тем более по сравнению с гигантскими усилиями России»³⁸. Этот факт признавал и президент Ф. Рузвельт в письме И. В. Сталину в феврале 1943 г.³⁹

Даже после открытия второго фронта на Западе Советской Армии противостояла основная часть немецких войск (всего 239 немецких дивизий и дивизий стран — сателлитов Германии). В этот период против союзников действовала лишь 81 дивизия противника⁴⁰. К тому же на советско-германском фронте находились наиболее боеспособные и хорошо оснащенные немецкие дивизии. Таким образом, в течение всей войны на советско-германском фронте было сосредоточено подавляющее количество войск фашистской Германии и ее сателлитов.

В ходе войны Советская Армия разгромила основные силы фашистской Германии. За всю войну на советско-германском фронте было уничтожено, взято в плен и расформировано 507 дивизий только немецких войск. Кроме того, было разгромлено не менее 100 дивизий стран—сателлитов Германии. Три четверти общих потерь гитлеровской авиации, большая часть потерь в артиллерии и танках приходится

³⁸ W. Churchill. The Second World War, vol. IV. London, 1951, p. 613.

³⁹ «Переписка...», т. II. М., 1957, стр. 57.

⁴⁰ «Вторая мировая война», кн. 1, стр. 32.

на советско-германский фронт. Союзники СССР уничтожили и взяли в плен в Северной Африке, Италии и Западной Европе 176 вражеских дивизий⁴¹.

На советско-германском фронте были выиграны такие решающие битвы второй мировой войны, как битвы под Москвой, под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, за Берлин. Исследования советских ученых камня на камне не оставляют от попыток буржуазных историков преуменьшить значение этих побед⁴².

Характерны признания многих буржуазных военных и политических деятелей. Оценивая значение битвы под Москвой, Д. Макартур писал в феврале 1942 г.: «Надежды цивилизации лежат на достойных знаменах доблестной русской армии. В течение моей жизни я участвовал в ряде войн и наблюдал другие, так же как и детально изучал кампании выдающихся военачальников прошлого. Но нигде я не наблюдал такого эффективного сопротивления сильнейшим ударам до того времени победоносного противника, сопротивления, за которым последовала контратака, отбрасывающая противника назад, к его собственной территории. Размах и блеск этой операции отличают ее как величайшее военное достижение во всей истории»⁴³. «Именно русская армия выбила дух из немецкой армии»,— говорил в августе

⁴¹ «Вторая мировая война», кн. 1, стр. 32—33.

⁴² См., например, А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой. 1941—1942. М., 1958; *его же*. Сталинградская битва, изд. 2. М., 1968; «Великая битва под Москвой». Краткий исторический очерк. М., 1961; «Битва за Москву». М., 1968, и др.

⁴³ Цит. по: F. Schuman. Soviet Politics at Home and Abroad. New York, 1947, p. 432—433.

1944 г. У. Черчилль, добавляя, что «в мире не существовало другой силы, которая смогла бы это сделать»⁴⁴.

Некоторые буржуазные историки признают вклад советского народа в победу во второй мировой войне. «Победу Красной Армии над вермахтом нельзя объяснить ни случайностью, ни слабостью немцев, ни простым арифметическим подсчетом сил или влиянием физических, географических и климатических условий», — писал французский военный историк Р. Гудем⁴⁵. Западногерманский исследователь М. Фрейнд отмечал: «Никто не считал возможным победить Гитлера без гигантского военного вклада Советского Союза»⁴⁶. В книге «Россия в войне» А. Верт подчеркивал: «Советский народ нес на себе главную тяжесть войны против нацистской Германии, и именно благодаря ему была спасена жизнь миллионов американцев и англичан»⁴⁷.

Победа над фашистской Германией одержана совместными усилиями многих народов. В период войны образовалась мощная антигитлеровская коалиция. Серьезные удары по врагу нанесли вооруженные силы западных союзников, самоотверженно сражались союзные войска Польши, Чехословакии, Югославии, участники движения Сопротивления. Однако именно советский народ, его героическая

⁴⁴ Цит. по: *W. Mandel. A Guide to Soviet Union.* New York, 1946, p. 136—137.

⁴⁵ *R. Goudim. L'Armée rouge dans la paix et la guerre.* Paris, 1947, p. 11.

⁴⁶ *M. Freund. Der Zweite Weltkrieg.* Gütersloh, 1962, S. 56.

⁴⁷ *A. Werth. Russia at War 1941—1945.* London, 1964, p. XIV.

армия вынесли основную тяжесть войны, именно они сыграли решающую роль в победе над гитлеровской Германией.

Великая Отечественная война была наиболее тяжелой и жестокой из всех войн, когда-либо пережитых нашей страной. Особенно трудное и опасное положение сложилось в начальный ее период. Используя временные преимущества, огромная армия Германии и ее сателлитов глубоко вклинилась в нашу территорию, дойдя до Кавказа, Волги, угрожая Москве. Но уже этот начальный период показал, что агрессия фашистской Германии обречена на провал. Советский народ под руководством Коммунистической партии поднялся на защиту Родины. Разгром немцев под Москвой явился началом коренного поворота в ходе войны. Был похоронен гитлеровский план «блицкрига», развеян миф о непобедимости гитлеровской Германии.

Героический советский народ сумел преодолеть трудности первого периода военных действий и добился в 1942—1943 гг. перелома в ходе войны. В 1944 г. немецко-фашистские армии были изгнаны с территории Советского Союза, а наступательные операции Советской Армии в последние годы войны сыграли решающую роль в освобождении народов Европы, в окончательной победе над фашизмом.

Тенденциозно истолковывая исторические факты, антикоммунисты стремятся представить дело таким образом, будто американская и английская поддержка СССР в трудный для него период определила исход событий на Восточном фронте. В буржуазной историографии всячески преувеличивается значение англий-

ской и американской помощи СССР, в частности ленд-лиза, и преуменьшается роль вооруженного сопротивления Советской Армии в первые месяцы войны.

Эта версия была пущена в ход еще У. Черчиллем, который, забывая не только факты, но и собственные высказывания военного времени, писал в мемуарах, что «в течение более чем года после вовлечения России в войну она представлялась нам скорее как бремя, чем как помощник», и что «вступление России в войну не принесло нам немедленной пользы» и, более того, принудило Англию «пойти на исключительно тяжелые жертвы и оказать Советскому Союзу большую помощь»⁴⁸.

Легенда Черчилля была подхвачена американскими историками. Так, Г. Файс в работе «Черчилль, Рузвельт, Сталин» заявлял, что после нападения Германии на Советский Союз английское и американское правительства «бросились на спасение СССР»⁴⁹. «В июне 1941 г. помощь была оказана России ввиду ее слабости, чтобы удержать ее в войне»⁵⁰, — вторит ему У. Палстон. По словам С. Уэллеса, «оружие и самолеты, которые получал (СССР. — Б. М.) из ограниченных ресурсов Соединенных Штатов... в огромной степени способствовали победе под Москвой»⁵¹, а К. Гринфилд даже попытался установить зависимость победы у Сталинграда от американских поставок⁵².

⁴⁸ *W. Churchill. Op. cit., vol. III. London, 1950, p. 350—352.*

⁴⁹ *H. Feis. Op. cit., p. 6.*

⁵⁰ "U.S. News and World Report", 4.II.1955, p. 116.

⁵¹ "Foreign Affairs", 1951, January, p. 193.

⁵² *K. Greenfield. Op. cit., p. 36.*

Как же в действительности обстояло дело? Известно, что вскоре после нападения гитлеровской Германии на СССР правительства США и Великобритании заявили о солидарности их стран с борьбой Советского Союза. В ноте советскому послу от 2 августа 1941 г. правительство Соединенных Штатов признавало, что сопротивление Советского Союза грабительскому нападению агрессора «соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов»⁵³. В интересах своей безопасности правительство Соединенных Штатов приняло обязательство оказать «экономическое содействие СССР с целью укрепления его борьбы против Германии»⁵⁴. «Для нас простым здравым смыслом было оказать всевозможную помощь Советам потому, что они борются против величайшей угрозы нашей собственной безопасности», — говорил бывший посол в Москве Д. Дэвис⁵⁵. Раскрывая смысл политики США, министр внутренних дел Г. Икес писал в своем дневнике: Соединенным Штатам выгодно помогать Англии и СССР, так как, если эти страны «смогут разгромить Гитлера, мы в неизмеримой мере выиграем относительно людских потерь и материальных затрат»⁵⁶.

Но что последовало за американским заявлением о помощи СССР? Проведение так называемой стратегии «непрямых действий», которая заключалась в том, чтобы, экономя

⁵³ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 141.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *J. Davis*. Op. cit., p. 475, 489.

⁵⁶ "The Secret Diary of Harold L. Ickes", vol. III. New York, 1954, p. 595.

усилия в войне, увеличить свои вооруженные силы и занять стратегические плацдармы.

Нападение Германии на СССР не привело к немедленному распространению ленд-лиза на СССР, хотя закон о ленд-лизе предусматривал, что США будут оказывать помощь тем государствам, оборона которых «против агрессии жизненно важна для обороны США». Все первоначальные поставки в СССР были невелики и производились за наличный расчет в соответствии с американо-советским торговым соглашением 1937 г. Дело дошло до того, что в конце лета 1941 г. на заседании американского правительства «зашел разговор о золотых запасах, которыми располагают русские... По-видимому, мы стремимся к тому, чтобы русские передали нам свое золото в уплату за поставки, пока их золотой запас не будет исчерпан. Тогда мы и применим закон о ленд-лизе к России», — указывается в дневнике Г. Икеса⁵⁷.

В американской исторической литературе существовала тенденция объяснить эту политику проволочек в оказании материальной поддержки СССР: во-первых, нехваткой требуемых военных материалов и вооружения и, во-вторых, неуверенностью английского и американского правительств в способности Советского Союза оказать эффективное сопротивление фашистской Германии (поэтому-де «было бессмысленно жертвовать дефицитными и ценными материалами»⁵⁸). Оба этих утверждения не подтверждаются фактами.

Под влиянием войны американская про-

⁵⁷ Ibid., p. 620.

⁵⁸ W. Langer, S. Gleason. Op. cit., p. 532, 559, 735.

мышленность (особенно военная) развивалась бурными темпами. В течение года (до июля 1941 г.) промышленная продукция США увеличилась на 30 процентов, производство самолетов — на 158, судостроение на 120 процентов⁵⁹. В этих условиях трудно говорить о нехватке, тем более что СССР предъявил исключительно скромные требования.

В той же степени второе объяснение может рассматриваться лишь как отговорка. Такой близко стоящий к правящим кругам деятель, как Г. Икес, отмечал в своем дневнике 12 июля 1941 г.: «Советские армии великолепно сдерживают немцев... немцы отстают в своих планах»; 29 августа 1941 г. — русские «не показывают никаких признаков капитуляции или краха. Как видно, в России предстоит длительная война...»; 20 сентября 1941 г. — если русские «будут продолжать бороться даже в случае отступления, Гитлер не сможет выиграть войну...»⁶⁰. В беседе с членами правительства 11 июля Рузвельт «выразил удовлетворение великолепной борьбой, которую ведет Россия»⁶¹. Позднее государственный секретарь К. Хэлл писал в мемуарах: «Я верил, что мы могли посылать России все вооружение и материалы... не рискуя, что немцы захватят их»⁶².

На заседании американского правительства 1 августа 1941 г., повествует Г. Икес, президент Рузвельт признал, что госдепартамент и военное министерство «поставили Рос-

⁵⁹ Ibid., p. 569.

⁶⁰ "The Secret Diary of Harold L. Ickes", vol. III, p. 577, 606, 617.

⁶¹ Ibid., p. 573.

⁶² C. Hull. Op. cit., vol. II, p. 967.

сию в заколдованный круг». «Мы дали обещание направить поставки вооружения в Россию, у нас в течение пяти недель находится список ее потребностей, однако ничего даже не начато». В связи с этим президент потребовал, чтобы СССР были сделаны «символические поставки». «Члены кабинета,— отмечал Икес, — слишком буквально восприняли призыв президента на последнем заседании оказать «символические» поставки России. И тем не менее я боюсь, что президент подразумевал именно это. Он, по-видимому, полагал, что мы сможем внушить русским, что мы оказываем им значительную помощь, в то время как мы, к примеру, посылаем им пять бомбардировщиков вместо требуемых трех тысяч»⁶³.

Как отмечалось выше, 15 августа 1941 г. Рузвельт и Черчилль писали Сталину: «Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза». Однако в это же время правительство США совместно с британским правительством обсуждало планы послевоенного устройства мира, исходя из того, что «Москва не должна была играть сколько-нибудь важной роли в дальнейшем». Что же касается помощи СССР, то в меморандуме американского правительства от 6 августа 1941 г. указывалось на небольшие размеры американских поставок СССР и делался вывод, что «при таком уровне поставок Соединенные Штаты внесут очень незначительный вклад в дело советской обороны и окончательной победы на Восточном фронте»⁶⁴.

⁶³ "The Secret Diary of Harold L. Ickes", vol. III, p. 592—593, 595.

⁶⁴ W. Langer, S. Gleason. Op. cit., p. 560.

Только в ноябре 1941 г., т. е. спустя почти пять месяцев после нападения Германии на СССР, ленд-лиз был распространен на нашу страну. До конца 1941 г. в СССР были направлены американские поставки стоимостью в 545 тыс. долл. при общей сумме американских поставок в этом году в 751 млн. долл., т. е. СССР, несший в одиночку основное бремя войны, получил менее 0,1 процента всей американской помощи⁶⁵.

В самое тяжелое для нашей страны время, когда Советская Армия особенно остро нуждалась в самолетах, танках и орудиях, США и Англия поставляли их в небольшом количестве. Так, в 1941 г. они передали СССР 750 самолетов (из них лишь 5 бомбардировщиков), 501 танк и 8 зенитных пушек. А должны были передать, согласно первому протоколу о поставках, с октября по декабрь 1941 г. 1200 самолетов, из них 300 бомбардировщиков, 1500 танков и около 50 зенитных пушек⁶⁶.

Американские историки Р. Снайдер и Фэрнисс пишут, что «американские поставки не доставлялись в сколько-нибудь значительном объеме в Россию до марта 1942 г.»⁶⁷. За это время Советская Армия не только сумела противостоять немецкой армии, но и перешла зимой 1941/42 гг. в наступление. Основной поток поставок в СССР американские историки

⁶⁵ "Foreign Commerce and Navigation of the United States for the Calendar Year 1941". Washington, 1942, p. 38.

⁶⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 2. М., 1963, стр. 365; «Вторая мировая война», кн. 1, стр. 29.

⁶⁷ R. Snyder, E. Furniss. American Foreign Policy. New York, 1954, p. 584.

Р. Шэгг, Г. Деуирд относят к 1943 г.⁶⁸ Однако к этому времени Советские Вооруженные Силы уже добились коренного перелома в ходе войны. «Русские добились перелома у Сталинграда перед тем, как наша помощь стала поступать в значительных размерах, а на протяжении всей борьбы их промышленность производила все основные средства войны», — пишет Д. Флеминг⁶⁹.

За годы войны СССР получил по ленд-лизу важные для народного хозяйства материалы, оборудование, машины, значительное число паровозов. Однако в целом эти поставки не оказали и не могли оказать существенного влияния на ход войны. В обеспечении Советских Вооруженных Сил оружием и боевой техникой союзные поставки сыграли не столь значительную роль. Так, если в СССР в годы войны было произведено 489 900 орудий, 102 500 танков и самоходных артиллерийских установок (по декабрь 1945 г.), 136 800 самолетов, то из США и Англии за это время было получено 9600 орудий, 11 567 танков и самоходных орудий, 18 753 самолета, из них 14 013 транспортных⁷⁰⁻⁷¹.

Военные расходы США во второй мировой войне, включая ленд-лиз, составили 330 млрд. долл.⁷² Военные расходы СССР и потери от разрушений и оккупации советской территории составили около 2 600 млрд. руб. в ценах того времени. Гитлеровцы разрушили 1710 советских городов и поселков городского типа, бо-

⁶⁸ R. Shugg, H. Deweerd. World War II, p. 249.

⁶⁹ D. Fleming. The Cold War, vol. I. London, 1961, p. 141.

⁷⁰⁻⁷¹ «Вторая мировая война», кн. 1, стр. 29.

⁷² "World Almanac 1948", p. 553.

лее 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов. Людские потери вообще несоизмеримы: СССР — 20 млн. жертв⁷³, Соединенные Штаты — 405 тыс. человек⁷⁴. Таковы действительные факты, говорящие соответственно о вкладе СССР и США во вторую мировую войну.

Малообоснованны и попытки преувеличить значение прямой военной поддержки СССР союзниками, в частности значение второго фронта. Известно, что, по мнению американских профессиональных военных, второй фронт на Западе следовало открыть немедленно после нападения гитлеровской Германии на СССР в интересах самих же США. Американский военно-морской министр писал президенту Рузвельту 30 июня 1941 г., что, «в то время как он (Гитлер.—Б. М.) забыл о нас и повернулся на Восток, мы должны воспользоваться его оплошностью и нанести ему удар»⁷⁵. Генерал Д. Эйзенхауэр подчеркивал в январе 1942 г.: «Нам необходимо отправиться в Европу и воевать там. Нужно прекратить распыление ресурсов по всему свету и, что еще хуже, терять время»⁷⁶. Но здравая военная стратегия, способная сократить сроки войны, подчинялась политическим соображениям, не имевшим ничего общего с выполнением союзнического долга в коалиционной войне.

Обязательства открыть второй фронт были даны правительствами США и Великобритании летом 1942 г. Это было сделано в значи-

⁷³ «Вторая мировая война», кн. 1, стр. 25, 26.

⁷⁴ Там же, стр. 26.

⁷⁵ *W. Langer, S. Gleason. Op. cit., p. 538—539.*

⁷⁶ *H. Feis. Op. cit., p. 40.*

тельной степени под давлением общественного мнения. Как писал Рузвельт Черчиллю (3 апреля 1942 г.): «Ваш и мой народ требуют создания второго фронта, чтобы снять бремя с русских»⁷⁷.

30 мая 1942 г. Рузвельт в присутствии генерала Маршалла заявил представителю СССР: «Мы готовимся открыть второй фронт в 1942 г.»⁷⁸ В советско-американском коммюнике, опубликованном 12 июня 1942 г., указывалось, что была достигнута полная договоренность относительно неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.⁷⁹ Эти обещания были даны Советскому Союзу, хотя ни США, ни Англия не торопились их выполнять. Второй фронт не был создан ни в 1942 г., ни в 1943 г.

В работе Г. Файса «Черчилль, Рузвельт, Сталин» это невыполнение союзнических обязательств объясняется следующим образом: «Как американцы, так и англичане... стремились выполнить (обещание открыть второй фронт в Западной Европе.— Б. М.) в 1942 г.», но это было «невозможно»⁸⁰. Командование вооруженных сил США придерживалось другого мнения. Оно считало возможным начать операцию вторжения в Западную Европу между 15 июля и 1 августа 1942 г.⁸¹ Комитет начальников штабов в Вашингтоне, рассчитав силы западных союзников, нашел их достаточ-

⁷⁷ Ibid., p. 58.

⁷⁸ Ibid., p. 65.

⁷⁹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 285.

⁸⁰ H. Feis. Op. cit., p. 57.

⁸¹ G. Harrison. Cross-Channal Attack. Washington, 1951, p. 12, 38.

ными для высадки в северо-западной Франции. Однако правительства США и Великобритании ставили проведение этой операции в зависимость от двух вариантов на случай либо поражения советских армий, либо краха Германии в войне с СССР. Как известно, ни первого, ни второго в 1942 г. не случилось; на советско-германском фронте продолжались тяжелые бои.

6 ноября 1942 г. И. В. Сталин отмечал, что главная причина тактических успехов немцев на советско-германском фронте в 1942 г. состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на Восток все свободные резервы и создать большой перевес своих сил на юго-западном направлении⁸². В послании Рузвельту от 14 декабря 1941 г. он писал: «Разрешите... выразить уверенность, что время не проходит зря и обещания насчет открытия второго фронта в Европе, которые были даны Вами, г. Президент, и Черчиллем в отношении 1942 года и уже, во всяком случае, в отношении весны 1943 года, будут выполнены и второй фронт в Европе действительно будет открыт общими силами Великобритании и США весной будущего года»⁸³.

Но в то время как СССР с огромным напряжением сил боролся за общее дело союзников, правительство Соединенных Штатов совместно с британским правительством следовало своей тактике оттяжек. В начале 1943 г. на англо-американской конференции в Касабланке в значительной степени благо-

⁸² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 75.

⁸³ «Переписка...», т. II, стр. 43.

даря настойчивости англичан было решено начать вторжение в Сицилию. Вторжение в Европу через Ла-Манш в 1943 г. было признано маловероятным. Политические цели этого решения очевидны. В результате этой операции, подчеркивал Г. Фейс, «судьба стран Средиземноморья будет находиться в американо-английских руках», а Советские Вооруженные Силы «будут продолжать нести основную тяжесть борьбы в Европе в течение 1943 г.»⁸⁴.

После того как открытие второго фронта было вновь отложено уже на весну 1944 г., глава Советского правительства писал Рузвельту 11 июня 1943 г., что это решение союзников создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и «предоставляет Советскую Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом»⁸⁵.

Американо-английские войска высадились в Нормандии лишь в 1944 г., когда ясно вырисовалась перспектива разгрома Германии Советскими Вооруженными Силами, когда успехи Советской Армии показали, что Советский Союз в состоянии один, собственными силами одержать победу над фашистскими агрессорами и освободить народы Европы от гитлеровского рабства⁸⁶. Теперь правящие круги США

⁸⁴ *H. Feis*. *Op. cit.*, p. 107—108.

⁸⁵ «Переписка...», т. II, стр. 69—70.

⁸⁶ Подробнее см. *Н. Н. Яковлев*. *США и Англия во второй мировой войне*. М., 1961; *В. М. Кулиш*. *Раскрытая тайна*. М., 1965.

и Англии «поторопились», опасаясь, что поработанные народы Европы в случае дальнейшего бездействия союзников «могли бы подумать», как писал Файс, что союзники «безразличны к их судьбе, и большее их число рассматривало бы Советский Союз как единственного великого друга-освободителя. Одно это положение... основное политическое оправдание нашей стратегии»⁸⁷. Следует также учитывать влияние на англо-американскую политику давления общественного мнения США и Англии, требовавшего скорейшего оказания эффективной помощи союзнику. Ф. Рузвельт писал У. Черчиллю, настаивавшему на «балканском варианте»: «По чисто внутренним политическим причинам мне трудно будет сохранить свои позиции даже при малейшей неудаче операции «Оверлорд» (т. е. операции вторжения в Нормандию. — Б. М.), если станет известно, что значительные силы переброшены на Балканы»⁸⁸.

Если буржуазная историография пытается отрицать решающую роль СССР в разгроме гитлеровской Германии, то участие Советских Вооруженных Сил в войне против империалистической Японии ею почти полностью игнорируется. Согласно точке зрения многих американских историков, участие СССР в войне против Японии не было якобы необходимым, поскольку она-де уже была выиграна США. К лету 1944 г., отмечается, например, в работе Р. Бэту, вследствие действий американской авиации и флота Япония была отрезана от основных источников сырья и продоволь-

⁸⁷ *H. Feis. Op. cit., p. 46.*

⁸⁸ *W. Churchill. Op. cit., vol. VI. London, 1954, p. 65.*

ствия и «проиграла войну экономически»⁸⁹. В силу этого, продолжает К. Гринфилд, вооруженные силы Соединенных Штатов «поставили Японскую империю на колени»⁹⁰. Окончательное решение японского правительства о капитуляции, заявляет К. Комптон, было принято в результате атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Без применения атомной бомбы «война продолжалась бы долгие месяцы»⁹¹. В этих условиях, утверждает буржуазная историография, не было военной необходимости участия СССР в войне на Дальнем Востоке. «Россия вступила в тихоокеанскую войну почти накануне согласия Японии с условиями безоговорочной капитуляции», — пишет Г. Файс⁹². Согласно заявлениям Э. Мэйя, У. Палстона и других, советское участие в военных действиях против Японии было якобы чисто символическим «ударом по умирающему», «недельной кампанией арьергардных боев с отступающими японцами»⁹³.

Характерно, что с некоторыми выводами официозных американских историков солидаризируются реакционные историки Западной Германии и Японии. Бывший гитлеровский адмирал Руге поддерживает основной тезис американцев, что Япония была уже разбита

⁸⁹ R. Butow. *Japan's Decision to Surrender*. Stanford, 1954, p. 11.

⁹⁰ K. Greenfield. *Op. cit.*, p. 85.

⁹¹ K. Compton. *If the Atom Bomb Had Not been Dropped*. — „Atlantic Monthly”. December 1946, p. 54.

⁹² H. Feis. *Op. cit.*, p. 655.

⁹³ E. May. *The United States, the Soviet Union and the Far Eastern War, 1941—1945*. — „Pacific Historical Review”, 1955, p. 172; „U.S. News and World Report”, 4.II.1955, p. 122.

задолго до капитуляции (по его мнению, зимой 1944/45 г.)⁹⁴. Японские авторы в серии мемуаров и монографий подчеркивают экономическую слабость Японии по сравнению с Соединенными Штатами как основную причину капитуляции. Многие из них утверждают, что атомная бомбардировка решила исход войны⁹⁵.

Говоря о «ненужности» и «запоздалости» участия СССР в борьбе против японских агрессоров, многие историки демагогически критикуют политику Рузвельта, направленную на привлечение СССР к участию в войне против Японии. Были ли оправданы американские «уступки» СССР в Ялте за «помощь, которая в конце концов была не нужна?»—задает вопрос Г. Файс⁹⁶. Рузвельт «был вынужден заплатить (?! — Б. М.) за русское вступление с тем, — утверждал У. Лэнгер, — чтобы позднее узнать, что советский вклад в дальневосточную войну был немногим больше, чем военный парад. Наша собственная атомная бомба в сто раз лучше послужила нашим целям, чем советские армии»⁹⁷.

⁹⁴ Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 372.

⁹⁵ Д. Уэсуги. Вторая мировая война в освещении реакционной японской историографии.—Сб. «Проблемы второй мировой войны». М., 1959, стр. 382—386. Что касается влияния атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки на капитуляцию, то прогрессивные историки Японии, тщательно изучившие этот вопрос, констатируют: «Использование атомной бомбы было для Соединенных Штатов скорее не последним военным действием во второй мировой войне, а первым серьезным сражением в холодной войне, которую они ведут против России» («История войны на Тихом океане», т. IV. М., 1958, стр. 205).

⁹⁶ Н. Feis. Op. cit., p. 505.

⁹⁷ "Foreign Affairs", 1947, October, p. 86—87.

В чем же причина? В соответствии со своим субъективистским методом ряд буржуазных авторов видит ее в ошибках и просчетах американского правительства и американских военных. В Ялте президент «был болен», он избегал длительных дискуссий и «торопился» заключить соглашение⁹⁸. В то же время «неумение высшего командования Пентагона и генерала Макартура должным образом оценить уязвимость Японии, островной империи, зависящей от снабжения из-за моря, способствовало этой почти невероятной политике умиротворения России»⁹⁹. Со своей стороны некоторые деятели правительства Рузвельта возлагают вину за решения в Ялте на американских военных¹⁰⁰.

Политическая борьба по этому вопросу приняла такой размах (особенно в связи с публикацией ялтинских документов), что генерал Макартур 23 марта 1955 г. выступил с заявлением, что его мнения о вступлении СССР в войну с Японией не спрашивали, в противном случае он бы «решительно высказался против вступления СССР в войну на Тихом океане». Однако выпущенный в конце октября 1955 г. Пентагоном сборник документов начисто опровергает утверждения Макартура. Выяснилось, что в 1945 г. он требовал от правительства США «приложить все усилия к тому, чтобы СССР вступил в войну с Японией»¹⁰¹.

При рассмотрении роли СССР в войне про-

⁹⁸ *H. Feis. Op. cit.*, p. 557.

⁹⁹ "U.S. News and World Report", 4.II.1955, p. 117, 121.

¹⁰⁰ *E. Stettinius. Op. cit.*, p. 90—98.

¹⁰¹ "New York Times", 20.X.1955.

тив Японии буржуазная историография сводит весь вопрос к тем августовским дням 1945 г., когда правительство Советского Союза в соответствии со своими обязательствами, принятыми на Ялтинской конференции, объявило войну Японии. Но ведь борьба СССР против японской агрессии не ограничивается только этим временем. Соединенные Штаты вступили в войну с Японией после нападения последней на американскую военно-морскую базу в Пирл-Харборе в декабре 1941 г. До этого времени правительство США своей политикой практически способствовало развитию агрессивных действий Японии на Азиатском континенте. Советский Союз решительно выступал против агрессии японского милитаризма, оказывая моральную и материальную поддержку борющемуся против нее китайскому народу.

Необходимо учитывать и тот факт, что во второй мировой войне Япония выступала не изолированно, а в блоке с фашистской Германией. Поэтому те удары, которые наносила Советская Армия полчищам Гитлера, не могли не сказаться на положении его союзников. Как признавал Рузвельт, «разгром Японии не означает разгрома Германии... Поражение Германии явится поражением Японии»¹⁰². Наличие советских войск на Дальнем Востоке оказывало непосредственное влияние на развитие военных действий в тихоокеанской войне. Этот факт был также признан президентом США. Советский Союз, говорил Ф. Рузвельт в октябре 1942 г., отдавая все силы борьбе

¹⁰² *M. Matloff, E. Snell. Strategic Planning for Coalition Warfare. Washington, 1953, p. 273.*

с Германией, в то же время сковывал миллионную японскую армию в Маньчжурии¹⁰³.

Роль СССР была настолько важной, что американский генеральный штаб в своих стратегических планах относительно войны с Японией неизменно предусматривал участие в ней советских войск. Американский историк Э. Мэй сообщает, что, только узнав о масштабах и времени участия СССР в военных операциях на Дальнем Востоке, объединенный штаб «смог подготовить определенные планы разгрома Японии»¹⁰⁴.

Хотя союзники нанесли серьезные удары по японскому флоту и авиации, сухопутные силы японцев не понесли большого ущерба. Летом 1944 г. военная разведка США расценивала японские вооруженные силы, находившиеся на Азиатском континенте (Квантунскую армию), как «крупную и опасную силу»¹⁰⁵. Американское военное командование, убедившись к этому времени на примере Германии в неэффективности стратегических бомбардировок, опасалось, что для отражения союзного десанта в Японию будут переброшены войска из Маньчжурии и Китая. Основной заботой американского правительства стало добиться «скорейшего вступления Советского Союза в войну с Японией, чтобы предотвратить возвращение Квантунской армии на родину в момент вторжения»¹⁰⁶.

Макартур говорил военно-морскому мини-

¹⁰³ T. Baily. *America Faces Russia*. Ithaca, 1950, p. 303.

¹⁰⁴ "Pacific Historical Review", 1955, May, p. 155.

¹⁰⁵ Ibid., p. 163.

¹⁰⁶ "United States Relations with China". Washington, 1949, p. 8.

стру США: «Мы должны получить обязательство русских активно и энергично провести кампанию против японцев в Маньчжурии»¹⁰⁷. В меморандуме Объединенного комитета начальников штабов президенту от 23 декабря 1944 г. отмечалось: «Вступление России в войну как можно скорее.... необходимо для оказания максимальной поддержки нашим операциям на Тихом океане»¹⁰⁸.

Эти соображения оказали большое влияние на позицию американской делегации на Ялтинской конференции. Как отмечал позднее член делегации США А. Гарриман, «эти соображения были подвергнуты тщательному изучению Рузвельтом в течение длительного времени, и они не выходили у него из головы в Ялте»¹⁰⁹. На конференции Американской исторической ассоциации специалист по данной проблеме Э. Мэй говорил, что в 1944—1945 гг. для США действия советских войск против маньчжурской армии были «очень желательны, если не необходимы. Объединенный комитет начальников штабов и генерал Макартур придерживались этого мнения, которое и было отражено в Ялтинском соглашении»¹¹⁰.

Причина стремления правительства США добиться скорейшего вступления Советского Союза в войну против Японии очевидна. Без

¹⁰⁷ Для победы над Японией Макартур считал необходимой помощь 60 советских дивизий. "The Forrestal Diaries". Ed. by W. Millis. New York, 1951, p. 31.

¹⁰⁸ "Pacific Historical Review", 1955, May, p. 162.

¹⁰⁹ Ibid., p. 163.

¹¹⁰ "The American Historical Review", 1955, April, p. 726. У. Черчилль отмечал: «Я и, как мне известно, президент самым искренним образом желаем вступления Советской России в японскую войну» (W. Churchill. Op. cit., vol. VI, p. 215).

участия СССР победа над Японией продолжала оставаться не очень близкой перспективой. Японская армия в 1945 г. насчитывала около 5 млн. человек. По оценке военного министра Г. Стимсона, вторжение в Японию стоило бы американцам около миллиона убитых и раненых¹¹¹. Меморандум Объединенного комитета начальников штабов, представленный 9 февраля 1945 г. Рузвельту и Черчиллю, подтверждал разработанные ранее стратегические планы. В нем в качестве предполагаемой даты окончания войны против Японии указывается 18-месячный срок после разгрома Германии¹¹². Бывший тогда государственным секретарем Э. Стеттиниус считал, что без Советского Союза США и их союзники не могли бы одержать победы над Японией до 1947 г.¹¹³

Принималось ли при этом во внимание новое оружие, ставшее впоследствии известным как атомная бомба? Об этом можно сказать с полной определенностью.

Накануне отъезда в Ялту Рузвельт и Маршалл были информированы о подходящих к концу работах по созданию новой бомбы страшной разрушительной силы, превосходящей все имевшееся до сих пор. Как мы видели, эта информация не оказала существенного влияния на позицию американской делегации на Ялтинской конференции. Ни установление американского превосходства в воздушном и морском пространстве Японии, ни прогноз

¹¹¹ *H. Stimson, M. Bundy. On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 618—619.*

¹¹² *R. Sontag. Reflections in the Yalta Papers.—“Foreign Affairs”, 1955, July, p. 617.*

¹¹³ *H. Feis. Op. cit., p. 503.*

относительно нового оружия, писал Г. Файс, «не заставили Объединенный комитет начальников штабов сколько-нибудь значительно изменить их планы дальнейшего ведения войны против Японии или поколебаться в их мнении об огромном значении вступления СССР в войну»¹¹⁴.

25 апреля 1945 г. Г. Стимсон писал новому президенту Г. Трумэну: «В течение ближайших четырех месяцев мы, несомненно, создадим наиболее ужасное оружие, когда-либо известное в человеческой истории: бомбу, которая одна может разрушить целый город»¹¹⁵. Тем не менее месяц спустя тот же Стимсон в письме заместителю государственного секретаря Д. Грю подчеркивал: «Выступление России будет иметь большой военный эффект, так как оно почти наверняка сократит войну и таким образом спасет американские жизни»¹¹⁶. Признавал это и президент Трумэн. Он писал: «Россия... спасла нам много жизней в войне с Германией... мы очень хотели, чтобы русские вступили в войну с Японией»¹¹⁷.

Летом 1945 г. разведка союзников доносила: советское вступление в войну с Японией «желательно, если не необходимо для успеха стратегии вторжения». Эксперты разведки и военные считали, что «ни блокада, ни бомбардировки одни не смогут обеспечить безоговорочную капитуляцию...»¹¹⁸.

¹¹⁴ Ibid., p. 502.

¹¹⁵ Ibid., p. 636.

¹¹⁶ J. Grew. *Turbulent Era*, vol. II. Boston, 1952, p. 1458.

¹¹⁷ H. Truman. *The Memoirs*, vol. I. New York, 1955, p. 229.

¹¹⁸ "Foreign Affairs", 1957, January, p. 342.

Важно отметить следующее обстоятельство. Экспериментальный взрыв (16 июля 1945 г. в Аламагордо штат Нью-Мексико) атомной бомбы состоялся накануне открытия Потсдамской конференции. Тем не менее одной из важнейших целей американской делегации в Потсдаме, по свидетельству Трумэна, было желание добиться участия СССР в войне на Дальнем Востоке¹¹⁹. Даже когда решение сбросить бомбу на японские города было принято, в американских стратегических планах разгрома Японии не принималось в расчет новое оружие¹²⁰. Американское командование явно не надеялось на быструю капитуляцию Японии в результате атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

В основе решения правительства США использовать атомную бомбу лежали не одни военные соображения. Применение нового оружия против Японии было в значительной степени продиктовано политическими целями американского империализма, его стремлением использовать демонстрацию атомной мощи для обеспечения доминирующего положения в послевоенном мире. Расчеты Вашингтона частично раскрывает беседа между Трумэном и Бирнсом (личным представителем президента, а затем государственным секретарем США), состоявшаяся в апреле 1945 г. «Бирнс уже сообщил мне, — вспоминал впоследствии Трумэн, — что оружие (т. е. атомная бомба. — Б. М.) будет столь мощным, что потенциально оно сможет смести с лица земли целые города и убивать людей в беспрецедентных масштабах.

¹¹⁹ *H. Truman*. Op. cit., vol. I, p. 411.

¹²⁰ *H. Stimson, M. Bundy*. Op. cit., p. 618.

Он также добавил, что, по его мнению, бомба создаст нам возможность продиктовать наши условия в конце войны»¹²¹. В этом и заключались сокровенные мечты высших правительственных кругов США.

Созданный правительством временный комитет для рассмотрения проблем, связанных с новым оружием, занимался главным образом вопросом о том, сколько времени понадобится Советскому Союзу для производства атомной бомбы. Важное место на заседании комитета 1 июня 1945 г. занимала проблема, поднятая военным министром Стимсоном: как повлияет применение нового оружия на советско-американские отношения. В свете объявленного президентом Трумэном стремления занять более «твердую позицию» по отношению к СССР истинные намерения Вашингтона при применении атомной бомбы были совершенно очевидны. Американские лидеры рассчитывали использовать атомную бомбу для шантажа СССР. По мнению правящих кругов США, новое оружие должно было служить «мощным сдерживающим фактором против Советского Союза в Европе»¹²².

Обращает на себя внимание исключительная спешка в действиях американского правительства. Сразу же после сообщения об успешном испытании атомной бомбы Трумэн созвал своих главных советников — Бирнса, Стимсона, Лэги, Маршалла, Кинга и Арнольда. Он спросил их, «должна ли быть применена атомная бомба. Ответ был утвердительный»¹²³. Неделю спустя, 24 июля командующий стра-

¹²¹ *H. Truman. Op. cit., vol. I, p. 87.*

¹²² "Foreign Affairs", 1957, January, p. 337, 347.

¹²³ *Ibid., p. 348.*

тегическими военно-воздушными силами США получил приказ: «Сбросить первую особую бомбу, как только погода позволит визуальную бомбардировку, примерно 3 августа 1945 г., на один из следующих объектов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки»¹²⁴.

Сознавало ли правительство США, что означает применение атомного оружия для населения городов, подвергшихся атаке? Вне всякого сомнения. Трумэн пишет: «Я, конечно, понимал, что взрыв атомной бомбы вызовет невообразимые разрушения и жертвы»¹²⁵. Но Вашингтону было важно «продемонстрировать силу».

Позднее американская пропаганда и официальная историография немало потрудились, чтобы оправдать действия правительства США, первым применившего атомное оружие против гражданского населения. В феврале 1947 г. в журнале «Харперс» была опубликована статья Г. Стимсона. В этой статье Стимсон утверждал, что решение правительства США прибегнуть к атомной бомбардировке японских городов определялось стремлением сократить сроки войны и тем «спасти человеческие жизни, как американские, так и японские». Г. Трумэн, непосредственно ответственный за принятие фатального решения, также заявлял, что использование атомной бомбы было подчинено «военным соображениям». Он писал, что стремился «дать Японии шанс прекратить военные действия до того, как мы используем вновь приобретенное оружие», т. е. предупредить японцев о предполагаемой

¹²⁴ *H. Truman. Op. cit., vol. I, p. 420.*

¹²⁵ *Ibid., p. 419.*

военной акции. Он утверждал также, что атомная бомбардировка была осуществлена в соответствии с «законами войны», так как она касалась военных центров ¹²⁶. Эти заявления противоречат фактам.

Еще в решении упомянутого выше временного комитета от 1 июня 1945 г. указывалось: атомная бомба должна быть сброшена без предварительного предупреждения. Атомная бомбардировка мало затронула военную промышленность, находившуюся в окрестностях подвергшихся нападению городов. В то же время жертвы среди мирного населения были огромны.

Наконец, приблизило ли применение атомных бомб срок окончания войны с Японией, как утверждают буржуазные историки? Факты говорят сами за себя. После бомбардировки Хиросимы согласия Японии на капитуляцию не последовало. Военный обозреватель Х. Болдуин солидаризируется с мнением японского журналиста Мацуо Като: «Новейшее и самое разрушительное оружие в мире упало с летнего неба, чтобы одним взрывом уничтожить город. Но его применение имело небольшое влияние на исход войны между Японией и Объединенными Нациями» ¹²⁷.

Важную роль в разгроме Японии сыграло выступление СССР против японских агрессоров в августе 1945 г. Советский Союз предпринял эту акцию, стремясь ускорить наступление мира в соответствии с обязательствами, принятыми на Ялтинской конференции. По заявлению «Нью-Йорк геральд трибюн», «ред-

¹²⁶ Ibid., p. 420.

¹²⁷ "Atlantic", 1954, July, p. 89.

ко когда еще огромные военные усилия предпринимались во имя более благородной цели... Едва ли можно сомневаться в их решающем характере для военного положения на Дальнем Востоке»¹²⁸.

Советские войска разгромили крупные вооруженные силы японского милитаризма — Квантунскую армию Японии. В течение полутора месяца было разбито много японских дивизий, взято в плен около 600 тыс. солдат и офицеров. Япония капитулировала.

Применение Соединенными Штатами атомного оружия против Японии в августе 1945 г., как уже отмечалось, явилось одним из первых актов «холодной войны» и атомного шантажа, направленных Вашингтоном против своего военного союзника. Но имел ли успех объявленный американским правительством «жесткий курс»? На этот вопрос история дала отрицательный ответ. Атомная монополия США была похоронена советскими достижениями в области атомной энергии. Тем самым был нанесен сокрушительный удар по атомной дипломатии США.

¹²⁸ "New York Herald Tribune", 10.VIII.1945.

V Миф

о „советской угрозе“ — дымовая завеса империализма

Великий Октябрь привел к коренным сдвигам во всей системе международных отношений, вызвал глубокий кризис империалистической внешней политики, провозгласил принципы мира и международной безопасности, равенства, дружбы и сотрудничества между народами. Борьба за мир органически присуща советскому общественному строю, политика мира отвечает коренным интересам советских трудящихся, целью которых является построение коммунизма. **«Агрессивной политике империализма, — подчеркнул в докладе на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — Советский Союз противопоставляет политику активной защиты мира и укрепления международной безопасности.** Главные направления этой политики хорошо известны. Наша партия, наше Советское государство в сотрудничестве с братскими странами социализма, с другими миролюбивыми государствами и при горячей поддержке многомиллионных народных масс во всем мире уже многие годы ведут борьбу

на этих направлениях, отстаивая дело мира и дружбы между народами»¹.

Успехи советской внешней политики, рост международного престижа и влияния СССР признают и наши идейные противники. «Итоговый баланс советской внешней политики за последние 50 лет,— пишет профессор Пенсильванского университета В. Аспатурьян,— показывает впечатляющий ряд достижений...»²

Стремясь противостоять влиянию внешнеполитического курса СССР, антикоммунистическая историография усиливает борьбу против отстаиваемых им принципов международных отношений. Антисоветизм упорно стремится достигнуть одной из своих наиболее лелеемых целей — дискредитировать строй, написавший слово «мир» на своем знамени и считающий избавление человечества от войны своей исторической миссией. Все пропагандистские ресурсы антикоммунизма направлены на то, чтобы вопреки фактам доказать будто бы исходящую от СССР угрозу независимости и безопасности других стран.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции миф о «советской угрозе» (в это понятие вкладывается «опасность» как прямой агрессии, так и «подрывных действий» со стороны СССР против других стран) — одно из основных идеологических и политических орудий империализма. Он лежит в основе внешнеполитической доктрины антисоветизма и является (иногда в расширительном толковании, когда центр тяжести перенос-

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 35.

² "Survey", 1967, October, p. 35.

сится на «угрозу» со стороны «мирового коммунизма») главным идейным обоснованием политики антикоммунизма, таких ее проявлений, как доктрина Трумэна, план Маршалла, НАТО, СЕАТО, доктрины Эйзенхауэра, Джонсона, агрессия против вьетнамского народа и т. д. В то же время во внутренней политике правящих кругов США миф о советской (коммунистической) угрозе используется реакцией для борьбы с прогрессивными силами.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Л. И. Брежнев высмеял попытки пропагандистской машины империализма приписать Советскому Союзу чуждые ему намерения. «Всякий раз, когда империалистам требуется замаскировать свои агрессивные мероприятия, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, — они пытаются воскресить миф о «советской угрозе». Они ищут признаки такой угрозы и в глубинах Индийского океана, и на вершинах Кордильер. А уж на европейских равнинах, если смотреть через натовские бинокли, вообще ничего не видать, кроме готовых к прыжку на Запад советских дивизий»³.

Как и любой другой миф, миф о советской угрозе противоречит реальным фактам. Поэтому здесь и речи не может быть о какой-либо серьезной аргументации. Для создания мифа о советской угрозе буржуазные идеологи прибегают к своему излюбленному методу — подтасовке фактов.

Наиболее распространенным приемом «доказательства» реальности «советской угрозы» является тезис о якобы особо агрессивной при-

³ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 34.

роде коммунизма. Выше мы останавливались на извращении антикоммунистами марксизма-ленинизма, на попытках подменить великое пролетарское учение троцкизмом и маоизмом. Черная «аргументацию» из мутных источников, идеологи империализма стремятся представить международное коммунистическое движение как какой-то «заговор». Не случайно, что среди сторонников этой полицейской версии находился бывший глава американской охраны Э. Гувер, объявивший, что целью К. Маркса был-де «зловредный заговор для захвата власти»⁴. Г. Алмонд силилась представить К. Маркса и Ф. Энгельса как конспираторов и заговорщиков⁵, а ярый антикоммунист С. Поссопи объявил основоположников марксизма организаторами всемирного «коммунистического заговора»⁶, хотя хорошо известно, что великие учителя пролетариата всегда выступали против заговорщичества и авантюризма.

Стремясь оттолкнуть от марксизма широкие слои населения, буржуазные идеологи твердят, что марксистская теория признает-де насилие и только насилие и что коммунисты все свои расчеты строят не на свободном распространении идей, а на «закулисных заговорах», «подрывной деятельности». Любопытно, что в США переводится и издается подобного рода антикоммунистическая литература из других стран. Характерна подготовленная на уровне «университетской науки» под общей

⁴ E. Hoover. *Masters of Deceit*. London, 1958, p. 13, 17, 23, 330.

⁵ G. Almond. *The Appeals of Communism*. Princeton, 1954, p. 11.

⁶ S. Possony. *A Century of Conflict*. Chicago, 1953.

редакцией профессора Корнельского университета К. Росситера серия «Коммунизм в американской жизни». Изданные в этой серии работы рисуют фантастическую картину некоего зловредного «коммунистического заговора», который якобы опутывает Америку.

«В настоящее время,— пишет прогрессивный американский философ Дж. Сомервилл,— всеми средствами массовой пропаганды — кино, радио, телевидения, ежедневной и еженедельной прессой, так же как и в подавляющем большинстве начальных школ, в высших учебных заведениях коммунист изображается как беспринципный человек, жаждущий и готовый к использованию насилия и вооруженной силы в любом случае, террорист-индивидуалист, который не думает о благосостоянии большинства или об увеличении этого благосостояния, а работает в небольших конспиративных группах только для той цели, чтобы обеспечить господство Советского Союза над миром». Это представление, продолжает Сомервилл, «конечно, не основано на знании работ классиков марксизма-ленинизма... Попытка революции, совершаемой меньшинством, всегда отвергается марксизмом... Во многих работах, особенно в работах Ленина, подчеркивается, что, прежде чем произойдет социалистическая революция, большинство должно поддержать ее принципы. Все это хорошо известно любому человеку, серьезно изучающему марксизм-ленинизм»⁷.

Развивая выдумку о «мировом коммунистическом заговоре», американский советолог А. Берзинс, нимало не считаясь с фактами,

⁷ Дж. Сомервилл. Избранное. М., 1960, стр. 120—121.

заявляет, будто все вооруженные конфликты после второй мировой войны были «организованы и руководимы» из Москвы⁸. Явная абсурдность инсинуаций Берзинса заставила даже его коллегу В. Кульского заявить: «Действительно ли автор верит в то, что русские коммунисты руководили конфликтами между Китаем и Индией, Индией и Пакистаном, столкновениями в Африке?»⁹

Фактическая и логическая несостоятельность положения о «коммунистической угрозе» заставляет отдельных буржуазных авторов высказывать свои сомнения: «Западные, и в особенности американские, политические деятели, — отмечалось в коллективной работе по внешней политике США, — испытывают соблазн возлагать вину за ошибки Запада на махинации коммунистов... Но если бы коммунисты вдруг исчезли, международные проблемы современного мира оставались бы столь же жгучими»¹⁰. «Следует подчеркнуть, что то, что мы называем «кризисом капитализма», — писал прогрессивный американский публицист Дж. Уорберг, — порождено не коммунистической опасностью, а внутренними пороками западной экономической системы и западной политики»¹¹.

С пропагандистским мифом об угрозе коммунизма сосуществует, как это ни парадоксально, тезис о «закате» и даже «дезинтегра-

⁸ A. Berzins. *The Two Faces of Coexistence*. New York, 1967, p. XI, 303, 304.

⁹ "American Political Science Review", 1968, March, p. 313.

¹⁰ "American Diplomacy in a New Era". Ed. by S. Kertesz. Notre Dame (Ind.), 1961, p. 2—3.

¹¹ J. Warburg. *The West in Crisis*. New York, 1959, p. 60, 100.

ции» коммунизма. Функциональная роль этого тезиса, по-видимому, заключается в том, чтобы служить своего рода психологическим барьером против пораженческого шока, могущего возникнуть при слишком буквальном восприятии обывателем непрерывной антикоммунистической пропаганды. Соответствующая литература стремится «сбалансировать» пессимистический оттенок тезиса о «коммунистической угрозе». Многие буржуазные авторы пишут об «упадке» коммунистического движения, ссылаясь на раскольническую деятельность пекинских лидеров, пытаясь играть на националистических пережитках и ревизионистской демагогии.

Антикоммунистическая историография искаженно трактует историческую роль Советского Союза и характер его внешней политики, приписывая ему стремление насадить социализм во всем мире посредством вмешательства во внутренние дела других народов. Пресловутая теория «экспорта» революции играет здесь немаловажную роль. Так, американские специалисты по антисоветской стратегии А. Горелик и М. Раш заявляют, что цель внешней политики СССР состоит якобы в насильственном распространении коммунизма¹². Конкретизируя этот вымысел, профессор Гарвардского университета А. Улам объявил социалистические преобразования в ряде европейских стран результатом «насильственной советизации». Пытаясь как-то подкрепить свои инсинуации, Улам совершает нехитрый прием: борьбу СССР против агрессивной политики

¹² *A. Horelick, M. Rush. Strategie Power and Foreign Policy. Chicago, 1966, p. 10.*

империализма он изображает как «проявление экспансионизма»¹³.

Неверным взглядам на цели и характер внешней политики СССР отдал дань и Дж. Кеннан, обвинивший СССР в стремлении насильственно «уничтожить капиталистические правительства»¹⁴.

Буржуазные историки пытаются придать убедительность мифу об агрессивности СССР, ссылаясь на концепцию «преемственности», путем ассоциации миролюбивой внешней политики СССР с внешнеполитическим курсом царской империи. В сборнике, изданном сторонниками этой концепции, на все лады повторяются измышления об «исторических традициях экспансионизма», усиленных-де «революционным мессионизмом»¹⁵. В. Каулз развивает абсурдный тезис о том, что СССР будто бы продолжает «холодную войну», начатую еще царями¹⁶. А подвизающийся на ниве советологии журналист А. Шуб объявляет, что современный Советский Союз — это-де «преднамеренная реставрация» царской России¹⁷.

Антикоммунистическая кампания в историографии, связанная с утверждением мифа о советской угрозе, весьма интенсивна. Наряду с устройством соответствующих конферен-

¹³ A. Ulam. *Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967*. New York, 1968, p. 28, 76, 400, 417, 420.

¹⁴ "Foreign Affairs", 1967, October, p. 15.

¹⁵ "Russian Foreign Policy". Ed. by I. Lederer. New Haven, 1962, p. 415, 419, 484. Эту «идею» проводит и бывший посол США в Москве Ф. Колер.— *F. Kohler. Understanding the Russians*. New York, 1970, p. 10.

¹⁶ V. Cowles. *The Russian Dagger*. New York, 1969.

¹⁷ "Foreign Affairs", 1969, January, p. 271.

ций и симпозиумов издаются целые серии работ, распространяющих легенды о «советском экспансионизме», «красном империализме» и т. д. В одном из таких «трудов» утверждалось, например, что целью СССР является ни больше ни меньше как «завоевание» Соединенных Штатов при помощи пропаганды¹⁸. Группа экспертов по внешней политике — Р. Страсус-Хюпе, У. Кинтнер, Д. Догерти и А. Котрелл — разработала теорию стратегии «затяжного конфликта», якобы применяемого «международным коммунизмом против Запада», и активно пропагандировала ее. На ежегодных собраниях Американской исторической ассоциации допускались грубые выпады по адресу внешней политики СССР. Басня об агрессивности СССР муссируется в учебных курсах по русской и советской истории, в различных советоведческих изданиях, рассчитанных на массового читателя.

Но, несмотря на усиленную антисоветскую кампанию, даже в буржуазной литературе высказывались сомнения в возможности убедить народы в «агрессивности» Советского Союза. Бывший американский посол в Индии Ч. Боулс в книге «Американская политика в революционном мире» писал о популярности миролюбивой политики Советского Союза, отмечая в то же время усиливающееся неодобрение внешней политики США. Он отмечал, что во многих странах потенциальным агрессором считают не Советский Союз, а США¹⁹.

¹⁸ *D. Dunham. Kremlin Target: USA. New York, 1961; F. Barghoorn. Soviet Foreign Propaganda. Princeton, 1964.*

¹⁹ *Ch. Bowles. American Politics in a Revolutionary World. Cambridge (Mass.), 1956, p. 92.*

Некоторые буржуазные авторы вынуждены писать не о пресловутой «руке Москвы», а о «руке Америки». Так, П. Зибер в изданной в 1967 г. работе «Подъем и падение холодной войны» признает вмешательство США во внутренние дела европейских стран в интересах реакционных сил²⁰. Другой американский исследователь, К. Огльсби, в книге «Сдерживание и перемены» (1968 г.) резко критикует антисоветские мифы. «Главное зерно и корень американской внешней политики заключается в том, — подчеркивает он, — чтобы открыть границы для американского бизнеса... Америка хочет, чтобы ... мир управлялся ее бизнесменами. Дело, однако, в том, что другие этого не хотят. На Востоке они взяли власть и сопротивляются. Отсюда борьба Востока и Запада, в наше время названная холодной войной»²¹.

Стремясь ослабить неблагоприятное впечатление в других странах о внешней политике США, реакционная историография настойчиво стремится обосновать легенду о будто бы миролюбивой природе внешней политики Соединенных Штатов. Эта линия тем упорнее выдвигалась американской пропагандой, чем сильнее проявлялась агрессивность американского империализма.

«Существует ли американский империализм?» — спрашивает известный историк внешней политики США Д. Перкинс. Апеллируя к истории, Перкинс (как и некоторые другие буржуазные авторы—У. Лэнгер, Д. Пратт,

²⁰ P. Seabury. *The Rise and Fall of the Cold War*. New York, 1967, p. 49.

²¹ C. Oglesbey, R. Shaull. *Containment and Change*. New York, 1968, p. 70—71.

Т. Бейли) стремился обосновать тезис об отсутствии империализма в США. «Америка никогда не была империалистической страной и не является таковой в настоящее время»²². Близкий к правящим кругам США У. Росту прямо предлагал отбросить понятие «империализм» как неприменимое к американскому строю²³. «Мир, дружба, политика невмешательства,— заявлял Р. Леопольд,— таков путь жизни Нового Света в отличие от войн, интервенционизма и несоблюдения договоров в Старом»²⁴. Актуальная пропагандистская задача этой идеологической конструкции не вызывает сомнения. Она призвана обелить американский империализм, представить его чуть ли не как бескорыстную систему мировой филантропии.

Поскольку в США нет и не было империализма, рассуждают буржуазные историки, не было и побудительных мотивов для насильственных захватов территории, для агрессивных войн. Территориальная экспансия США происходила-де мирным путем — посредством «округления» границ, а если порой США и участвовали в войнах, то исключительно в целях обороны или ради освобождения угнетенных народов. Но даже представитель официальной школы в американской историографии Л. Мортон вынужден признать: «В американской истории трудно найти период, когда страна не находилась бы в состоянии войны, и

²² *D. Perkins. The American Approach to Foreign Policy. Cambridge (Mass.), 1954, p. 30, 83.*

²³ *W. Rostow. View from the Seventh Floor. New York, 1964, p. 116.*

²⁴ *R. Leopold. The Growth of American Foreign Policy. New York, 1964.*

большая часть ее территории была ею завоевана»²⁵.

«Во внешнеполитической области по крайней мере,— писал придерживающийся объективности американский историк В. Вильямс,— Соединенным Штатам не удалось доказать, что Маркс не прав. Америка — колониальная держава. Америка в широких масштабах практиковала административный колониализм. Америка создала огромную неофициальную империю, и теперь она столкнулась с подтверждением правоты тезиса Маркса, что подобные империи порождают специфическую эффективную оппозицию, как внутреннюю, так и внешнюю. По-видимому, было бы не только разумным, но и почти безошибочным признать, что Маркс был прав»²⁶.

Все усилия реакционной историографии не могут скрыть того факта, что именно империализм является источником агрессивности и войн и что только с возникновением социалистической системы впервые появляется организованная сила, сделавшая борьбу за мир своей первостепенной задачей.

Не случайно первым декретом новой общественной формации был Декрет о мире, объявивший агрессивную войну «величайшим преступлением против человечества...»²⁷. Советское правительство обратилось к народам

²⁵ "The Historian and the Diplomat". Ed. by F. Loewenheim. New York, 1967, p. 148. Также: G. Kolko. The Roots of American Foreign Policy. New York, 1969; T. Hayter. Aid as Imperialism. London, 1971.

²⁶ W. Williams. The Great Evasion. Chicago, 1964, p. 51.

²⁷ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 12.

и правительствам всех участвовавших в империалистической войне стран с призывом заключить справедливый демократический мир.

Борьба за мир органически присуща самому характеру советского общественного строя, отвечает коренным интересам советских трудящихся, целью которых является построение коммунистического общества, интересам трудящихся всех стран.

С первых лет своего существования Советское государство выступает за мир, против империализма и империалистических войн, с принципиальным осуждением всякой агрессии, колониализма, любого захвата чужих земель и порабощения другого народа, вмешательства во внутренние дела других стран, за право каждой нации на самоопределение, за предоставление ей возможности самой определять свою судьбу и вести революционную борьбу за социальное и национальное освобождение. Во внешнеполитической практике Советского государства, других социалистических стран сбылось предвидение К. Маркса о создании общества, «международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд!»²⁸.

Политика мира и дружбы выражает общую закономерность социализма — общественного строя, не заинтересованного в агрессивных войнах.

Всячески муссируя легенду о «советской угрозе», империалистическая пропаганда вместе с тем искажает действительные основы советской внешней политики, и в частности марксистско-ленинскую концепцию мирного сосу-

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 5.

существования государств с противоположными социально-экономическими системами. Характерно, что первоначально сама мысль о сосуществовании начисто отвергалась идеологами буржуазии: империалистическая реакция делала все возможное, чтобы существование новой системы стало кратковременным эпизодом в мировой истории. Провал попыток решить проблему с помощью силы потребовал пересмотра целого ряда практических и теоретических установок. Вместе с эволюцией форм борьбы против Советской власти в области экономики и политики эволюционировали и формы борьбы в области идеологии. Подход буржуазной мысли к концепции мирного сосуществования несколько видоизменился.

Правда, духовные наследники организаторов вооруженной интервенции против Советской России — нынешние «ультра», а их немало, продолжают придерживаться старой позиции. Единственный выход из современного сложного международного положения они видят в насильственном уничтожении коммунизма, не исключая из своего арсенала любых средств, даже атомную войну. Американские «бешеные» в области общественных наук до сих пор активно выступают против мирного сосуществования, отвергая его, так сказать, «с порога». Такое резкое отрицание содержится в книге К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия». «Возможность мирного сосуществования наций, которые населяют этот мир, — указывается в ней, — предполагает исчезновение тоталитарных диктатур (так клеветнически определяют социалистические страны. — Б. М.). Поскольку, как они сами утверждают, их систе-

ма должна быть превращена во всемирную, для тех, кто ее отвергает, остается только одна альтернатива: стремиться к их разрушению»²⁹. Специалисты Центра стратегических исследований Джорджтаунского университета заявляют с не меньшей категоричностью: между социалистическими и капиталистическими странами не может быть «действительного сосуществования. Конфронтация абсолютна»³⁰.

Однако большинство буржуазных идеологов считает такой подход слишком прямолинейным и малоэффективным. Успехи политики мирного сосуществования, ее растущая популярность среди широких кругов общественности в капиталистических странах превращают слишком откровенные наскоки на этот принцип в своеобразный бумеранг: противники мирного сосуществования предстают в глазах общественного мнения как поджигатели войны. Поэтому буржуазные ученые все чаще прибегают к более изощренным приемам и методам борьбы. Не решаясь открыто выступать против концепции мирного сосуществования, как таковой, признавая даже, что в целом это «неплохая идея», они пытаются дискредитировать политику мирного сосуществования, проводимую СССР, с помощью мнимых «теоретических», «научных» доводов. Конечно, и здесь идеологи буржуазии находятся в нелегком положении. Концепция мирного сосуществования научно обоснована, она опирается на огромный исторический опыт человечества. Противники мирного сосуществова-

²⁹ *C. Friedrich, Z. Brzezinski. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1965, p. 365.*

³⁰ "Peace and War in Modern Age". Ed. by F. Barnett. New York, 1965, p. 28.

ния не в состоянии вести спор на научном уровне — в ход пускается идеологическая диверсия. Такой идеологической диверсией является попытка «отлучить» концепцию мирного сосуществования от марксизма-ленинизма, объявить ее «в корне противоречащей» марксистско-ленинской теории.

Подобный подход, демонстрируемый, кстати сказать, и идеологами «левого» ревизионизма, все более и более берется на вооружение антикоммунизмом и антисоветизмом. Так, Г. Маркузе в труде «Советский марксизм» прямо заявляет, что мирное сосуществование — «аномальная ситуация» с точки зрения марксизма-ленинизма, ее выдвижение — это «пересмотр» теорий³¹. Тем же путем идет профессор Дьюкского университета В. Кульский. В книге «Мирное сосуществование. Анализ советской внешней политики» он утверждает, что концепция мирного сосуществования является «изменой» «марксистско-ленинскому призыву к социальной борьбе вплоть до окончательного поражения капитализма»³².

Такая позиция говорит о нежелании буржуазных ученых считаться с историческими фактами, с работами классиков марксизма-ленинизма. Как справедливо отмечает Ю. А. Красин, «мирное сосуществование есть прямой вывод из ленинской теории социалистической революции»³³. Неравномерность развития ка-

³¹ *H. Marcuse. The Soviet Marxism. New York, 1958.*

³² *W. Kulski. Peaceful Coexistence. An Analysis of Soviet Foreign Policy. Chicago, 1959, p. 75.*

³³ *Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность. Проблемы ленинской теории социалистической революции, стр. 417.*

питализма ведет к тому, что социализм может победить первоначально в немногих или в одной, отдельно взятой, стране, а это означает, писал В. И. Ленин, что «остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»³⁴. Следовательно, эпоха социальной революции пролетариата неизбежно предполагает сосуществование двух систем. Будет ли сосуществование мирным или немирным, зависит от соотношения классовых и политических сил на международной арене. Агрессивным внешнеполитическим тенденциям империализма противостоят миролюбивые внешнеполитические тенденции, исходящие от социализма. Когда В. И. Ленина спрашивали о препятствиях к миру с Америкой, он отвечал: «Никаких с нашей стороны. Империализм со стороны американских (как и любых иных) капиталистов»³⁵.

В Декрете о мире, написанном В. И. Лениным и принятом II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., были изложены общие принципы внешней политики и дипломатии Советского государства — принцип права нации на самоопределение, равенства больших и малых наций при решении международных вопросов, гласности переговоров, отмена тайной дипломатии, невмешательство в дела других стран, принцип запрещения аннексий и контрибуций. Принцип мирного сосуществования государств с различными общественно-политическими системами занял важное место в советской внешней политике.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 133.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 146.

В 1919 г., в разгар военной интервенции капиталистических держав против Советского государства, В. И. Ленин предвидел новую историческую полосу, целый период, «когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»³⁶. Последующее развитие событий показало правильность внешнеполитической концепции В. И. Ленина, Коммунистической партии.

Стремление «отлучить» принцип мирного сосуществования от марксизма-ленинизма составляет лишь одну сторону идеологической диверсии антикоммунизма. Другая сторона включает попытки противопоставить принцип мирного сосуществования принципу пролетарского интернационализма. Здесь антикоммунисты опять-таки блокируются с ревизионистами в измышлениях о внешнеполитической линии СССР. В последнее время, заявляет, например, Д. Лукас, тенденцией советской внешней политики был «скорее национализм, чем интернационализм, эта тенденция была скорее русской, чем коммунистической, скорее изоляционистской, чем революционной»³⁷. Легенду о возврате СССР к некоему «традиционному национализму» русской политики дооктябрьского периода повторяет и А. Улам, утверждающий, что старый «русский национализм» возродился-де в советское время в пролетарском интернационализме³⁸.

В. Аспатурьян стремится обосновать тот же тезис ссылкой на пресловутую теорию «перерождения». Советский Союз, по его словам,

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 197.

³⁷ J. Lukas. A History of the Cold War. New York, 1962, p. 252.

³⁸ A. Ulam. Op. cit., p. 4.

«утратил революционность», превратился в «зрелую глобальную державу», «частично добровольно, частично из-за необходимости, частично против своей воли Советское государство в конце концов восприняло черты своего предшественника во внешней политике», т. е. царской империи. Утверждения об «утрате революционности» и переходе к «традиционным целям великой державы» во внешней политике понадобились Аспатурьяну, чтобы как-то подкрепить обвинения в «отказе» СССР от пролетарского интернационализма. Любопытно, что Аспатурьян прямо ссылается на пекинскую пропаганду, заявляя, что «в некоторых отношениях советское поведение соответствует (?! — Б. М.) китайским обвинениям»³⁹. Подобные же идейки развивались и на организованном Гуверовским институтом войны, революции и мира симпозиуме, материалы которого были опубликованы в 1968 г.⁴⁰

Жизнь отмечает эти домыслы. Исторический опыт Советского государства свидетельствует, что национальное и интернациональное во внешней политике Советской страны были и есть неразделимы. С момента своего рождения Советская республика ставила своей главной задачей всемерную поддержку и помощь революционной борьбе трудящихся, защиту их действий и завоеваний от империализма. Обеспечение максимально благоприятных условий для осуществления социалистических преобразований в стране, являющейся важнейшей базой мирового революционного про-

³⁹ "Survey", 1967, October, p. 36—37, 42, 45, 58.

⁴⁰ "Fifty Years of Communism in Russia". Ed. by M. Mrachkovich. Pennsylvania State University, 1968.

цесса, способствовало выполнению этой задачи и никоим образом не противоречило ей.

Интернационализм, международная классовая солидарность рассматривались Лениным как основа внешней политики Советской власти. Согласно заявлению Советского правительства в ноябре 1918 г.: «В основу истинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте»⁴¹. Внешнеполитическая деятельность Советского правительства находится в полном соответствии с закономерностями исторического процесса, национальными интересами народов СССР и интернациональными интересами трудящихся классов разных стран.

«Верные заветам Ленина, советский народ и его Коммунистическая партия на протяжении полувека неуклонно следовали линии пролетарского интернационализма, исходили из принципа нераздельности интернациональных и национальных задач страны победившего социализма»⁴².

Советское государство с самого начала провозгласило в качестве принципов своей внешней политики интернационализм в отношениях с народами, ведущими борьбу против империализма и колониализма, и мирное сосуществование в отношениях с капиталистическими странами. Как подчеркнул в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Л. И. Бреж-

⁴¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 566.

⁴² «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, стр. 63.

нев: «Твердый отпор агрессии неизменно сочетался в нашей политике с конструктивной линией на урегулирование назревших международных проблем, на поддержание нормальных, а где это позволяет обстановка — хороших отношений с государствами, принадлежащими к иной социальной системе. Как и прежде, мы последовательно отстаивали ленинский принцип мирного сосуществования государств, независимо от их общественного строя»⁴³.

Верный своему интернациональному долгу, Советский Союз решительно поддерживает вьетнамский народ, борющийся против агрессии американского империализма, поддерживает справедливую борьбу народов арабских государств против агрессивных действий со стороны Израиля.

В реакционной историографии весьма распространена трактовка, объявляющая политику мирного сосуществования вынужденной, не обусловленной никакими объективными факторами и временной. По утверждению Ф. Баргхорна, борьба Советской власти за мир в первые годы после Октября отражала лишь необходимость самозащиты «слабого государства перед лицом сильных внешних и внутренних врагов»⁴⁴. Мирное сосуществование, заявляют буржуазные ученые, — «изобретение» позднейшего периода, рассчитанное на то, чтобы обмануть «наивных» государственных деятелей Запада. Сосуществование на

⁴³ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 27.

⁴⁴ F. Barghoorn. Op. cit., p. 86.

одной планете с СССР, подводит итог Ф. Мозли, «более настораживает, чем внушает доверие»⁴⁵.

При этом в советоведческих работах проявляется излюбленный мотив антикоммунистов — рассуждения о «нестабильности» и «двуличности» советской внешней политики. Методология «кремлелогии», ее тенденция изучать не существующее реально, а «подразумеваемое» предоставляет неограниченные возможности для различных домыслов относительно «истинных намерений Кремля». На подобной методологии базируется книга некоего А. Уикса «Другая сторона сосуществования. Анализ русской внешней политики». «Советским мотивам и целям,— вещает автор, — внутренне присущи злокозненность, коварство»⁴⁶. Политика мирного сосуществования, пишут буржуазные идеологи, представляет собой лишь «изменение в методах, а не в целях»⁴⁷, «прикрытие» для «завоевания мирового господства»⁴⁸. Советское правительство, утверждает в работе А. Берзинса «Два лика сосуществования», всегда рассматривало и рассматривает политику сосуществования как «конъюнктурно удобный метод достижения поставленных целей»⁴⁹. Пропагандистская цель этой и других интерпретаций, развивающих данную тему независимо от того, осно-

⁴⁵ "Foreign Affairs", 1962, October, p. 45.

⁴⁶ A. Weeks. The Other Side of Coexistence: An Analysis of Russian Foreign Policy. New York, 1970.

⁴⁷ R. Bowie. Shaping the Future. New York, 1964, p. 8.

⁴⁸ W. Ebenstein. Today's Isms. New York, 1967, p. 41.

⁴⁹ A. Berzins. The Two Faces of Coexistence. New York, 1967.

вываются ли они на противопоставлении «тоталитаризма» и «демократии» или же на обвинениях в «ревизии» марксизма, одинакова. В последние годы все чаще пускаются в ход рассуждения о «неоконсерватизме» в советской внешней политике⁵⁰.

Историей доказано: идеологические разногласия не являются причиной невозможности мирного сосуществования различных систем. Этот вывод делается и буржуазными учеными, придерживающимися фактов. Отмечая, что исторические прецеденты «обнадеживают», английский историк А. Тойнби подчеркивал: «Я думаю о них, когда я слышу утверждения моих западных современников о том, что сосуществование с коммунизмом невозможно. В свете исторических фактов я не смотрю на положение трагически»⁵¹.

Вне всякого сомнения, по сложности современное международное положение не имеет параллели в мировой истории. Не следует забывать, что социалистическая система, впервые в истории уничтожившая эксплуатацию человека человеком, коренным образом отличается от предшествовавших ей систем. Однако это различие вовсе не означает, что спор между капитализмом и социализмом может быть разрешен силой оружия. Системы избираются народами, а не навязываются извне. Как известно, попытки насильственно изменить социальный порядок в какой-либо стране извне исходят не от СССР, а от агрессивных кругов империалистических держав. Такие

⁵⁰ S. Anderson. East Europe: The Politics of Recovery. — "Current History", 1969, October, p. 208.

⁵¹ "New York Times Magazin", 20.II.1955, p. 45.

попытки предпринимались в период военной интервенции против Советской России. К этому же стремилась и гитлеровская Германия, напав на СССР в 1941 г. Именно империализм осуществляет экспорт контрреволюции.

Советский Союз всегда выступал и выступает за мирное сотрудничество и соревнование между социализмом и капитализмом. Социалистическая система и свойственные ей законы общественного развития полностью отрицают войны как инструмент внешней политики. «Если капитализм насаждал свое господство огнем и мечом, — говорится в Программе КПСС, — то социализм не нуждается в войнах для распространения своих идеалов. Превосходство над старым строем в организации общества, в государственном строе, в экономике, в подъеме жизненного уровня и духовной культуры — вот его оружие»⁵².

Советское государство всегда стояло и стоит на позиции последовательного проведения принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Как ни глубоки различия в природе, характере, внутренних закономерностях социализма и капитализма, представители обеих систем не могут не быть заинтересованы в предотвращении мировой термоядерной войны. Принципами мирного сосуществования руководствуются в своей внешней политике страны социалистической системы. Их поддерживает большая группа молодых национальных государств Азии и Африки. Им сочувствуют прогрессивно мыслящие круги в капиталистических странах.

⁵² «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III, стр. 270.

Конечно, сосуществование капиталистических и социалистических стран — это отнюдь не вопрос принципа или политики. Это объективный факт, и никто не в состоянии отрицать, что как те, так и другие государства вот уже более полстолетия совместно существуют на земном шаре. Проблемой современности является не сосуществование вообще, а мирное сосуществование.

Ведь и в годы гражданской войны, и в годы Великой Отечественной войны Советское государство сосуществовало с капиталистическими странами, но сосуществование не было мирным: советскому народу приходилось отражать вооруженный натиск мировой капиталистической реакции. В 20-е и 30-е годы сосуществование было лишь относительно мирным, так как в политике ведущих капиталистических держав и тогда было немало элементов такого состояния, которое позже стало именоваться «холодной войной».

Важнейшая среди задач, стоящих перед человечеством, заключается в том, чтобы обеспечить мир, положить конец гонке вооружений, угрожающей перерастанием во всемирный вооруженный конфликт, прекратить вмешательство во внутренние дела других стран, экспорт контрреволюции.

Советское правительство в своей политике исходит из признания, что мирное сосуществование капитализма и социализма вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств. Но мирное сосуществование, как уже отмечалось, вовсе не

означает отказа от классовой борьбы, от поддержки народов, борющихся за свое национальное и социальное освобождение. Нет и не может быть мирного сосуществования между социалистической и буржуазной идеологиями.

Характерно, что отдельные буржуазные авторы, даже искажающие характер внешней политики СССР, признают практическую необходимость политики мирного сосуществования. К этому их вынуждает реальная оценка соотношения сил между капитализмом и социализмом. Как отмечалось в работе, изданной Чикагским институтом американской стратегии: «США лишились возможности свободно выбирать между войной и миром. Право принятия такого решения перешло с развитием советской ядерной техники от США к Советскому Союзу»⁵³.

Давая в целом искаженную интерпретацию целей и методов внешнеполитического курса Советской страны, М. Шулман подчеркивал: мирное сосуществование не «новое изобретение» Кремля, призванное сбить с толку и запутать Запад, оно является «одним из регулярных аспектов» советской политики⁵⁴.

Некоторые американские авторы, осознавшие необходимость мирного сосуществования, пытаются вопреки здравому смыслу обусловить его требованиями различных уступок со стороны СССР. Однако буржуазные ученые, придерживающиеся прогрессивных политических взглядов и отстаивающие объективность в научных исследованиях, категорически заяв-

⁵³ *W. Hahn, J. Neff. American Strategy for the Nuclear Age. New York, 1960, p. 44.*

⁵⁴ *M. Shulman. Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge (Mass.), 1963.*

ляют: «Мы буквально не имеем другой альтернативы, кроме как жить на одной планете с Советским Союзом и научиться регулировать наши разногласия без войны. Это для нас вопрос жизни или смерти»⁵⁵.

Курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем направлен против агрессивной политики империализма, против международных провокаций и экспорта контрреволюции, за создание благоприятных условий для осуществления народами права на самоопределение, за разрывание взаимовыгодного экономического, научно-технического сотрудничества, за культурный обмен между всеми странами.

Огромную роль в улучшении международной обстановки в последнее время играет Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС. Ознаменовались успехом многочисленные шаги, предпринятые руководителями партии и правительства на основе этой Программы. Достижение четырехстороннего соглашения по Западному Берлину явилось крупным вкладом в дело европейской безопасности.

3 июня 1972 г. вступил в силу Договор между СССР и ФРГ, который, как и аналогичный договор между Польшей и ФРГ, означает признание незыблемости границ в Европе, в том числе западной границы Польши по Одру и Нейсе и границы между ФРГ и ГДР, отказ от каких-либо территориальных притязаний и обязательство соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе. Эти договоры содержат также обязательство

⁵⁵ *D. Fleming. The Cold War and Its Origins, vol. I. London, 1961, p. XIII—XIV.*

сторон об отказе от применения силы в международных отношениях и при решении международных вопросов, отражают стремление заключивших их государств содействовать нормализации обстановки в Европе и развитию мирных отношений между всеми европейскими странами.

Важное значение для осуществления советской Программы мира имели визиты Л. И. Брежнева во Францию, Югославию, Венгрию, Болгарию и Германскую Демократическую Республику, его встреча с канцлером ФРГ в Крыму, визиты Н. В. Подгорного в Демократическую Республику Вьетнам и Арабскую Республику Египет, А. Н. Косыгина в Алжир, Канаду и Республику Куба, визиты, встречи и иные формы контактов советских партийных и государственных деятелей с представителями зарубежных стран.

Во время происходивших в мае 1972 г. советско-американских переговоров в Москве был принят документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», облакающий в международно-правовую форму отношения между обеими странами на основе принципа мирного сосуществования. Были подписаны также Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, ряд других соглашений. Тем самым был нанесен серьезный удар по догмам «холодной войны», по антикоммунистическим концепциям «устрашения» и «превосходящей силы».

Как отмечается в постановлении ноябрь-

ского Пленума Центрального Комитета КПСС (1971 г.): «Последовательно проводимая партией и Советским правительством ленинская внешняя политика, в которой твердый отпор империализму и поддержка революционного, освободительного движения неизменно сочетаются с последовательным курсом на мирное сосуществование государств с различным социальным строем, обеспечив высокий авторитет Советского Союза в мировых делах, способствовала укреплению международных позиций социализма, всех прогрессивных сил, оказала серьезное влияние на изменение международной обстановки в пользу мира и безопасности народов»⁵⁶.

* * *

На современном этапе противоборства между силами реакции и прогресса все большее значение приобретает острая и принципиальная борьба против буржуазной идеологии. Великий Ленин предупреждал: «Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»⁵⁷. Сегодняшний империализм давно уже не тот, каким он был в период написания этих чеканных строк. Его идеологические «мундиры» порядком пообтрепались, а попытки буржуазных апологетов приукрасить фасад обветшалого здания капитализма не выдерживают испытания временем. Однако империализм все еще сильный и опасный противник. Чем больше успехи социализма, тем интенсивнее и изо-

⁵⁶ «Правда», 24/XI 1971 г.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 269.

щреннее становятся атаки империалистических идеологов на теорию и практику научного коммунизма. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев:

«Добиваясь утверждения принципа мирного сосуществования, мы отдаем себе отчет, что успехи в этом важном деле ни в какой мере не означают возможности ослабления идеологической борьбы. Напротив, надо быть готовыми к тому, что эта борьба будет усиливаться, становиться все более острой формой противоборства двух социальных систем. И у нас нет сомнений в исходе этого противоборства, ибо правда истории, объективные законы общественного развития — на нашей стороне!»⁵⁸

За минувшие после Великой Октябрьской социалистической революции десятилетия буржуазная историография создала огромную литературу, искаженно трактующую героический путь, пройденный советским народом под руководством Коммунистической партии, тенденциозно интерпретирующую прошлое нашей страны. Нельзя недооценивать влияние антикоммунистической историографической диверсии в условиях широкого использования империализмом массовых средств коммуникации — печати, радио, телевидения.

Стремясь включить в орбиту своего духовного воздействия возможно большее число людей, антикоммунистическая историография прибегает, как мы видели, к весьма изощренным приемам. В ход пускаются различные — иногда весьма усложненные — теории и концепции. Однако эффектные фасады буржуаз-

⁵⁸ «Правда», 28. VI. 1972 г.

ной исторической науки в сущности прикрывают бесплодие ее методологии, неспособность дать научное объяснение прошлого. Исторические произведения буржуазной историографии, в особенности по такой актуальной тематике, как история СССР, в большинстве своем акции в идеологической борьбе двух систем, акции, чей характер и форма в значительной степени определяются характером и формами самой этой борьбы.

Современному этапу империалистической стратегии «идеологического подрыва» соответствует и определенный теоретический арсенал антикоммунистической историографии. За последние годы в исторической литературе США появился ряд новых положений, зафиксировавших ярко выраженную стратегическую направленность борьбы империализма против основной революционной силы нашего времени. Это прежде всего теории об «утрате революционности» мировой системы социализма (теория «дерадикализации»), «кризиса ее монолитности» (теория «дезинтеграции») и «устарелости» руководящей роли коммунистических партий в социалистических странах (теория «делидерализации»).

«Мы обычно считаем Советский Союз революционной силой в мире,— писал еще в середине 50-х годов известный политический деятель США Джон Макклой.— Поступая так, мы рискуем дать возможность Советам стать символом и вдохновляющим идеалом конструктивных перемен в жизни сотен миллионов людей во всем мире». Макклой настойчиво рекомендовал «напомнить другим» о том, что «менее двух столетий назад американский народ помог зажечь великую революцию».

Выдвигая теорию «дерадикализации», антикоммунисты рассчитывают путем извращения понятия революции объявить социалистические страны «арьергардом» общественного прогресса. «Те движения и режимы, которые остаются под сильным влиянием марксистского мировоззрения, — заявляет Р. Ловенталь, — перестают быть революционными»⁵⁹. Эту идейку развивал и К. Лондон, утверждавший, что «СССР сегодня — одна из наиболее консервативных держав в мире»⁶⁰.

Причины этих нелепых заявлений очевидны. Одна из основных задач современной антикоммунистической пропаганды — доказать «неприменимость советской модели развития» за пределами границ СССР⁶¹. Характерно, что идея о «дерадикализации» процесса строительства коммунистического общества в Советском Союзе прямо смыкается с писаниями «ультралевых» ревизионистов.

В период господства в военно-политической стратегии США доктрин «отбрасывания» коммунизма и «освобождения» от него в антикоммунистической историографии доминировала «монолитная» концепция мировой системы социализма как единого и сплоченного «конгломерата». Появлению в политической терминологии понятия «наведение мостов» предшествовало возникновение теории «дезинтеграции» коммунизма. О смысле этих далеко не просто терминологических изменений откровенно писал З. Бжезинский, требовавший от Запада содействия «развитию на Востоке процессов

⁵⁹ "Encounter", 1969, November, p. 28.

⁶⁰ "Current History", 1969, October, p. 199.

⁶¹ "The Future of Communism in Europe". Ed. by R. Burks. Detroit, 1968, p. 137.

эволюции, которые в своей совокупности дали бы толчок к появлению новых политических взглядов»⁶².

Одним из основных «теоретических этапов» на пути к теории «дезинтеграции» явились попытки оторвать ленинизм от марксизма, представить ленинизм порождением «русской специфики» и на этой основе утвердить тезис о «национальных марксизмах», «национальных коммунизмах». Профессор Массачусетского технологического института автор книги «Философ русского тоталитаризма Данилевский» Р. Макмастер заявлял, например, что «русский тоталитарный тип», олицетворенный, по его словам, в большевизме, в своей духовной, культурной и эмоциональной основе следует «главной русской интеллектуальной традиции, сделавшей демонический переворот». Предшественником большевизма он называет «философа русского тоталитаризма» реакционного эпигона славянофилов Данилевского⁶³.

Классификации ленинского учения как «антизападного» имеют целью «теоретическое» обоснование подрыва единства социалистических стран, принципа пролетарского интернационализма, или, говоря словами профессионального антикоммуниста Г. Скиллинга, «поощрение мирной эволюции национального коммунизма внутри советского блока»⁶⁴. Этой же цели служат попытки в извращенном виде представить руководящую роль коммунистических партий в социалистических странах,

⁶² "Foreign Affairs", 1968. January, p. 270—271.

⁶³ R. MacMaster. Danilevsky. A Russian Totalitarian Philosopher. Cambridge (Mass.), 1967, p. 6. 9. 300, 305.

⁶⁴ H. Skilling. Communism National and International. Toronto, 1966, p. 161.

всеми силами стимулировать возрождение буржуазного национализма⁶⁵.

Как видим, идеологические центры империализма, как и прежде, продолжают фабриковать духовные суррогаты, нацеленные на антикоммунистическую обработку масс. Вместе с тем в буржуазной исторической науке все чаще раздаются призывы пересмотреть старые догматические представления об СССР, мировом социалистическом лагере, перестать игнорировать факты соотношения сил на международной арене. Речь идет, конечно, не о прогрессивных исследователях, а о тех буржуазных ученых, которые под давлением фактов призывают отказаться от существующих иллюзий в отношении СССР. Одной из таких «стойких иллюзий» Т. Хупс из Йельского университета, например, назвал бытующее в Америке убеждение в «безусловном моральном, политическом и техническом превосходстве США над СССР»⁶⁶.

Главным, решающим, что определило процесс пересмотра установившихся под влиянием антикоммунизма догм в американском советоведении, были, конечно, сами события, имевшие место в СССР в послевоенные годы, происшедшие материальные и социальные перемены, успехи в области промышленного развития и поднятия жизненного уровня, научно-техническая революция, нашедшая свое воплощение в штурме космоса.

Профессор Южнокалифорнийского университета Р. Кэмпбелл в своей книге «Советская

⁶⁵ G. Gross. Communism Divided.— "Russian Review", 1969, July, p. 269.

⁶⁶ T. Hoops. The Persistence of Illusion.— "Jale Review", Spring, 1960.

экономическая мощь» охарактеризовал наметившийся сдвиг в западном мышлении следующими словами: «...до появления советских спутников мы имели обыкновение смеяться над претензиями СССР на приоритет в области технических достижений», но «недавние события начали наносить удары по нашему самодовольству»⁶⁷.

Некоторые известные буржуазные ученые уже давно отмечали шаткость надежд империалистов на ослабление советского строя. «При существующих перспективах,— подчеркивал Ф. Мозли,— ...мы будем иметь дело с советской системой, быстро растущей в экономической, научной и военной области...»⁶⁸ «Советский Союз,— писал президент Колумбийского университета Д. Кэрк,— следует рассматривать как жизнеспособную политическую и экономическую реальность, с которой наша страна вынуждена сосуществовать в течение неопределенного времени... Сегодня его внутренняя эффективность, стабильность и популярность более велики, чем в какой-либо другой период его истории»⁶⁹. В вышедшей в 1968 г. книге «Советская система и современное общество» Дж. Фишер признал необоснованность расчетов на «распад» советского социалистического общества⁷⁰.

В этой связи ряд американских авторов начинает писать об искусственном, наносном

⁶⁷ R. Campbell. Soviet Economic Power. Cambridge (Mass.), 1960.

⁶⁸ Ph. Mosely. Myths and Realities.— "Foreign Affairs", 1961, April, p. 354.

⁶⁹ G. Kirk. World Perspectives, 1964.— "Foreign Affairs", 1964, October, p. 5.

⁷⁰ G. Fischer. The Soviet System and Modern Society. New York, 1968.

характере антисоветизма, нагнетаемого реакцией. В книге «Два гиганта. Советское и американское представления о внешней политике» профессор А. Рапопорт отметил, что в отличие от СССР, обладающего динамичной идеологией, сплачивающей народы, американское общество с его «индивидуалистической идеологией» оказалось после второй мировой войны без «стимула единения нации». Для «поддержания чувства национальной цели» идеологической машине империализма срочно потребовался «новый противник»⁷¹. Такой противник был «найден» в лице Советского Союза, которого антикоммунистическая пропаганда тут же объявила «главной угрозой» американским устоям жизни. Совершенно очевидно, что антисоветизм — это отравленное оружие реакции — глубоко противоречит истинным национальным интересам США.

Характерно, что представители деловых кругов капиталистического мира призывают реалистически взглянуть на существование мощной системы социализма. Как подчеркнул видный специалист по вопросам торговли С. Писар в книге «Сосуществование и торговля»: «...Экономические системы как коммунизма, так и капитализма будут сосуществовать длительное время в будущем. Ни одна из сторон не согласится на то, чтобы добровольно пойти на перестройку своей социальной структуры или пытаться воздействовать друг на друга применением силы. Такой баланс сил между двумя соперничающими системами нашего политически расчлененного мира

⁷¹ А. Рапопорт. *The Big Two. Soviet-American Perceptions of Foreign Policy*. New York, 1971, p. 112.

создает относительно обнадеживающую перспективу сосуществования и — при счастливом стечении обстоятельств — конструктивное сотрудничество и конкуренцию. Я предвижу такое развитие событий просто потому, что альтернатива неприемлема ни для кого. Любая попытка применения силы сейчас означала бы взаимное уничтожение. В то же время отказываться от более широкого экономического обмена означало бы ненужное расточительство ресурсов»⁷².

Реалистически мыслящий американский историк В. Вильямс еще в конце 50-х годов предупреждал об опасности искажения истории в политико-идеологических интересах. Сравнивая историю с зеркалом, «в котором, если мы достаточно честны, мы можем увидеть себя такими, какие мы есть, а не такими, какими хотели бы себя увидеть», Вильямс подчеркивал, что «злоупотребление историей — это злоупотребление зеркалом» и что было бы благоразумным «не вводить самих себя в заблуждение»⁷³.

В 1972 г. видный американский политический деятель сенатор У. Фулбрайт подвел неутешительный итог подобного злоупотребления в оценках объективной реальности: «Следствием нашей антикоммунистической идеологии, — констатировал Фулбрайт, — явилось то, что мы освободили себя от необходимости принимать во внимание конкретные факты и ситуации, реалистически мыслить. Подобно средневековым богословам мы изо-

⁷² S. *Pisar*. *Coexistence and Commerce*. New York, 1970.

⁷³ В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, стр. 25.

брили философию, которая все объясняет нам заранее».

Столкнувшись с полным крахом своих оценок и концепций, фанатики «холодной войны» в области историографии не сложили оружие и не прекратили попыток остановить ход истории. По свидетельству известного американского историка Г. Моргентхау, современные «демонологи» всеми силами стремятся сохранить свои позиции в идеологии и политике США⁷⁴.

Американская реакция в штыки встретила улучшение атмосферы в отношениях между СССР и США. В то же время более гибкие антикоммунисты пытаются использовать изменившуюся ситуацию в целях активизации антикоммунистических диверсий. Они призывают использовать все формы экономического, научного и туристического обмена для распространения в социалистических странах «западных представлений и идеалов». Но ведь известно, что те самые «демократические ценности», которые мастера идеологических диверсий стремятся навязать другим народам, ныне подвергаются усиленной критике в самих капиталистических странах. «Величайшая реклама Америки,— пишет профессор Ч. Рейх,— «свобода». Америка — «свободная» страна, часть «свободного мира» в отличие от коммунистического мира. Однако что имеется в виду под этой свободой? Постепенно она стала обозначать свободу потребителя... Однако в отношении работы никакой свободы нет... Рабочий живет в отнюдь не свободной стране... Американское общество во все возрастающей

⁷⁴ "Foreign Affairs", 1971, April, p. 433.

степени образуется в виде иерархии. Для рядового трудящегося на этом и кончается американская мечта о равенстве и демократии»⁷⁵.

Очевидно, что никакие идеологические уловки реакции не в состоянии умалить всемирно-исторические успехи в СССР, его экономический, социальный и научный прогресс. Исторический опыт человечества, и прежде всего исторический опыт строительства социализма и коммунизма в нашей стране, строительства социализма в других странах, с каждым годом приносит новые неопровержимые доказательства закономерности, неизбежности и превосходства социалистической общественно-экономической формации над капиталистической, оказывает мощное революционизирующее воздействие на всемирно-исторический процесс.

⁷⁵ *Ch. Reich. The Greening of America. New York, 1970, p. 185—186, 221, 223, 230.*

М25 **Марушкин Б. И.**
История в современной идеологической борьбе (Строительство социализма в СССР сквозь призму антикоммунистической историографии США). М., «Мысль», 1972.

230 с. (История и современность).

В современную эпоху подрывная деятельность империализма против социалистических стран не ограничивается разведкой — в ход пущены мощные средства идеологического воздействия. При этом в антикоммунистической пропагандистской кампании важное место отводится «советологии» — так называемой науке о СССР, в задачу которой входит изучение нашей страны и подготовка антисоветских идеологических диверсий.

В данной работе в популярной форме рассказывается о деятельности советологических центров, о том, ради чего, кем и как пишутся в Соединенных Штатах работы о прошлом и настоящем нашей страны. В центре внимания автора разбор концепций советологов по таким важным проблемам, как всеобщее и единичное в революционном процессе, общественный прогресс и опыт строительства социализма в СССР, историческая закономерность итогов второй мировой войны и т. д.

Марушкин, Борис Ильич

История в современной идеологической борьбе

Редактор *Ю. В. Мочалова*

Младший редактор *В. М. Кузнецова*

Оформление художника *А. Б. Коноплева*

Художественный редактор

А. А. Брантман

Технический редактор *Л. В. Барышева*

Корректор *Л. Ф. Кирилина*

Сдано в набор 20 апреля 1972 г. Под-
писано в печать 5 октября 1972 г.
Формат бумаги 70×90 ¹/₃₂, № 2. Усл.-
печатных листов 8,48. Учетно-издатель-
ских листов 8,79. Тираж 25 000 экз.
А04632. Заказ № 522. Цена 26 коп.

Издательство «Мысль».

117071. Москва, В-71,

Ленинский проспект, 15.

Типоофсетная фабрика «Атлас»

Государственного комитета Совета

Министров УССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.

Львов, Зеленая, 20.

26 коп.

издательство 'мысль' москва

В составе серии изданы:

М. П. Ким

История и коммунизм

В. Т. Ермаков

**Исторический опыт
культурной революции в СССР**

В. И. Кузьмин

**Исторический опыт советской
индустриализации**